

The background of the cover is a detailed still life painting. It features a variety of objects: a round pocket watch with Roman numerals on the left; a dark string with a knot in the center; a curved, polished horn or bone object in the lower left; and a dark, possibly wooden or metal, handle or tool in the lower right. The objects are set against a light, textured background, with soft shadows cast by them.

18+

ЕВГЕНИЙ КЕНИН

РЕХАН

ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Евгений Кенин

Рехан. Цена предательства

«Издательские решения»

Кенин Е.

Рехан. Цена предательства / Е. Кенин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968367-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вчерашний спортсмен, молодой боец спецназа в череде роковых событий оказывается сначала в плену, а затем и вовсе на стороне тех, против кого воевал. Что это — расплата за неоправданные, непродуманные поступки, продиктованные слабостью? Или же мистическая нить случайностей, ведущая Воина по своему Пути? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-968367-0

© Кенин Е.

© Издательские решения

Содержание

РЕХАн. Цена предательства	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
На этой стороне	7
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Рехан

Цена предательства

Евгений Кенин

© Евгений Кенин, 2023

ISBN 978-5-4496-8367-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Евгений Кенин

РЕХАн. Цена предательства

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На этой стороне

Перед глазами проплыло бледное девичье лицо, на мгновение застав раскалённую мушку, мелькающую в прорези целика. Видение было настолько неожиданным, а лицо настолько знакомым, что Пашка вздрогнул и дёрнулся. Прицел, ловящий очередную движущуюся точку в ущелье, сбился. Ставшие неверными руки послали короткую очередь куда-то в сторону. Безотказный АКС, возмущившись и выплюнув последние патроны из магазина, вообще замолк.

Чертыхнулся и быстро сполз с насыпи. Увлёкшись, он подполз слишком высоко на холмике траншеи и мог представлять собой замечательную мишень для любого удачливого стрелка снизу. Не стоило так уж беспечно...

Внезапно лицо вновь всплыло перед его взором. От неожиданности он вжался спиной в земляную насыпь, отчего за шиворот заношенного камуфляжа посыпались мелкие крошки сухой земли. Только что рукой не закрылся от посетившего его призрака.

На худеньком, почти прозрачном лице ярко выделялись глаза – всё те же, живые, удивительного оттенка синие глаза, серьёзно, очень внимательно вглядывающиеся в самую глубь Пашкиной души. И видели они всё, каждую его мысль, легко считывали мятущиеся внутри живого тела эмоции.

Засевшие в ущелье боевики, завязавшие с самого рассвета эту перестрелку, пока ничем особенным в военном искусстве не поражали. Размеренная стрельба перемежалась редкими взрывами на обеих сторонах. Военный лагерь огрызался интенсивней атакующих, высокомерно поливая огнём окрестности у подножия лагеря. Самих боевиков не было видно, лишь огоньки стрелкового оружия меняли своё местоположение, да стрекот выстрелов не затихал, даже не думал прекращаться. Те наверняка знали, что большая часть армейцев в это время на высоте отсутствует со всей приданной им бронетехникой и тяжёлым вооружением, поэтому уходить не спешили.

В воздухе заметно вибрировало железо, а каждый разрыв, прозвучавший неподалёку, заставлял привычно вжиматься в землю. Очень высоко в прозрачном до синевы небе жарко насмехалось солнце над оголенными горами.

Вот так глюк от жары, голода и опасности. Помотал головой, понял наверняка, что просто почудилось.

Видение отрезвило Пашку, вывело из адреналинового состояния. Хмуρο заправляя сдвоенный рожок, перемотанный изолентой, он прислушивался к почти позабытому, грызущему совесть чувству вины и бессилия.

Да, если бы он мог вернуть тот вечер обратно...

Внезапно лицо вновь всплыло перед его взором. От неожиданности он вжался спиной в земляную насыпь, отчего за шиворот заношенного камуфляжа посыпались мелкие крошки сухой земли. Только что рукой не закрылся от посетившего его призрака.

На худеньком, почти прозрачном лице ярко выделялись глаза – всё те же, живые, удивительного оттенка синие глаза, серьёзно, очень внимательно вглядывающиеся в самую глубь Пашкиной души. И видели они всё, каждую его мысль, легко считывали мятущиеся внутри живого тела эмоции.

Пашка сжал автомат так сильно, что кожа на костяшках кулаков натянулась и побелела даже сквозь въевшийся загар и замызганность. Хотел отвести взгляд – не получилось. Понял, что и не получится, бесполезно это. Собрался, вздохнул судорожно и прямо в них посмотрел,

ожидая увидеть там всё, что угодно, вплоть до того моря ненависти и презрения, которые он, вне всякого сомнения, заслужил.

Правда, ничего этого в глазах у неё там не было. Вообще там, кажется, ничего не было.

Кроме бездонной глубины. И были в них ещё отблески непонятной жалости и вроде как лёгкого интереса, чему Пашка немало удивился – им уже очень давно никто не интересовался и не жалел. И даже не жалость, а нечто большее. Всё, что было в них, бездонных, так это одно лишь Сострадание, и отблеска которого не увидишь во взгляде живых.

– Слушай, – голос её почти не изменился, всё тот же тембр и девичья мелодичность. Может, стал только глубже и раздавался не в воздухе, а прямо в голове солдата, минуя уши. Не слышно было бы такого голоса за стеной автоматической трескотни и хлопков гранатомётов.

– Слушай, – сказала она, – сейчас я на твоём месте ушла бы во-он туда, – и показала глазами на ответвление окопа метрах в пятнадцати, где в это время управлялся со своим пулемётом Головастик, что-то крича в пылу боя в адрес родных противника.

И всё исчезло. В уши ворвались все звуки этой реальности, что были приглушены в последнее мгновение. Сверху от разведчиков невыносимо оглушающе грохнул СПГ*, с шуршанием посылая снаряд в сторону ущелья. Слева за кустами зеленки все так же покрывали всех и вся сержанты Первый и Третий, для своих – Толян и Шкера, перемежая перлы родного языка с автоматными очередями. Где-то в соседнем окопе всё ещё заходилась в захлёбывающемся крике раненый с первого батальона, то и дело срываясь на дикий визг. Пробраться к нему не представлялось никакой возможности, для этого пришлось бы преодолевать метров тридцать открытого пространства, а самоубийц даже в группе специального назначения, славящегося своими лихими бойцами, не было.

Пашка, обладая редкостным упрямством, на этот раз без раздумий повиновался возникшей из ниоткуда девчонке. Тем более что позицию уже давно надо было менять. Подхватил РД* с патронами с земли и побежал, пригнувшись, по узкой траншее, высушенной намертво обжигающим солнцем. Ворвавшись в ответвление, где орудовал Сашка Головастик, швырнул ранец на дно окопа, добавив пыли в этот и без того пыльный день. Сел сверху. Пока есть сколько-то времени и прикрытие, надо снарядить доверху все использованные магазины. Запустил пятерню в зелёную россыпь патронов 5.45.

Горячий воздух здесь очень ощутимо пропитался пороховыми газами. Вокруг Головастика утоптанная земля под ногами была усеяна гильзами и пустыми пулемётными лентами. Повернув закопчённое лицо к Пашке, закричал, перекрывая грохот близкой стрельбы:

– Паха, ну как, а? Страшно одному стало, да?!! Без папки загрузил?!.. Иди к папке! – и заржал, жеребец, хлопнув грубой ладонью себя по ляжке.

– Пошёл ты... – привычно отбреднулся Пашка.

И вдруг вдарило. Обжигающе горячий воздух пронёсся по траншее, обдав обоих дрожащим черным дымом. В уши нестерпимо бухнул молот, перекрывая все связи барабанных перепонок с внешним миром.

– Еть... бтыть! – орал Головастик, зажимая онемевшие уши ладонями. О полном содержании монолога Пашка мог лишь догадываться или читать по губам. Нормально так глушало. ПКМС взрывом развернуло, и он висел на бруствере, зацепившись одними сошками за бревно, притащенное сюда бойцами для лучшего укрепления огневой точки. Пулемётчик вновь заорал что-то на своём неслышном языке, тыча пальцем в сторону, откуда прибежал Пашка, при этом тряся изумлённо головой.

Вняв жестам товарища, Пашка приподнялся с земли, глядя в сторону, куда тот указывал обожженными пальцами.

Точка, которую он оставил неполную минуту назад, была сейчас полностью разворочена. Остатки маскировочной сетки, прикрывавшие скоп для ведения стрельбы, дотлевали далеко

в стороне, источая едкий дым. Сам окопчик был больше чем наполовину засыпан, а на месте бруствера, где лежал Пашка, в небольшую воронку хлопьями осыпались поднятые взрывом пыль и сорванная с ближайшего куста зелени редкая поросль.

– Ни хрена себе! – глядя на Пашку, лыбился белыми зубами на закопчённом лице Головастик, – да ты у нас счастливчик.

Звуки стали понемногу возвращаться, и Пашка, потрянув для верности пару раз головой, прокричал:

– Чего пальцы-то сожжены?

– Да за ствол сгоряча схватился, придурок, – доставая из пулеметной коробки новую ленту, громко, но уже спокойно произнес Головастик, – ствол раскалился... Уж которую тысячу застреливаю. Целый полк можно положить, только этих чертей не видно... По ходу, ствол придётся выкидывать нахрен... С прошлого раза пламегаситель еле отмочил в керосине...

И опять жажнуло, уже где-то сзади. Горячая волна пронеслась над Пашкой, тонко и противно свистнули над окопом осколки. Несколько с кровавым вкусом впились в насыпь и бревно, на котором всё так же стволом кверху висел Сашкин пулемет.

Только сам Сашка уже не стоял. Опустившись на колени, сжимал правое плечо левой рукой. Из-под пальцев выбивалась густая горячая кровь, насквозь пропитывая засаленный камуфляж. Боясь даже матюгнуться, чтобы от боли не потерять сознание, Головастик широко раскрытыми глазами смотрел на Пашку. В лице ни кровинки, зато из рассеченной осколком бритой головы кровь заливала ухо и шею, как будто давно мечтала вырваться на волю из жилистого спецназовского тела.

Пашка лихорадочно рванул из разгрузочного жилета МП и, разрывая зубами упаковку бинта, на карачках пополз к Головастику...

СПГ – станковый противотанковый гранатомет

РД – ранец десантника

Почему она в ту командировку явилась Пашке, и почему только один раз, он не знал. Задаваясь этим вопросом, перебирал десятки ситуаций, когда жизнь висела на волоске, на одной лишь случайности, когда видел уже направленный себе в голову чужой враждебный ствол или вспышку разрыва. Никогда она до этого момента не появлялась, ни намеком не выдавала себя, хотя Пашка сразу понял, что она всегда могла быть рядом и могла видеть любое его движение. Может, та, с косой, не торопилась забирать Пашку к себе, и лишние предостережения были ни к чему – он не знал. Спрашивал себя и сам пожимал плечами, решая оставить все как есть.

И про ее появление никому не сказал, даже Андрюхе, даже Сашке Головастикову, которого тогда не стали отправлять в госпиталь, только заштопали в местном лазарете-палатке. Раны оказались неопасными, и Головастика оставили на высоте. В то беспокойное время, когда официально было объявлено перемирие, каждая боевая единица в группе спецназа была необходима в этих горах, как никогда.

Пятеро стояли на коленях, с заложенными за голову руками. Все пятеро были одеты в виды выдающую «елочку», с непокрытыми головами. И не шевелились, переводя глаза с направленных им в лицо стволов на державших оружие крепких бородачей, что обступили

их плотной толпой. Заросшие щетиной мужики, обряженные в камуфляжи самого разного оттенка, обутые кто в кроссовки, кто в армейские берцы, разглядывали солдат. И от этих взглядов и этих ухмылок становилось по-настоящему нехорошо. Ничего доброго такие взгляды не предвещают.

Как мы их не заметили, тут же целая толпа... Мысли обгоняли одна другую, не давая толком испугаться. Человек пятьдесят, не меньше. У того вон, с фиксой, берцы классные – поменять бы на свои. Нет, ну надо так влипнуть... Андрюха-то чего выкобенивается, стоял бы смиренно, раз уж попали...

Основная масса боевиков стояла вокруг захваченных, не приближаясь вплотную, кроме тех, кто непосредственно держал парней на мушке. Чуть поодаль совещались несколько, по всей видимости, командиров. Через какое-то время они двинулись в сторону солдат. Из этой толпы выделялись двое.

Неспешно приближаясь, они о чем-то переговаривались. На вид обоим было лет по тридцать пять. Одеты в хорошие камуфляжи турецких спецподразделений. Пашка не раз видел такие. Натовские, немецкие, английские, французские... Славно этих чертей экипируют. Впечатление, будто весь мир помогает несчастным, воюющим за «свободу» нохчам. Все крепенькое, несмотря на долгие месяцы войны, по размеру. На головах, несмотря на теплую погоду, черные вязаные шапочки с зеленой лентой по нижней кайме, над самыми бровями. Оружие – обычное, наиболее удобное и практичное для стрелка в горах – по автомату Калашникова с пристегнутым снизу подствольным гранатометом. Держали они его за угол между магазином и цевьем, захватывая большим пальцем руки затвор, отчего автомат удобно покоился в ладони, создавая продолжение руки. Держали профессионально небрежно, как люди, имеющие дело с ним ежедневно.

Первый, по всей видимости, что-то доказывал другому, сопровождая свои слова сдержанными жестами рук. Бороды говорящий не носил, но густо зарос щетиной необычного для чеченца рыжевато-белого цвета. Если хорошенько взглянуть, даже черные волосы, выбивающиеся из-под шапки, в лучах раннего весеннего солнца приобретали заметные рыжеватые отблески. Черные живые глаза перебежали от стоявших на коленях солдат к лицу собеседника, улавливая реакцию на свои слова. Боевик был достаточно высок, а движения выдавали скрытую силу. Впрочем, Пашке показалось, что сила эта чем-то подточена – то ли давней болезнью, то ли еще чем. Бывает, что и от черных мыслей люди доводят себя до нездорового состояния. Окидывая начальственным взором остальных боевиков, держался свободно со своим собеседником – настоящим командиром этого отряда.

Нетрудно было догадаться, что второй и есть главарь всей этой разношерстной банды. Это явствовало из того, как все замолкали и вслушивались в его редкие реплики, из манеры держаться полновластным властителем своих людей, из того, что за ним неотрывно следовали несколько самого воинственного вида чеченцев – младших командиров и телохранителей. Типичный сын гор – не самого высокого роста, крепкий и кряжистый, без намека на лишний вес, с густой иссиня-черной бородой, доползающей до самых глаз. Чем-чем, а растительностью он не был обделен – густо заросшие руки до пальцев, завитки курчавой черноты, буйно выбивавшиеся из ворота камуфляжа наружу, и даже уши густо поросли непокорными зарослями. Крупные черты лица были достаточно резки, а угрюмый взгляд черных тяжелых глаз придавал лицу зловещее выражение. Необъяснимая сила исходила от всей его приземистой фигуры, видно было, что этот человек не терпит неповиновения и привык отдавать приказы, исполняемые неукоснительно. Черный магнетический взгляд прожигал насквозь, заставлял опускать голову ниже, к земле.

Черт бы тебя побрал, думал Пашка, пряча глаза. Хрен ли ты смотришь, образина бестолковая.

Хотя на бестолкового главаря не тянул. Никак не тянул.

Остановились метрах в трех от Пашки, продолжая разговаривать. Свита вокруг едва заметно напряглась. Пашка зачем-то начал считать стволы, направленные лично в него. Вышло восемь или девять бездонных отверстий, готовых в любую секунду оборвать нелепо Пашкину и без того нелепую жизнь.

Андрюха, стоящий рядом с Пашкой, всем своим видом выказывал пренебрежение к происходящему. Сумасшедший, стой ты спокойно – мысленно кричал Пашка другу, но тот не слышал. То ли так сильно досадовал на нелепый захват, то ли действительно от отчаяния вел себя вызывающе, но его поведение только провоцировало злость бандитов, находящихся рядом. Стоящий позади Андрюхи боевик с силой упер ствол пленному в шею, заставляя стоять спокойно. Андрюха, даже держа руки на затылке, всем своим видом выражал крайнее ко всем презрение и криво улыбался.

Не глядя на говорящего, чернобородый пристально вглядывался в каждого из пленных, изредка цвыркая слюной сквозь крупную щель в передних зубах. Парочка из них – золотые. Краем глаза Пашка заметил на пальце крупный драгоценный перстень с символикой – блестящий полумесяц на черном фоне. Рыжебородый говорил, черный изредка резко отвечал ему. Недовольный голос больше напоминал карканье. Он и был чем-то похож на ворона, этот полевой командир – на крупного, носатого вожака стаи, завоевавшего свое законное место в жестоких драках с сородичами.

Внезапно что-то насторожило его. Заинтересованный взгляд приковался к одному из пленных. Скосив глаза в ту сторону, Пашка чуть не застонал – главарь уставился на Андрюхину грудь. Хищная ухмылка раздвинула бороду, показав крупные желтые зубы.

На тонком, выточенном из портупей ремешке висел жетон группы специального назначения, строго поблескивая под лучами солнца.

Еще пару месяцев тому назад Андрюха и Пашка считались не худшими бойцами этой группы, пока за проступок, граничащий с уголовным преступлением, их не перевели в простые солдаты – мотострелки пятой, самой невзрачной роты в полку. При списании свои жетоны они так и не отдали, предпочтя наказание от офицеров группы и недельное сидение в курилке, пристегнутыми наручниками к батарее. Призыва они были одного и держались все время вместе – Васильев Андрюха, Пашка и Саня Головастики, прозванный Головастиком за созвучную фамилию и большую («умную!..» – смеялся Андрей) голову. Конечно, сейчас Сани с ними не было.

У Пашки был такой же – строгий металлический жетон с выгравированной на нем звериной пастью и эмблемой спецназа. На обороте – Пашкины данные. Он, понятное дело, чрезвычайно гордился им. Шутка ли – выстраданный жетон был в буквальном смысле этого слова полит потом и кровью. Его не получали просто так – на него сдавали зачет. Строжайшие, жесткие нормативы, которые длились по полдня. И выдавал принадлежность парней к одному из самых элитных армейских подразделений. Чтобы получить этот знак отличия, было необходимо после определенного времени нахождения в группе пройти сдачу на него, немногим уступающую культовому событию – сдаче на краповый берет, что проходила чуть позже.

При спешном уходе с высоты, больше напоминающем бегство, Пашка оставил свой жетон в вещмешке, о чем жалел всю дорогу.

И вот именно теперь эта штука привлекла самое пристальное внимание главаря. Мягкой поступью, смахивающей на поступь голодного тигра, командир двинулся к Андрюхе. Оказавшегося на пути Пашку один из сопровождающих ударил ногой в грудь, отчего тот свалился назад. Тут же, понукаемый пинками и грубыми окриками, был вынужден снова встать на колени. Но уже чуть позади Андрея и стоящего перед ним полевого командира с вооруженной до зубов свитой.

Начальник зеленки, как окрестил его про себя Пашка, стволом автомата раздвинул лацканы порванного кителя и мерзко оскалился, прищурившись. Сейчас его видно достаточно

близко, чтобы разглядеть грязноватого цвета зубы, серого оттенка кожу с мелкими рытвинами оспин. Борода, и та растет у него не гладко и не завитушками, а какими-то странными густыми клоками. Мясистые пальцы с неровными ногтями радостно поскребли по рубчатой поверхности рукоятки АКСа, вызвав у Пашки нехорошие мурашки по спине.

Не отводя гипнотизирующего взгляда от Андриюхи, что-то сказал рыжебородому. Тот выискал глазами молодого быкообразного охранника, крикнул ему приказным тоном. Молодой поспешно наклонился над Андреем и одним движением сорвал с него жетон. Стоящему сзади Пашке хорошо видно, как прочный кожаный ремешок оставил на шее багровую, с капиллярными точками полосу.

Андриюха, не обращая внимания на грозящую ему опасность, попытался вскочить и выхватить у молодого свой жетон. И сразу же получил за это от второго, пожилого уже охранника прикладом в голову. От сильного резкого удара Андриюху снесло вниз – снова на скудную примятую траву. Короткий ежик волос тут же окрасился красным. Мотнув окровавленной головой, солдат попытался снова поставить себя на ноги, но черный, уса́тый, как жук, охранник был начеку. Ударил не жалеючи – носком жесткого берца прямо в зубы. От удара что-то противно чавкнуло и Андрей, как подкошенный, снова рухнул в траву.

На помощь усатому пришли сразу несколько наемников. Весело хохоча, принялись пинать лежащего. Тем временем командир с рыжебородым отошли в сторону, не мешая своим подчиненным глумиться над жертвой.

Пашка дернулся было к Андриюхе, но тут остальные, желающие поучаствовать в забаве, принялись с гиканьем избивать остальных, рядом стоящих солдат. От неожиданного удара ботинком в незащищенный бок Пашка, не сдержав вскрика, повалился на землю. Сразу вслед за первым последовал удар в голову чем-то очень жестким, и на мгновение Пашка отключился.

Сквозь красноватую дымку заметил, как главарь машет рукой, и что-то кричит рыжебородый, скалясь, своим веселящимся отморозкам. Те нехотя отошли от места своего развлеченья. В голове потихоньку прояснилось. Обжигающе закололо в боку, а из разбитого лба лениво выступила кровь. Поискал глазами Андриюху. Тот оказался несколько в стороне, все лицо залито кровью, но видно, что в сознании.

Сжав зубы и матерясь от боли, Васильев поднялся с земли. Жук-охранник ухватил его за шею, не давая встать. Подошли начальник зеленки со своим спутником. Рыжий неожиданно начал разговор на хорошем русском, практически без малейшего акцента в произношении:

– Не надо ругаться, сладкий, некрасиво это, – голос стал жестче, – значит, ты у нас спецназовец? – утвердительно кивнул, ожидая ответа.

– Ну... – презрительно выдавил Андриюха сквозь зубы, покрытые розовой пленкой. Сплюнул ее вместе с осколками зубов и взглянул прямо на рыжего.

– Эти... – вступил в беседу главарь, махнув клочковатой бородой на остальных парней, – тоже? Контрактники, да?

Язык у него все-таки корявый, несмотря на тщательно проговариваемые русские слова.

– Нет, не тоже, – мотнул солдат головой. Попытался вытереть набегающую кровь, что обтекала ручейком брови и набегала на глаза, – я один. Эти – гансы просто. Солдаты... – и с неприкрытой ненавистью обвел взглядом бандитов.

– Ай, зачем врешь? – почти доброжелательно воскликнул рыжий, – скажите сразу, что вы все спецназовцы, вы все на задании. Так ведь?... – убедительно кивнул он, обращаясь к остальным, – разведка, полковая, небось?

– Нет-нет, – поспешил разъяснить обстановку Толик. Пашка знал о нем не так уж много, для него это был просто плотный, коренастый солдат первого года службы, – мы сбежали из части, просто сбежали, с передовой... Да, прапорщика грохнули, оружие взяли, пожрать – и в горы... Достал он нас, урод, пристрелили. Вы уж поверьте нам, мы правду говорим.

Говоря, Толик заискивающе заглядывал в глаза обоим допрашивающим.

Андрюха демонстративно сплюнул красным на землю.

– Какого еще прапорщика? – рыжебородый удивленно поднял брови, на этот раз поворачиваясь к Пашке. Понимая, что от него ждут ответа, он все-таки не смог поднять головы и ответить. Так и стоял, тупо уставившись в землю, пока голос не подал стоящий рядом Виталья. Тощий, замученный службой «черпак» был одного года с Адрияновым, оба служили в злополучной пятой роте. Сейчас Виталья придерживал свернутый нос рукой и тяжело дышал через рот, задрав кверху голову.

– Прапорщика сверхсрочной службы Батманова, пятой мотострелковой роты, – отрапортовал Виталья рыжему. Указал подбородком на Толика, – он правильно говорит. Мы прапора вниз отвели, в ущелье, там и расстреляли... Сами третий день идем, здесь вот, подальше уйти хотели...

Говорить Витале трудно, он буквально захлебывался в крови, обильно хлещущей из разбитого носа.

– Куда? – встревает главарь.

– А хрен его знает, куда. Все равно куда, – почти равнодушно ответил парень, хлюпая носом, – после всего-то...

– А спецназовец с вами откуда? – вкрадчиво допытывался рыжий.

Виталья пожимает плечами:

– Его два месяца назад перевели к нам. Чего-то напортачил он там, вот его и перевели.

Тут он бросил взгляд на молча стоящего Пашку.

Пашка невольно опустил голову еще ниже. Сдаст ведь, скотина, пробежала внутри испуганной мышью мыслишка. Но Виталья промолчал, отводя взгляд.

Показалось, или нет, что этот мимолетный нечаянный взгляд не укрылся от хищных глаз главаря?..

– Правда все это? – помощник командира подошел к Адрияну, молчаливому чернобровому парню. С виду Адрияну досталось меньше, нежели остальным, возможно, оттого, что тот стоял позади всех. Сколько Пашка помнил Адрияна, тот всегда почему-то оказывался позади всех.

Рядовой пятой МСР Адриянов кивнул головой, но такой ответ рыжего не устроил. Мощно пнул солдата в грудь и повторил свой вопрос.

– Да-да, правда! – поспешил на этот раз Адриян, стараясь отодвинуться, отползти от чеченца подальше.

– Значит, так у вас все?.. М-да, – протянул рыжебородый и вернулся к Андрюхе, – ничего добавить не желаешь?

– Не желаю, – Андрюха продолжал сплевывать кровь.

– Один ты здесь такой... боевой, да?

– Один, и че с того?..

Внимательно вслушивающийся до этого момента в разговор командир внезапно отошел от Андрюхи, словно потерял к нему всякий интерес. Прерванный рыжебородый удивленно вскинул голову. А главарь подошел к Пашке. Вперил свой взгляд. Черная большая борода дернулась хищно:

– И ты, значит, не спецназ?..

Его помощник с интересом посмотрел на Пашку, сразу оказавшегося в центре внимания. Толпа боевиков уставилась на солдата, ожидая ответа на поставленный командиром вопрос.

Противно сжалось внутри липким холодным комком. Краем глаза заметил, как напрягся Андрюха. И хочется ответить, как он, насмешливо и бесстрашно, но собравшись, удалось только выдавить:

– Да нет...

Рыжебородый весело ухмыльнулся:

– Так «да» или «нет»?..

Главарь приблизился к Пашке вплотную. Охрана встрепенулась, обступив обоих неровным кольцом. Усатый жук упер больно ствол АКМа в ключицу. По лицу скатывались капли крови с разбитой головы, смешиваясь на полпути с холодящим виски потом. Чего привязался, черт поганый, отойди, оставь нас в покое... Тебя же не трогали, шли мимо спокойно. Так думал в этот момент Пашка, прекрасно понимая, что уйти им уже не дадут. Что подошло сейчас все к той черте, за которой начинается другая, отличная от прошлой жизнь.

Или заканчивается эта...

Поросшие черными волосками пальцы потянулись к Пашкиной груди. Под ребрами мерзко перекатылся страх, от которого все конечности становятся вялыми и бессильными. И кажется, вот-вот произойдет самое худшее, непоправимое.

Но главарь только лишь заглянул за отворот Пашкиного камуфляжа, оттянув его вместе с завшивленной тельняшкой. Прямо перед собой Пашка смотрел на окружающие золотой полумесяц крохотные серебристые звездочки перстня, вкрапленные в черный, как чеченская ночь, фон.

Не обнаружив того, что ожидал увидеть, начальник зеленки отошел от Пашки. На мгновение показалось, что все кончилось, пронесло, ничего не будет. Может, дадут еще разок по голове да отпустят. Привыкать, что ли – по голове... Фигня какая...

На ходу главарь что-то отрывисто каркнул рыжебородому и остальным. Внутри обнадеживающе отпустило, на какой-то миг.

И снова болезненно сжалось, когда после слов командира радостно начали реветь боевики. Одновременно с этим рыжебородый недовольно скривился. Шаря у себя за поясом, направился к Андрюхе. Снова к Андрюхе...

И, кажется, увидел Андрюха то, что пока скрыто от Пашки, потому что попытался вскочить с колен, и лицо под кровавой маской у друга как-то необычно изменилось, потемнело как-то. И только после этого Пашка заметил в руке у рыжего внушительных размеров нож, добротный чеченский кинжал.

Еще не зная толком, что задумал рыжий, Пашка разом отогнал сковывающий страх. За себя можно бояться и трястись сколько угодно, но когда опасность грозит товарищу, будь добр – иди и выручай. Вбитая в группу привычка, закрепленная во многих переделках, она сработала и сейчас.

Отбросив все свои внутренние метания, Пашка вскочил с земли. Возможно, он и успел бы что-нибудь предпринять, хотя в любом случае это было бы обречено на провал. Стоящие рядом наемники были начеку. Сильный удар в затылок сбил его с ног, а двое навалившихся на спину чеченцев заломили руки к лопаткам. Суставы затрещали, грозя лопнуть, и Пашка замер в неестественной позе, выворачивая голову, чтобы посмотреть, что там с Андрюхой.

Несколько боевиков схватили Андрея за руки и за ноги. Растянули по земле. Остальные, довольно горлая, сгрудились поближе, чтобы лучше видеть происходящее. Выставленные в охранение наемники заинтересованно оглядывались. Что-то произнес главарь, коротко и резко, и от беспощадности этого голоса Пашка помимо своей воли вздрогнул.

Андрюха хрипел, отчаянно пытаясь вырваться. Запрокинул голову, стараясь ударить затылком ближайшего к нему чеченца. Даже пятерым дюжим наемникам было совсем непросто удержать бывшего спецназовца.

Подошедший рыжий упер колено лежащему между лопаток, поудобнее перехватывая кинжал. Левая рука в перчатке с обрезанными пальцами прижала Андрюхину голову к земле, упираясь основанием ладони в висок и вдавливая пальцы в ямку под ухом.

А то, что произошло дальше, Пашка и не понял... Видел и не верил. Не верил себе, не верил своим глазам, не верил, что можно... вот так вот, но впоследствии помнил во всех подробностях.

Рыжебородый деловито поводил своим тесаком над лежащим и... принялся отрезать голову лежащему. Живому человеку.... Нож легко и неспешно, словно в масло, а не в живую плоть, вошел в незащитное горло. И при первом же движении темно-красная тугая струя ударила из-под лезвия кинжала. Рыжий не успел вовремя отвернуть лицо, и кровь забрызгала его щетину, руки и одежду рядом стоящих. Тело, прижатое к земле, бешено забилося под руками бандитов. Те с трудом пытались удержать его в прежнем положении, полностью наваливаясь своими телами.

В установившейся на мгновение тишине было отчетливо слышно, как зачарованно вздохнул чей-то молодой голос. Потом кто-то сплюнул, кто-то довольно рассмеялся, и небольшая прогалина в зеленке снова огласилась оживленными голосами,

И нестройный крик десятка человек пронесся над величавыми горами:
– Аллах Акбар!!!

Рыжий методично и невозмутимо резал шею, словно делал привычную, порядком опостылевшую работу. Из Андрухиного горла все еще вырывалось хрипение, с kloкочущим звуком покидая тело, но все было кончено.

– Да вы что, суки, делаете!.. – рванулся Пашка из железного захвата. Ответом был издевательский смех и удар кулаком в висок, от которого пришлось уткнуться в траву, тоскливо пахнущую теплым горным летом.

Через несколько секунд боевики отпустили то, что только что звалось Андреем. Обезглавленное тело продолжало еще некоторое время конвульсивно подергиваться. Судорожно скрюченные пальцы взгребали нагретую почву под собой, а обилие русской крови жадно впитывала чужая земля, словно не могла утолить своей вечной жажды.

Пашка, окоченев, расширенными глазами смотрел на все развернувшееся перед ним действие, до сих пор не желая осознать то, что произошло сейчас. Кто-то из бородачей, весело хохоча, пнул безжизненную голову ботинком, и она покатилась, разбрызгивая капли крови. Другой, что-то сказав товарищам, отчего те зашлись в диком смехе, расстегнул ширинку на штанах и принялся мочиться на затихший труп. Рыжебородый, обтирая кинжал пучком травы, посматривал на происходящее из-под бровей, слегка прищурившись. Отер кровь с лица рукавом, глянул на ладони.

Из ступора Пашку вывел пронзительный вопль. Толик, остекленело уставившись на чеченцев и на обезглавленное тело, вскочил с земли. Сжал кулаки, вытянулся в струнку и дико завыл.

Главарь что-то нечленораздельно рявкнул своему жуку в чалме. Тот, не целясь, вскинул автомат к бедру и один за другим сделал два выстрела. Первый же разнес Толику затылок, и вой резко оборвался, вторым выстрелом его развернуло и, нелепо взмахнув руками, плотное тело кулем осело в траву.

Не дожидаясь, когда наступит его очередь, Пашка изо всех своих сил рванулся вверх, не жалея заломленных рук. Все равно подышать...

Но и тут его опередили. Несколько боевиков бросились к оставшимся в живых солдатам, и последнее, что Пашка увидел в этот день, был занесенный над головой приклад АКМа, матово поблескивающий железом. И оскаленные в непримиримой ненависти кривые зубы косматого, похожего на дикого зверя чеченца.

Когда-то очень, очень давно в далеком детстве Пашка забил пустой бутылкой из-под лимонада безобидного ужа, с перепугу приняв его за гадюку. Почему-то сейчас этот случай мелькнул у него в голове. На мгновение почувствовал себя тем самым ужом... И больше в этот день он уже ничего не чувствовал.

Неизъяснимое удовольствие, настоящее блаженство охватило Пашку. Тела не было, была лишь трепещущая от счастья самая суть, лишь это осталось от Пашки. Вокруг простиралось светлое, ничем не замутненное пространство.

И тишина...

Несмотря на то, что природа здесь, в этом светлом мире, была явственно ощутима, ни пения птиц, ни колыаемых ветром трав здесь не слышалось. Было Что-то, но Пашка не отважился назвать это Что-то звуком. Вибрацией, может, странным откликом по всему пространству, но не звуком. Необычно, странно, но здесь воспринимается как должное.

Поводил босой ногой по покрытой росой траве. Тихо... Вздохнул нарочито громко – тихо...

– Ладно, – сказал сам себе и побрел по полю вперед. Без единой мысли в голове, он просто наслаждался собственной легкой походкой, ощущением воздушности во всем теле, самым телом – молодым, здоровым, полным упругой энергией. Картина, открывающаяся с каждым шагом перед Пашкой, была прекрасна, ничего более красивого он в жизни своей не видел.

И это при том, что места, в общем-то, были ему хорошо знакомы. За окраиной их городка начиналось такое же поле, нетронутое сельскохозяйственной техникой и прогрессом. Пестрящее цветами, радующее зеленым. А за полем вдали начинался лес. Если хорошенько прислушаться, то в иные теплые деньки можно было услышать, его гудение. Но там, за поселком, поле было живущим. Там пчелы с жужжанием перелетали с цветка на цветок, выполняя свое жизненное предназначение, ветер играючи баловался с молоденькой порослью, а под ногами нет-нет да и хрустела сухая былинка и спешил убраться с дороги юркий полевой грызун.

Здесь же трава под ногами приминалась без единого шороха, не стрекотали вездесущие кузнечики и воздух не был пропитан ароматами полевых цветов и свежескошенной травы. Даже облаков здесь не было. И не было тропинки, по которой, помнится, Пашка с друзьями в далеком детстве бегал на речку. Как не было позади и самого поселка, которым заканчивался городок. Пашка на всякий случай оглянулся – но увидел лишь бескрайнее поле, подернутое вдали дымкой и, как отражение, все та же опушка леса.

Зато чуть в отдалении, в центре всего пространства, в бездонную глубину неба уходило огромное раскидистое дерево, которого Пашка, несмотря на нахмуренный напряженно лоб, так и не сумел припомнить. Никак не могло быть здесь этого древнего великана, раскинувшего богатую крону аж из трех стволов. Крупные листья замерли, выгнув спинки, и глядели на Пашку словно бы с осуждением.

Не может дерево быть живым настолько, чтобы еще и смотреть, одернул сам себя Пашка. Но ощущение взгляда не проходило. Более того, блаженство ушло куда-то, растворилось в ничем не ограниченном пространстве.

А внутри засвербило знакомое чувство вины и беспокойства. На одной из ветвей, начавшейся от самой земли исполина, сидела спиной к Пашке тоненькая девичья фигурка. Он сразу узнал ее, хотя от дерева его отделяло еще весьма приличное пространство. Да и кто здесь мог быть, кроме нее...

Девушка сидела на огромном суку, опершись ладонями о толстенную шершавую кору, и слегка покачивала босыми ногами. Смотрела куда-то вдаль и ждала его, Пашку. Он сразу понял это. Она прекрасно осведомлена о том, что он уже тут, и ждет, когда он наконец подойдет к ней.

Снова оглянулся вокруг – тишина в пространстве замерла, беспокойство стало гнетущим. Вариантов не было. Вздохнув тяжело, обреченно побрел к дереву. К той, кого предал когда-то. Мокрая трава под ногами уже не радовала Пашку. Разгребая ее, он медленно приближался к светлой фигурке, бросая взгляды на нее из-под нахмуренных бровей.

Вроде бы она не очень изменилась. Во всяком случае, внешне – все то же худенькое тело, не избавившееся окончательно от некоторой подростковой угловатости, но уже приобретшее

плавные линии женских форм. Легкое ситцевое платье выдавало очертания молодой девичьей фигурки, а распущенные волосы цвета зрелого каштана плавной волной лежали на плечах. И помимо угнетающего чувства вины и тревоги Пашка ощутил еще и волнение где-то внутри. Попытался отогнать, посчитав его неуместным сейчас – волнение неохотно поддалось, уйдя куда-то в глубину.

Остановился на некотором расстоянии, зайдя сбоку и осторожно разглядывая безмятежный профиль. Знакомая четкая линия красивого носа, черных, слегка вздернутых кверху бровей. Раньше она любила делать на голове немыслимые прически, сейчас же со лба спускалась одна лишь ровно подстриженная челка.

Сидящая на суку перестала покачивать босыми ногами, касаясь высокой травы, и с минуту посидела неподвижно, словно обдумывая что-то. Или привыкая к чужому присутствию. Наконец повернула лицо к Пашке, взглянув на него точно так же, как тогда, на высоте – своими синими с неразгаданной глубиной глазами... Только сострадания в них на этот раз не было. Или вообще его никогда не было? Показалось?..

– Здравствуй, – только и произнесла ровным тоном.

– Здравствуй, Иванка, – поспешил ответить на приветствие Пашка.

– Да я уже и не Иванка, – как-то равнодушно заметила девушка.

– Ну да... – опустил голову Пашка.

Помолчал и спросил:

– А как же мне звать тебя... теперь?

Фигурка пожала плечами:

– В общем-то, как хочешь. У меня другое имя, только оно тебе не понравится, тебе будет тяжело произносить его, выговаривать каждый раз. Начнешь избегать часто повторять его и в конце концов начнешь обращаться ко мне без имени.

Девушка посмотрела куда-то вверх и добавила:

– Разве у нас у всех есть имена? Ты думаешь, что тебя зовут именно так, как ты привык?

– Я думаю, да.

Фигурка снова принялась покачивать ногами, стряхивая росу с остроконечной травы маленькими пальчиками ног. Упавшая роса исчезала серебряными каплями, а на ее месте тут же образовывалась новая. Пашка зачарованно любовался этим вечным утром, пока не вновь не послышался мелодичный голос, наполняя пространство:

– Дело твое, – Пашка отметил, что спокойно-равнодушный тон не менялся с начала разговора, – если тебе привычно имя Иванка, я не против, можешь называть меня именно так.

– Спасибо, Иванка, – Пашка даже обрадовался, – знаешь, имя Иванка не только мне привычно, но и даже нравится.

– Неужели? – холодно взглянула на него девушка, – раньше я этого не замечала.

Пашка осекся, поджал губы и начал пристально разглядывать что-то у себя под ногами. Наступило ничем не прерываемое молчание, гнетущее Пашку. Иванка по-прежнему бесечно качала ногами, глядя в никуда.

– Ты чего там стоишь? – прервала она наконец затянувшуюся тишину, – иди сюда, не бойся. Я не более опасна, чем прежде.

Пашка осмелел и, с готовностью кивнув, приблизился к дереву.

– Садись, – разрешила хозяйка этих мест.

Сидеть на огромном раскидистом суку оказалось необычайно приятно. Необъятный ствол загудел, словно здороваясь с новым гостем. Толстая, на вид загрубелая кора оказалась удивительно мягкой, и крупная чешуя обняла ласково прислонившееся к ней тело. Пашка сел лицом к Иванке, привалившись спиной к гудящему стволу. Закинул одну ногу на сук и положил подбородок на колено, внимательно глядя на девушку.

– Как я здесь оказался? Что это здесь вообще, у тебя? – задал интересующие его вопросы.

– Да так, Ничто...

– Как это – Ничто? – опешил Пашка.

– Да вот так, именно Ничто, – на мгновение показалось, что Иванка дразнит его. Но ее лицо по-прежнему было спокойным. Потом она продолжила, – я позвала тебя сюда, чтобы сказать одну новость. Небольшую, даже никудышнюю новость. Я и не хотела, но там... настояли.

– Где это – там? – Пашка ничего не понимал.

– Ну... там, – махнула рукой куда-то на далекие верхушки деревьев.

Пашка на всякий случай взглянул туда, но ничего особенного в той стороне не обнаружил. Между тем девушка продолжала:

– Я должна сообщить тебе, что на какое-то время мне придется побыть рядом. Неподалеку от тебя.

– Здорово! – Пашку раздирали противоречивые чувства.

– Ничего здорового, – отрезала Иванка. Помолчала, отвернувшись, потом сказала, – это все из-за того, что на свою годовщину я пришла провести вас всех. Всех тех, кого я когда-либо знала.

На какое-то время она замолчала, словно не желая говорить дальше:

– И не удержалась, помогла тебе. Зачем-то... Ты единственный в этом действительно нуждался.

Пашка во все глаза смотрел на нее.

– Хотя конечно, кто его знает, может, все было так, как должно было быть?.. В общем, хочется нам этого или нет, нам придется видеться иногда. Изредка. По необходимости, конечно, – закончила она.

– Здесь? – уточнил Пашка, поводя рукой вокруг себя.

Иванка устало, как ему показалось, вздохнула:

– То, что ты видишь, на самом деле является иллюзией. Я создала тот образ, который более близок тебе, только и всего. На деле ничего этого нет, – оставила она солдата в полном недоумении.

Да и то, что он – солдат, помнилось как-то смутно, каким-то задним умом. Одет он был сейчас в просторные, необычайно удобные холщовые штаны и рубашку. Чувствовал себя свежим, чисто вымытым, выбритым и полным сил.

Не было того груза сумасшедшей усталости, давившей на него все последние месяцы. Не ныли кости и мышцы от застарелых и новых постоянных нагрузок. Бесчисленные ушибы и полученные в прошлой командировке раны не отдавались болью при каждом движении. Голова была ясной, а не мутной от недосыпа, внимание – острое, а не притупившееся от настоящего чувства постоянной опасности. Не тревожило даже отсутствие привычного оружия с обязательным запасом патронов и хотя бы пары гранат. Не нужны они здесь. Взрывать здесь некого. И от этого так свободно и легко дышится, чувствуется, живется. Так безопасно и естественно он себя еще нигде не чувствовал.

Здесь все какое-то... Родное... Как дома.

– А могу я здесь остаться? – наивно спросил Пашка, предчувствуя отрицательный ответ. Конечно, этого она ему никогда не позволит. Вот так просто быть здесь, всегда, сидеть на этом ласковом дереве, и ни о чем не думать, прислушиваясь к тишине. Ах, как хотелось бы... Навсегда...

Иванка наклонила голову, словно слушая кого-то внутри себя, и произнесла:

– Вряд ли, – и, критично посмотрев на собеседника, добавила, – хорошее нужно хоть немного заслужить.

Пашка горько вздохнул. Опустил ногу вниз, решившись-таки первым начать тот самый разговор, которого так боялся.

– Иванка! – и тут же запнулся, а девушка внимательно, будто впервые, посмотрела на него.

– Иванка, послушай... Конечно, я ужасная скотина и молчать бы мне после всего того, что произошло. Но я... не знаю, глупо, конечно, просить какого-то прощения за такое... если это вообще возможно... – Пашка судорожно вздохнул, лихорадочно пытаюсь найти нужные слова.

– Ты хочешь, чтобы я не держала зла на тебя? – Иванка сама помогла ему. Голос вроде помягчел, но Пашка все еще боялся посмотреть ей в глаза.

– Да! – горячо воскликнул он и страдальчески сморщил нос, – Иванка... да ты и сама все знаешь – и что я чувствовал все это время, и как теперь мне погано. Прости меня, если сможешь. Пусть не сразу, потом как-нибудь, но только прости... – выпалил все разом и наконец заставил себя поднять глаза, посмотреть в синее дно глаз той, что когда-то любила его.

– До чего же ты все-таки человек, даже здесь, рядом со мной, – и, кажется, впервые за всю встречу ее лицо слегка посветлело, – живой, я имею в виду.

И тихим голосом, от которого Пашка вздрогнул, произнесла тихо:

– Я не держу на тебя зла... совсем никакого. Но прощать тоже не могу, не имею я такого права, во всяком случае, пока.

Пашка, не отрываясь, смотрел на нее. Глаза девушки, только что такие простые и знакомые, приобрели нереальную глубину и излучали почти физически ощутимый свет. Можно было утонуть в этих глазах, окунуться с головой, и тогда наверняка Пашке открылось бы... Что открылось?..

Проморгавшись, Пашка с трудом остановил себя, чувствуя, что проваливается, уходит куда-то. В другие миры, что ли? Надо же, чуть не умер на месте. Вот так Иванка, какой силой обладает, надо же.

Иванка в это время уже отвернулась, и не заметив, наверное, что с ним происходит. Увлеченно смотрела мимо Пашки, словно встречая кого-то. Совсем рядом, почти задев холщовый рукав, пролетела необычной расцветки бабочка. Ее крылья были расписаны необычайно живыми красками, составляя изумительной красоты узор. Приветливо махнув ярко расписанным крылышком, села на тоненькую руку девушки, шевеля забавными длинными усиками. Иванка посмотрела на нее, как на старую знакомую, и продолжила:

– Да и как может простить живого, из реальной плоти и крови человека призрак, привидение. А, Паша? – хитро блеснув темно-синим, спросила она, впервые назвав его по имени, – в конце концов, я тебе снюсь, и все, что ты видишь вокруг, тебе тоже снится.

Пашка кивнул. Бабочка полезла вверх, к плечу, цепко перебирая черными лапками. Иванка подняла руку, чтобы той было удобнее.

Он вообще не ожидал, что Иванка окажется столь снисходительна к нему. Где-то внутри отпустила держащая его долгое время пружина, и что-то, кулем свалившееся с плеч, высвободило грудь и, охнув, растворилось. Пашка счастливо улыбнулся. Покинувшее было его блаженство вновь заполнило клеточки тела, разлилось во вне.

Иванка с мягкой, едва заметной улыбкой в одних лишь глазах смотрела на него.

– Теперь тебе будет легче, – пообещала она, – если правильно воспользуешься подаренной тебе жизнью, то этот процесс продолжится и станет наконец необратимым. Слушай себя, не меня. А теперь, боюсь, тебе придется покинуть это место, – произнесла она в завершение.

Он уже и сам понял это, но на всякий случай спросил:

– Значит, остаться никак, да?

– Никак, – подтвердила Иванка и отвернулась от парня, принявшись поглаживать цветастое крыло бабочки, продолжавшей двигаться по прозрачной коже.

– Ну ты хоть чаще меня вызывай, что ли... Ладно?

Девушка приподняла уголок губы:

– Посмотрим. Ты иди, иди...

Мягкая волна подтолкнула Пашку в спину. Соскочив с дерева, он направился к лесу, заметил, что трава высохла. Хотел обернуться, чтобы попрощаться с одинокой светлой фигуркой.

И тут же пропал.

В боку что-то нестерпимо закололо и даже кожа от боли непроизвольно задергалась, заходила ходуном, словно у коровы, отгоняющей больно кусающего слепня. Пашка зашипел сквозь зубы. Привычным жестом попытался подтянуть к себе намотанный на руку ремень АКСа.

Но оружия не было. Не поняв, в чем же дело, провел рукой подле себя. Пусто... На мгновение показалось, что он снова в своей родной группе спецназа, и кто-то из дедов, а может, и сам Летеха жестоко подшутил над молодым бойцом, забрав у спящего его оружие. Которое, между прочим, он клялся из рук не выпускать. Если так, то сейчас Пашке придется несладко. А из-за него – всему взводу.

Разом покрывшись испариной, подскочил на месте. Точнее, попытался вскочить, но первое же движение отозвалось дикой болью по всему телу, а в голове нещадно схватило раскаленными клещами, выдавливая остатки содержимого в виде красноватого тумана. Что-то больно дернуло за запястья и щиколотки, заставив опять завалиться на пол. От боли Пашка захрипел и повернулся набок. Желудок тут же скрутило, и его стошнило прямо на глиняный пол. Только сейчас он понял, что находится в совершенно незнакомом месте. Пустой желудок продолжало выкручивать, как добрая прачка мокрую простынь, и выжало пару тягучих струек желудочного сока. Вспомнилось и то, что последнюю банку перловой каши с тушенкой солдаты разделили между собой еще позавчера утром.

А на дворе-то что сейчас – утро, вечер? Кто его сюда притащил и сколько он здесь провалялся? Где остальные и почему он жив до сих пор?.. Еще и сон такой... неплохой приснился, вроде как даже отдохнул после него, хотя состояние все равно поганое. Почаще бы такое снилось, чтоб забываться от этой реальности. Или вообще не просыпаться.

Поднес руки к лицу, чтобы вытереть губы. По сухому глиняному покрытию протащилось что-то громоздкое, и Пашка наконец увидел, что именно его не пускало и почему руки кажутся такими неподъемными.

Все движения сковывала огромных размеров железная цепь, покрытая густым налетом ржавчины, что впрочем, только подчеркивало ее внушительность. На концах цепи красовались крупные кандалы, самые что ни на есть натуральные – круглые, с затянутыми винтами, которые, в свою очередь, были закрыты страшноватого вида замками. Как в средневековом подземелье каком-то, подумалось Пашке. Если с наручниками современного образца он был знаком, то подобные приспособления довелось увидеть впервые. Эти самые кандалы и держали пленника, накрепко схватывая руки и ноги. Сама же цепь уходила своими концами под стену глиняного сарая, где очутился Пашка.

– Заковали, как зверюг, – послышался рядом гнусавый голос.

Скосив глаза, чтобы не тревожить больную голову, Пашка обнаружил, что одного его все-таки не оставили. У подobia выбитого в противоположной стене окошка стоял Виталя, живой и практически здоровый, если не обращать внимания на выпачканные в крови полоски ткани, засунутые в ноздри разбитого носа. Вкупе со вспухшими синяками под глазами это придавало ему несколько гротескный вид. Неловко опираясь о стенку, Виталя осторожно выглядывал в окно. В темном углу зашевелился еще кто-то.

– Адриан, ты?.. – просипел Пашка.

– Я, – ответил Адриян и вздохнул. Теперь Пашка уже видел, как тот сидит – в не слишком удобной позе, на поджатой правой ноге, не переставая поглаживать левую, даже не закованную в цепь. Видимо, сильно повредили, но спрашивать ни о чем не хотелось. И так ясно, что больно пацану, раз убаюкивает свою конечность.

Начал потихоньку приподниматься, преодолевая дрожь в теле и стараясь не сильно тревожить свербящий бок.

– Что, Паха, хреновенько? – без особого участия поинтересовался Виталя.

– Да так... Кажется, ребра сломали, – буркнул Пашка, принимая более-менее приемлемое положение. С облегчением привалился к глиняной прохладной поверхности стены, остро пахнувшей прелой соломой и навозом. Голову покрывала жесткая корка, стягивающая кожу. С трудом подняв закованные руки вверх, принялся отрывать мешающую, присохшую кровь. От раздражающей боли с ненавистью дернул сильно цепью, подтягивая ее поближе. На мгновение дернувшись у стены, цепь тяжело бухнулась обратно на сухой пол, подняв облачко пахучей пыли.

Стоило цепи звякнуть чуть громче обычного, как на пороге в проеме, лишенном дверей тут же возник детина с абсолютно бритой башкой, но зато с густой черной бородой, переливающейся иссиня-черным на утреннем солнце. За ней явно с любовью ухаживал и гордился ею.

– Чего дергаемся, а?! – на сносном русском прикрикнул на солдат. Заслонил плечами весь проем, отчего в сарайчике стало темно. АКС в его руках выглядел хорошо вычищенной игрушкой.

В сарае стало совсем тихо, лишь большая навозная муха грузно пролетела в окно и тяжело шмякнулась о стену напротив, ловко сделав посадку. И секунду спустя послышался Пашкин мрачный голос:

– Дергаешься ты, а мы просто сидим. И хотим жрать.

От такого ответа детина опешил. Застыл на месте, переваривая наглость со стороны того, кто умолять должен о сохранении ему его никчемной жизни.

Теперь в сарае и поблизости, казалось вообще все вымерло. Заметалась в тесноте помещения муха, стучаясь о глиняные стены, не в силах выбраться из ловушки.

Потом, где-то далеко внизу, на невидимой отсюда стоянке, послышались первые голоса.

В ожидании замер Адриян, перестав наглаживать покалеченную ногу и напряженно уставившись в пол. Виталя сполз от окна на землю, тихонько звякнув кандалами, с изумлением и страхом переводя глаза с Пашки на чеченца.

Один Пашка, казалось, был полностью спокоен, хотя и это наигранное спокойствие было обманчиво. Из головы не выходил вчерашний день. Не уходили мертвые глаза Андриюхи, бьющееся в последних корчах тело... Хотелось умереть вслед за ним, не видеть этого бритого уроды с автоматом, не слышать чужие голоса. И в то же время безумно хотелось жить, невыносимо, до боли хотелось ощущать запах прелой соломы, духоту нагревающихся стен, растирать катышки прошлогоднего навоза под ногами и чувствовать эту тошнотворную боль по телу. Кто, как не она, покажет так ясно то, что ты еще, в общем-то, жив...

Когда тишина стала угрожающе гнетущей, детина с автоматом неожиданно для всех расхохотался, обнажив ровные белые зубы, которые могли бы стать предметом черной зависти многих голливудских звезд. Громогласно сотрясая воздух, смеялся, похлопывая ладонью по ствольной коробке АКСа. Да и, честно признался себе Пашка, чеченец не был таким уж уродом, как хотелось бы думать. Скорее наоборот – правильные черты лица, здоровая кожа, ровно обласканная солнцем, крепкая, мощная фигура. Почему не дали Андриюхе померяться силами с таким... вот, в своем последнем бою? Ничем ведь не уступает... Почему впятером, всей этой толпой? Только по одному этому можно смело назвать их всех уродами. Полными и конченными... Что ж ты ржешь-то, жеребец, словно я тебе невесть что смешного сказал?..

На шум появилась еще одна фигура – низкорослый горбоносый боевик средних лет настороженно посматривал на веселящегося детину и на пленников, исподлобья наблюдающих за происходящим. Спросил что-то сиплым, невыразительным голосом. Дитина ответил, ткнув пальцем в Пашку и продолжая смеяться. Горбоносый криво усмехнулся и покачал головой. Слегка отстранив детину, вошел в сарай, деловито осмотрел засовы на кандалах, попинал мощные цепи и вышел, промычав что-то себе под нос.

Уходя, бросил несколько слов напарнику. Тот кивнул, шагнул за порог и уселся на пенке, установленном таким образом, что, сидя на нем, было видно все происходящее в сарае и все находящиеся в нем, как на ладони.

Продолжая время от времени посмеиваться, крикнул Пашке:

– А ты шутник, да, солдат? Смерти не боишься, да?

Пашка пожал плечами:

– Может, и шутник, может, и солдат. А ты что, такой смелый нохч и смерти боишься? – не удержался от того, чтобы не подковырнуть абрека.

– Нет, не боюсь, – потерев заслезившиеся от смеха глаза, ответил дитина вполне беззлобно, – не боюсь, но и не хочу ее. А ты хочешь, солдат, ты ее просишь, да?

Пашка решил не отвечать на поставленный вопрос. Вместо этого сказал:

– Смех продлевает жизнь. Ты смейся, смейся. А жрать на самом деле хочется. Вы бы хоть хлеба кусок кинули, раз заперли в конуре, как собак.

– А собаки вы и есть, – сощурил черные глаза дитина, – а собакам, как у нас говорят, и собачья смерть, – многозначительно закончил.

Ну-ну, подумалось Пашке, вслух же сказал:

– Не только у вас так говорят. А собак все равно кормят

– Значит, вы еще хуже собак, – сделал вывод дитина.

Пашка вздохнул:

– Дело твое, думай, как хочешь. Как нам звать хоть тебя? Начальником, что ли?..

– Э-э, какой я начальник, – загрустил чеченец, – был бы начальник, не сидел бы сейчас с вами. Ахмет меня зовут, – гордо поднял он подбородок, – мой отец так называл, я – старший сын.

– Поздравляю, – Пашка скривил лицо, дотронувшись до свербящего бока, – а младший где, тоже здесь где-то? – спросил полуутвердительно. От боли события вчерашнего дня всплыли с отчетливой ясностью. Пашка заскрежетал зубами.

На вопрос боевик ничего не ответил, нахмурился только, потемнев лицом. Посмотрел на Пашку и отвернулся.

– Ахмет!.. Эй, Ахмет, – окликнул Пашка загрустившего чеченца, – скажи лучше, почему нас сразу не убили?

Виталья с Адрияном одновременно подняли головы – этот вопрос волновал их не меньше.

Ахмет некоторое время молчал, раздумывая, отвечать ли пленным русским. Потом вяло пожал плечами:

– Не знаю. Султан хотел вас там порезать, и Абдалла хотел, чтобы вам все отрезали и в рот запихали, как надо. Усман их, это... отговорил, – нашел нужное слово Ахмет, – меня не было, но Абу говорил, что казнить вас будут, на видео снимать, или еще что, тренироваться, что ли, – многие слова Ахмет выговаривал очень смешно. Например, слово «видео» он произносил, как «видио», с ударением на последней букве. Впрочем, Пашке и остальным прикованным было совершенно не до смеха.

Между тем чеченец продолжал:

– А я так думаю, продадут вас просто, как всех продают. Работать будете, кушать дадут. Хорошо будете работать – может, и отпустят потом.

Сказал, словно успокаивая.

Однако и такая перспектива Пашку не устраивала, хотя сидящие рядом парни немного оживились.

– А где ты был вчера, Ахмет? – решил спросить Пашка, – я не помню тебя.

– Не было меня, – чеченец почему-то отвел глаза в сторону, – не было, – и добавил совсем тихо, но Пашка все же расслышал, – и слава Аллаху – не люблю я этого... всего, – и еще что-то проворчал по-своему, чего Пашка уж никак не смог понять при всем своем желании.

Вполне возможно, что абрек был бы не прочь от скуки еще почесать языком и рассказывал бы немало полезного, но тут пришел тот самый горбоносый карлик. Гнусаво пропел напарнику, наверное, что-то типа того, что «пост сдан – пост принят», и занял его место у входа.

Ахмет, встав и потянувшись всем своим пышущим здоровьем телом, довольно крикнул и ушел, бросив зачем-то взгляд на Пашку. Словно хотел сказать что-то, но передумал. Да и что он может сказать, черт нерусский, очередную гадость про убить-зарезать? Наслушались уж, хватит. Может, еще и карлик разговорится, прорвет от безделья?

– Здорово, – язвительное настроение не покидало Пашку, – смена караула?

Горбоносый злобно оскалил зубы и зашипел. Нет, этого в разговоры с пленными явно не затянешь. Похоже, что и русского он не знал.

– Монстр горбатый, – вполголоса произнес Пашка.

– Паха, тише ты, – не выдержал Виталя, – не дразни ты его на хрен.

То ли Пашкина реплика вывела из себя карлика, то ли разговоры между пленными не поощрялись, но, подобрав с земли увесистый булыжник прессованной глины, он с явным удовольствием запустил им в Пашку.

Камень пролетел рядом с головой, с глухим стуком врезался в стену и рассыпался на куски, обдав острыми сухими крошками. И опять горбоносый зашипел, но на этот раз Пашка промолчал, последовав совету Виталя.

Тоскливо потянулось время в ожидании чего-то, еще неизвестно чего. Все сидели по своим местам, стараясь без лишней надобности не шевелиться – и чтобы ушибленные места не бередить, и не злить горбоносого. Виталя уже не осмеливался подняться к окошку, после того, как при первом же движении охранник многозначительно направил на него автомат, демонстративно щелкнув предохранителем. Адриян безостановочно гладил ногу, страдальчески сдвинув густые брови.

Пашка, решив не искушать более судьбу, осторожно прилег на бок, привалившись здоровым плечом к стенке. Положив правую руку ладонью на ребра, замер, прикрыв глаза и прислушиваясь к боли. По телу растекалась противная, тошнотворная слабость. Время от времени приоткрывал глаза или один глаз, осматриваясь вокруг. Но в пространстве ничего не менялось. Все в тех же вяло-напряженных позах находились Виталя с Адрияном, и все так же сидел на пеньке карлик, не спуская глаз с солдат и даже, кажется, не моргая.

Утро набирало обороты – солнце поднялось заметно выше, в сарайчике становилось все более душно. Глиняные стены быстро нагревались, спиной Пашка ощущал тепло, но это уже не было то приятное чувство. На лбу и висках выступила испарина. Оторвал руку от ребер, чтобы расстегнуть китель. Горбоносый наблюдал, не отрывая от него колющих злобных глазок. «Козлина какой», – с ненавистью подумал Пашка и вновь прикрыл глаза.

Откуда-то снизу все так же перекликались ленивые голоса. Слышны были привычные звуки металлического щелканья – чистили оружие. Стучали ложки по котелкам. Легким дуновением ветерка, поднявшего изнывающую от жары пыль в сарае, донесло аппетитный запах чего-то мясного. Пашка сглотнул слюну.

Затем все затихло, а некоторое время спустя по окрестностям полился чистый, читающий нараспев голос, время от времени подхватываемый гулом нескольких десятков других голосов.

«Молятся, черти», – равнодушно подумал Пашка. Попытался вслушаться в слова, но, кроме повторяющейся фразы «Аллах Акбар», больше ничего разобрать не смог. И раньше

Пашке доводилось слышать, как молятся мусульмане, передвигаясь по центральным и задним улицам местных городов и аулов. Слушал переливчатую песнь муэдзина, находясь в расположении воинских частей и постов, где доводилось стоять. Поначалу это воспринималось, как нечто новое, отличное от того, чем жили русские парни до войны. Экзотика... Потом зачастую вызывало враждебность, нетерпимость – когда грань между мирными и воюющими расплывалась в усталой психике. А потом – просто приелось. Просто стало обыденным, привычным фоном повседневной солдатской жизни.

«Молятся, черти»... Создания своего Бога, еще вчера режущие людей кинжалами и глумящиеся над телами своих противников, сегодня они с утра держат окровавленные ладони в почтительном намазе, смиренно прося Аллаха даровать им... Чего?.. Здоровья, наверное, долгой жизни, счастья детям своим и близким, достатка, безоблачной жизни в раю... и побольше вырезать таких, как Андрюха, Пашка, Толик...

Плечо затекло. Осторожно приподнявшись, перевернул тело таким образом, чтобы опираться о стену другим, но смена позы оказалась слишком болезненной. В голове зашумело, и пришлось поспешно возвращаться в прежнее положение.

Открыв глаза, в очередной раз осмотрелся. Парни смирно сидели на своих местах, слушающая гул голосов внизу. Скосил глаза на горбоносого. Тот тоже читал молитву, произнося слова одними губами. По опыту Пашка знал, что верующие боевики слабы при общей молитве, а если увлекутся и уйдут в транс, то и полностью беззащитны. Хоть и положено рядом оружие, но, улетаая, они не замечают ничего вокруг. Можно брать голыми руками.

Пашка усмехнулся. Когда-то, в общем не так уж давно, он усмехнулся похоже, так, как сейчас, при воспоминании об этом. Только обстановка была другая, другие люди были рядом. И сам Пашка был другой. Однажды на операции в зеленке они наткнулись на троих глубоко ушедших в молитву боевиков. Ротный тогда, горящими от удачи глазами, показал своим бойцам: брать голыми руками, без лишнего шума. И собравшись перед прыжком, Пашка услышал шепот верующего православного Грега: «Молятся ведь. Нехорошо как...»

Правда, посты на такие случаи они все-таки выставляют. Вот и горбоносый, не поддаваясь желанию закрыть глаза и с наслаждением вознестись мыслями к Аллаху, насторожился, заметив Пашкино ворочанье. Продолжая беззвучно шевелить толстыми губами, едва заметно двинул ствол АКМа в его сторону, не отрывая пристального взгляда.

«Какого хрена, я же все равно прикован», – устало отвел глаза Пашка и, словно показывая свою мысль, пошевелил огромной неподатливой цепью. Убедившись в очередной раз в ее основательности, снова прикрыл веки.

Чужие, нараспев читаемые слова странно умиротворяли. Враждебная уху молитва успокаивала, или возможно, общее состояние передалось ему. Хотел озлиться на самого себя, но от слабости просто не получилось. Ощутил легкую дремоту, глаза больше открывать не хотелось. Расслабился, решив, что удастся вздремнуть. Или хотя бы заглушить боль и голод, который, несмотря на все пережитое, давал знать о себе резью в желудке.

А сегодня ему еще снился сон... Пашка даже открыл глаза. Снился замечательный сон, пока он валялся без сознания. Какой же это сон – возмутилось что-то внутри. Да сон, сон, убеждал себя Пашка. Несмотря на то, что я помню его весь, от начала и до конца, во всех подробностях. И даже то, что сон был необычный. Цветной...

В голове опять зашумело, поплыли круги перед глазами, и он поспешил их вновь закрыть. Однако, что творит бессознательное в голове, особенно при сотрясениях. Сон, только лишь сон... несмотря на всю вразумительность происходившего. Поле, лес, воздух, и эта девушка... Мысли унесли его в далекое прошлое, жизнь по ту сторону. Игрушечную, или наоборот, настоящую. Кто скажет?..

– Видел, Иванка к тебе липнет? – Ромаха, одноклассник и лучший друг Пашки, ухмыльнулся каким-то особенным образом.

– Да, с ума сошла девка, – отмахнулся Пашка, – Светка увидит, глаза ей выпарапает.

– Эт-то точно, – заржал Роман, – Светка огонь-деваха. Но ты ведь, – он слегка понизил голос, – мог бы с Иванкой и так, втихаря заморочиться. Разок там...

– Да ну, – отмахнулся Пашка, – мне оно надо? Мелкая, одевается, как цыганка, все с платками своими, ну ее. Не мое... наверное. Сам заморачивайся, если хочешь. Светка взбесится, три шкуры рвать будет. Да и вообще... не дело, голову малолетке дурить.

Тут Пашка лукавил. Если перед самим собой, если честно, то Иванка ему в глубине души нравилась. Вроде ничего такого, но... было в ней что-то. Притягивало взгляд...

Ромка досадливо поморщился:

– Не-а, на меня она и не смотрит. Она все время возле тебя вьется. На репетициях так и липнет к тебе, все вокруг ошиивается. Девки наши точно ее Светке застучат, ох и жара будет... – потер он руки, словно предвкушая удовольствие. Хитро посмотрел на друга, – да и кто-то, я засек, вполне благосклонно к этому относится, все улыбочки свои клеит. Малолетке-то...

Пашка с Романом учились в последнем, выпускном классе. Близилась экзамены. А к традиционному концерту, запланированному к последнему звонку, готовились заранее, оставаясь после уроков всеми старшими классами. Иногда даже пропускали тренировки по боксу. Всеми владело особенное, весеннее настроение, благодушное и немного щемящее – как-никак десять лет вместе. На репетициях царила доброжелательная атмосфера, ощущалась близость с ребятами, с которыми столько лет провели бок о бок.

Удивительно, почти каждый день из года в год видел их – и ничего, а тут как другими глазами на них смотришь, словно прояснилось что-то. И думаешь – а вдруг не увидишь больше Пашкиного тезку-очкарика, которого в свое время защищал от нападков ровесников? Те любили пошпынять смешного лопоухого мальчишку. А как же они без него теперь, без Пашки – неужели и не вспомнят, замкнутся в колесе собственной жизни? И Ленка Добрякова ни разу не задумается над тем, как могло бы у них сложиться, если бы Пашка в свое время не был бы столь стеснителен и все же решился предложить ей свою дружбу... А не просто два раза проводил домой со школьной дискотеки, пожав ее маленькую теплую ручку своей слегка повлажневшей отчего-то ладонью?..

М-да, от Пашкиной застенчивости к этому времени мало что осталось. На городских дискотеках его уже знали, как завсегдатая-тусовщика и всегда ждали, как незаменимого бойца в любой драке, хоть с чужаками, хоть со своими. Нравы в глубинке суровые. И то, что у тебя внутри, нормальному пацану необходимо порой отстаивать хлестким словом да крутыми кулаками. Иначе заклюют...

Или можно дома сидеть, другие интересы подыскивать.

С девчонками Пашка знался уже близко, более того, в пассиве свои записал Светку, на два года его самого старше, статную и разбитную деваху, впрочем, не утратившую своего юного девичьего очарования. А может, это она записала его в свои?.. Не поймешь. Светка гордилась своим избранником и ревновала его к любой юбке. Пашка не мешал ей делать это, зная, что нравится девчонкам. Неглупый светловолосый парень с внимательным, из-под ровных темноватых бровей сине-голубым взглядом. Не высокий, но крепкая, ладная фигура не позволяла этого замечать. В каждом движении сквозило здоровье и жизненная сила. Слегка поджатые губы и ровно очерченный подбородок выдавал в Пашке упряма, а светлый ежик коротко стриженных волос довершал это впечатление. А когда Пашка улыбался, то перед людьми возникал совершенно безобидный открытый парень, и немногие могли устоять перед этой обезоруживающей улыбкой, прощая ему все прошлые и будущие ошибки. А кто из нас без ошибок? он

подозревал, что именно из-за этой улыбки он пользовался некоторым успехом. А из-за чего еще? Так-то в нем ничего особенного не было, так он считал.

На репетициях также готовили свои номера ученики классом младше. Они являлись премниками класса старшего и таким образом провожали их. На репетициях было прикольно, и все готовились слаженно и с удовольствием. Тем более что после торжественной части и концерта ожидалась грандиозная дискотека, а кто не ждет такого массового развлечения?

В том классе годом младше училась Иванка. Небольшого росточка, миниатюрная стройная девочка с синими глазами. Носик с легкой, едва заметной горбинкой, гладкая кожа, правильные черты лица. Странные и иногда немыслимые прически на голове, да и вообще Иванка почему-то слыла странной девушкой даже среди своих одноклассниц. И особой симпатией в общем-то не пользовалась. Не то, чтобы ее не любили – никто Иванку не игнорировал и не чурался. Но, когда девчонки разбегались по стайкам или ходили гордые парами со своими верными подругами, всегда получалось так, что Иванка оставалась одна.

Даже здесь, на репетициях, дожидаясь выхода своего номера – она вместе с одноклассницами что-то там делала – Иванка или поправляла очередную замысловатую прическу, прилаживая в кресле напротив маленькое зеркальце, либо просто сидела в одном из одиноких кресел задних пустующих рядов.

Пашку почему-то привлекала эта маленькая, вечно одинокая печальная фигурка. Может, оттого, что не похожа на других, может, оттого, что непонятно, о чем думает и что чувствует эта девушка с умным, в общем-то, взглядом. Интересно, каково это – вечно без подруг, без друзей, без полноценного общения? А может, у нее есть кто? Вот чем она занимается дома? Гуляет с кем? А может, она просто красивая...

Однажды, войдя в зал, он замедлил шаг и на мгновение задумался. Иванка сидела на своем привычном месте в самом последнем ряду. Что-то делать в ближайшее время не приходилось. Остановился и бухнулся в кресло рядом. Оно жалобно скрипнуло под ним, а Иванка на своем подскочила.

– Привет, – деловито поздоровался Пашка.

– Ты напугал меня! – придерживая на плечах каких-то пестрых расцветок платок и испуганно переводя дыхание, произнесла Иванка.

Пашка отметил некоторую наигранность и криво улыбнулся.

– Я хотел посмотреть, насколько ты пуглива, – успокаивающе похлопал по ручке кресла, – чего делаешь, скучаешь?

– Да нет, – Иванка опустила глаза, – жду нашего выхода.

Пашка и сам давно видел, что Иванка к нему не совсем равнодушна. Это часто проявлялось – и когда ее щеки розовели под его внимательным взглядом, и как в его присутствии она старалась быстро и незаметно поправить прическу. Когда проходил мимо и зачем-то оглядывался, то ловил на себе ее взгляд.

Более того, отмечено было, что она ходила на все соревнования по боксу, в которых участвовал Пашка. Может, это и объяснялось простой любовью к спорту, но и факты здесь не главное – Пашка чувствовал... И не знал толком, как на все это ему смотреть. Возможно, если бы Иванка была бы к нему холоднее, он и сам бы первый увлекся ею. А пока ему и льстило такое внимание, и в то же время слегка раздражало.

– А, ну-ну, – сказал Пашка, вытягивая крепкие ноги под кресло, стоящее впереди.

– А ты когда на сцену? – в свою очередь поинтересовалась Иванка. Она так и сидела – с прямой спиной, в пол-оборота к Пашке, держа свой платок за концы у груди.

– Да еще не скоро, – нехотя ответил Пашка. Он уже начал жалеть, что подошел. Что-то мешало вести легкую, ни к чему не обязывающую беседу, с кучей дежурных шуток, от которых обычно весело заливались девчонки. Иванка слишком ищуще заглядывала в его глаза, смущалась, когда он смотрел на нее в упор и разговаривая, сохраняла серьезность своих синих

глаз. Ее глаза таили какую-то странную, непонятную глубину, от которой становилось неуютно. Обычно девчонки в ее возрасте достаточно понятные, поверхностные...

Разговор становился все более натянутым и вскоре совсем заглох.

– Ладно, солнце, – хлопнул решительно по ручке кресла и встал, – я пойду. Замолчал на мгновение и добавил, – ты смотри, если чего, подходи.

– Хорошо, – слегка покраснев, улыбнулась Иванка.

Пашка замешкался, выпрастываясь из ряда кресел. Уходить, честно говоря, не хотелось, но и оставаться уже не было возможности. Какая у нее все-таки приятная улыбка. И зубки, беленькие такие... Улыбалась бы чаще, глядишь, не сидела бы одна. Наверняка...

Он и думать не мог, что девчонка воспримет его слова так буквально. Теперь она все время находилась где-нибудь поблизости, подходя к нему в любой мало-мальски удобный момент. Не то чтобы она навязывалась, торчала постоянно рядом и преданно заглядывала ему в глаза. Нет, Иванка ему не мешала. Ее не было, когда он с кем-нибудь разговаривал или находился в компании. Уходила совсем, если он бросал на нее против своей воли недовольный взгляд, и тогда ее не было видно день или даже два. И все же внимание девушки одновременно и радовало его и тяготило. Время от времени он разговаривал с ней о всяких пустяках, но, завидев понимающие ухмылки пацанов, хмурился и спешил закончить разговор. Получалось так, что вроде бы он сам предложил ей свою дружбу, а общаться, как с друзьями, уделять сколько-то времени оказывалось невозможным. Дурацкая ситуация... Девушка вроде бы все понимала, но отказываться от его персоны, несмотря на Пашкино свинское поведение, просто не хотела. И Светка опять же...

Девчонки и одноклассницы посмеивались, глядя на Пашкину мину в Иванкином присутствии, а парни открыто подначивали кореша.

– Смотри, она хочет тебя, – лыбились присущей этому возрасту идиотской улыбкой, – сделай ты ей маленькое счастье... Не желаешь ее видеть – отошли куда дальше, и делов-то.

Пашка на подобные высказывания отшучивался или просто молчал.

Но как-то, когда после репетиции Иванка предложила проводить его, Пашку, до дома, он возмутился. Вот-вот должна была подойти Светка, настроение было ни к черту, и несколько пропущенных тренировок вносили разлад в отлаженную жизнь. А тут еще эта...

– Ты в своем уме!? – отчитывал он стоящую перед ним девчонку, – не кажется ли тебе, что обычно все происходит по-другому, что обычно пацаны девчонок провожают, а не наоборот?

Иванка слушала, грустно хлопая длинными, не очень умело накрашенными ресницами. Или тушь просто плохая, паленая. Где в городке хорошую косметику достанешь?

– У меня ведь девушка есть. Как будто ты не знаешь, – продолжал разоряться Пашка, – как ты думаешь, как она отнесется к тому... если увидит меня с тобой?

Поникшая фигурка грустно пожала плечами:

– Мне все равно, – произнесла, – думаю, она все поймет.

– Она все поймет?! – Пашка накалялся, – тебе все равно? Но мне-то – нет! Мне не все равно!

– Паш... – жалобно протянула Иванка, и его запал разом угас.

– Чего? – Пашка устало поглядывал по сторонам, покачивая головой.

– Паш, я просто погулять хотела. Ты же не пойдешь сам со мною, я знаю. Тем более я далеко живу. Так я думала хоть пройтись с тобой, проводить.

– Да черт знает что такое! – Пашка взорвался, – погулять она хотела! Короче, иди и гуляй, как хотела, только, пожалуйста, без меня.

С этими словами он развернулся и пошел быстрым размашистым шагом, не оборачиваясь, чтобы не увидеть этого жалобного детского выражения на ее лице. Он не хотел ее обижать, но другого пути отвязаться от нее не было. Наверное...

Спиной почувствовал, что девчонка заплакала, и прибавил шаг, плюнув в сердцах на землю. Сама виновата. Дура...

С того момента прошло уже больше недели. Иванку возле Пашки все это время никто не видел.

– Только мелкой этой мне и не хватало, – сказал он Ромке, – Светка меня и ее сживет со свету. Да и не хочу я ее, ну нафиг.

– Зря, – опять затыкнул Ромаха, – мелкая она мелкая, а сиськи, видел – во! – показал он руками.

– Да что ты, в натуре, заладил – сиськи, сиськи!.. – разозлился Пашка, – лучше скажи, в ДК идешь сегодня или нет?

– Нет, наверное, все-таки нет, – запечалился Роман, – батя с утра завещал в деревню ехать. Блин ему на плешь, терпеть не могу эту деревню с этим огородом. Пашешь там все лето, а результата – кот наплакал. Этой картошки я бы лучше осенью на рынке купил, чтоб все лето так не корячиться... И хрен откажешься. Хотя тоже, в общем-то, неплохо. Лес, банька...

– Ну как хочешь. Иди в баню, – сказал Пашка, и оба засмеялись, – я в ДК схожу, пива выпью, может. И Светку с собой не возьму.

– А тренер? – насторожился товарищ, – если узнает, что ты потреблял?

– Да ну, – махнул рукой Пашка, – впереди выходные, соревнования все кончились, теперь только осенью. И откуда он узнает, если ты не вложишь? – хлопнул приятеля по плечу.

– Я-то молчок, – длинной рукой Роман хлопнул его по спине еще сильнее, – в ДК в другой раз сходим вместе, вот вернусь живым с деревни...

Посмеялись, подставляя лица теплему солнцу в ярком голубом небе. Потом Ромаха вспомнил прошлые соревнования.

– Слушай, а классно ты все-таки уделал того, с области, рыжего. Я заволновался, что ты уже сдаешь, и хлоп – прям в начале третьего раунда. Все как с цепи сорвались, никто не ожидал.

– На встречный сам налетел, – почесал кулак Пашка, – а дальше – дело техники.

Парни принялись обсуждать ход соревнований.

– Гоблин, зверюга, опять всех вынес, – со смесью восхищения и досады качнул Ромаха стриженной головой, – вот тупой же урод, а пацанов укладывает на раз-два. Тайсон недоделанный...

Пашка поморщился, услышав о Гоблине.

Гоблин был на год младше. И учился, кстати, раньше в том же классе, что и Иванка. В прошлом году оставил школу, и все вздохнули с облегчением, что учителя, что ученики. Гоблин терроризировал всех, и как-то повлиять на него было делом просто напрочь бесполезным.

И в секции бокса именно он считался самым сильным бойцом. И хотя Гоблин и Пашка выступали в разных весовых категориях, последнего этот факт очень сильно задевал. Пашка считался первой надеждой и перспективой тренера, строгого Никиты Лукича. Весил Гоблин килограммов на десять больше. Как-то очень быстро из длинного худого мальчишки вымахал большой, вечно ухмыляющийся монстр под девяносто килограммов с колотушками, каждый с Пашкину голову.

Гоблин обладал мало что выражающим выражением лица, всегда слегка отвисшей нижней челюстью и слюной в уголках толстых губ, которую при разговоре он шумно всасывал обратно. Лишенные эмоций темные глаза с поволокой оживлялись лишь в предвкушении хорошей драки. Обладая длинными руками, нечувствительной к чужим ударам большой головой и сносящим любого крюком справа, Гоблин практически всегда выигрывал соревнования и побеждал в любой, самой жуткой драке. Поэтому считался непререкаемым авторитетом для всех городских «трудных» подростков. Даже среди спортсменов, регулярно собирающихся

на соревнования, Гоблин имел репутацию не из лучших, так как имели место случаи, когда с соревнований его дисквалифицировали за неспортивное поведение.

Парни постарше, как правило, относились к нему с легким презрением, но особо на рожон не лезли – все знали о совершенно непредсказуемом нраве и огромных кулаках отможенного «малолетки». Подвиги типа завязывания драки с любым количеством противников, выбивание головой фанеры из дверей местных дискотек и пьянок до поросычьего визга очень скоро становились достоянием общественности. Поговаривали и о других подвигах Гоблина, таких, как затаскивание девчонок в кусты городского парка во время танцев, но на это уже смотрели с легким сомнением – девчонки нынче и сами не промах, и при известном терпении и любознательности тащить кого-то уже не придется – сами затащат.

На последних соревнованиях Гоблин и Пашка заняли первые места в своих весовых категориях. Несмотря на гораздо лучшую технику, в глубине души Пашка все же остерегался открыто связываться с Гоблином, хоть и не признавался в этом даже самому себе. Удары в лицо тот сносил с какой-то нездоровой легкостью, попасть под правую руку – значило обречь себя на заведомое поражение – после мощного бокового устоять просто не было шансов. Зверей, Гоблин мог и покалечить в драке, если вовремя не оттаскивали свои. И в зале упивался своей властью, если перехватывал инициативу, и молотил противника что есть дури, до последнего. Лукич только и терпел его за те первые места, которые Гоблин вырывал почти каждый сезон. Что говорить, подопечный мог и на тренировку заявиться с перегаром, а поведение к окружающим было откровенно отвратительным. Типичный хамоватый тип и хулиган, которому от природы дана сила, не на пользу ему самому и окружающим.

Жил Гоблин не с родителями. Те то ли пили, то ли разошлись и кто-то один из нихпил – Пашка уже и не помнил, чего толку лезть в чужую жизнь. Знал наверняка, что Гоблин скитался по друзьям и знакомым, а на жизнь зарабатывал продажей сигарет на рынке по выходным, попутно рэкетирова приезжих барыг-белорусов, да тряс малолеток возле школы на предмет лишних денег.

Некоторые учителя в свое время поговаривали: уймется, надоест кочевая, беспутная жизнь, исправится, но Пашке в это слабо верилось. Горбатого могила исправит. Вряд ли дегенерат сможет поумнеть. Хотя черт его знает... Что он, Пашка, психолог, что ли? Он не любил говорить и думать о людях плохо, тем более за глаза, но здесь и так все было ясно, стоило посмотреть на Гоблиновскую рожу и его слюнявую ухмылку. К Гоблину Пашка всегда испытывал неприязнь, и Гоблин отвечал ему тем же.

На тренировках Гоблин, пользуясь большим весом и длинными руками, в частых спаррингах пытался достать Пашку, подавить его. На что тот отвечал, постоянно увертываясь и доставая партнера точными сериями контратак. Зевать не стоило – держался на расстоянии, удобном для себя и старался не попадать под ломовые боковые противника. Здесь его меньшие габариты играли на руку – Гоблин, как все большие парни, был несколько медлителен в движениях.

Тем и заканчивались все их поединки – помордованный и крайне злой Гоблин, и Пашка без единой царапины, но так и ничего не доказавший Гоблину. На все заработанные Пашкой очки и правильную технику отвечал лишь плевром сквозь зубы:

– Всеми этими очками можно потереться, – протяжно тянул он, дергая толстой отвисшей губой, – у меня вон, один удар – и все очки посыпались, – поднимал сверху свой огромный деформированный кулак, – кто хочет, за школой может попробовать. На асфальте и без перчаток глянem, что к чему.

Как правило, Пашка на эти выпады не отзывался. Он тоже хорошо знал разницу между тренировочным боем и уличной дракой.

Настроение почему-то сразу испортилось. Попрощавшись с Ромахой., Пашка двинул домой.

– Аллах Акбар! – донесся снизу общий выдох. Молитва закончилась.

Пашка вздрогнул. Возглас вернул его сознание обратно сюда, в реальность. Снова пронеслось перед глазами вчерашнее.

Вряд ли бандиты оставят их живыми. Поглумятся еще в свое удовольствие да кончат, как баранов. Обидно. И страшно... Не верится, что все уже... Все... Что и жил-то фигню всего – а для чего? Для этого?..

Ох, Господи, только бы легкую смерть. Хрен с ними, хотя бы такую, какую принял вчера Андрияха, это хоть не очень долго.

Пашка против своей воли пощупал шею. Все равно мало приятного, наверное.

Не раз наткался в ходе операций на истерзанные тела пацанов-срочников, офицеров, контрактников, и не понаслышке знал об извращенной жестокости наемников. Увиденное заставляло стыть кровь в жилах. Особенно в том январе, в Грозном... Потом вроде бы поприрек. Или просто это стало обычным интерьером окружающего мира? Или как?..

Вчера видел в толпе, их окружившей, много, человек двадцать, наверное, черных. Чернее, чем самые черные цыгане, что жили на окраине в их городке. На чеченцев они так же мало были похожи, как и на русских. Язык отличался от резковатого чеченского, был более гортанным и замысловатым. Многие носили халаты, тюрбаны, намотанные на головы и тюркские шапочки. И бороды у них были менее кустистые, или не было вовсе. Отличались, короче, от местных. У этих хоть что-то знакомое проскальзывает – русский мат, взгляд, в котором видно знание русских, все-таки долго бок о бок два народа жили. А эти же... Просто чужие. И неверные для них все на одно лицо. За веру они свою воюют... Придурки.

Вот этих бы не надо... – не хотел даже додумывать Пашка. Пакистанцы они, афганцы, иранцы или еще кто там, кто их разберет, ну их нафиг, с их отрешенными лицами и горящими глазами.

Смешно, поймал себя на мысли, что не все ли равно, кто тебя в конечном итоге убивать будет. И те, и эти тебя все равно не любят и никогда любить не будут. Ни Пашку, ни Виталю, ни Адрияна, никого из тех, с кем был знаком или знал раньше Пашка.

Поразмыслил и решил, что нет – не все равно, кто будет... Странно, но не все равно.

Никто не наведывался к пленным, и хотелось поверить, что про них просто забыли. Горбоносый сидел, практически не двигаясь, вперившись темным взглядом в глубь сарая и не отводя ствола.

Виталья растянулся на земляном полу и, по всей видимости, дремал, подрагивая закрытыми веками и тяжело дыша через открытый рот. Адриян уже не гладил ногу и просто сидел, безразлично уставившись в одну точку.

Кто-то внизу запел песню, веселую, наверное. Голос оказался молодым и на удивление приятным на слух. Пропев всего ничего, оборвал себя и чему-то засмеялся. Кто-то неподалеку крикнул поощающему пару отрывистых фраз, тот ответил, не переставая смеяться. Теперь смеялись уже оба, и к их смеху присоединились другие. Пашка различил голос Ахмета. Тот еще что-то сказал, отчего общий смех усилился. Ахмет шел сюда, уже были слышны шаги, приглушенные порослью близ сарая.

Сменять идет. Горбоносый довольно заерзал на месте, но так и не встал до последнего, контролируя пленных. «Поразительная ответственность», – подумал Пашка. «И тупоумие», – добавил, с сарказмом глядя на караульного.

В дверном проеме возникла высокая, крепко сбитая фигура Ахмета. Сказал несколько слов горбоносому, тот ответил и наконец снялся со своего насеста, скрывшись с поля зрения.

Слышно только было, как клацает ремень автомата при ходьбе. И почему-то Пашка облегченно вздохнул.

Ахмет постоял, осматривая внутренности сарая. Оглядел близлежащие окрестности. Оглянулся вслед горбоносому. Сильно пригнувшись, шагнул внутрь. В бороде Пашка разглядел несколько прилипших крошек.

Жрал что-то... Скотина.

– Живые еще? – поинтересовался у пленных, переводя черные поблескивающие глаза с лица на лицо.

– Хорошая шутка, – вяло отозвался один Пашка. Странно, но он не испытывал никакой ненависти или хотя бы неприязни к этому рослому, недалекому чеченцу. Сколько тому лет? Двадцать пять-двадцать семь, если верить внешнему облику. Может, чуть моложе, но эта борода не дает судить о возрасте.

Ахмет собрался вроде уже уходить, но остановился на пороге.

– Ладно, – поколебавшись, полез за пазуху загорелой, покрытой черными волосами рукой, – хотел покушать, да не хочу что-то. Э-э... жрите уж сами.

С этими словами чеченец извлек на свет Божий промасленный сверток и кинул Пашке на колени. Первым порывом было швырнуть сверток обратно в Ахмета, как гранату возвратить, но что-то удержало.

Не успел Ахмет договорить, а Пашка обостренным чутьем уже слышал этот запах. Еда... Развернув, обнаружил две большие чеченские лепешки, совсем мягкие и упоительно пахнущие сдобой. Внутри заурчало, желудок непроизвольно сжался. Пришлось скрючиться, чтобы избежать очередного болевого спазма. Заиграли желваки, мучительно сглотнул набежавшую слюну.

А может, все-таки швырнуть лепешки обратно, прямо в наглую, сытую рожу бандита? Пашка поднял глаза на Ахмета.

Тот молчал, стоя посреди сарая, опустив автомат. Не смеялся. Просто стоял и смотрел на Пашку. И отчего-то Пашка устыдился. Ощутил себя совсем мальчишкой.

– Спасибо, – буркнул, и стараясь не торопиться, принялся делить лепешки на три равные части. Руки не слушались, подрагивали от нетерпения, приходилось напрягаться, чтобы края разломанной лепешки получались ровными и не осыпались.

Сомкнув ноги, чтобы ни одна крошка не упала мимо, снова бросил взгляд на Ахмета. Тот все так же стоял и... улыбался. Мягкой, широкой улыбкой, так не вязавшейся с его символической бородой, автоматом и бритой головой с капельками пота.

– Да, еще ведь, – заторопился он отчего-то, – попить еще, – и протянул фляжку. Металлическая фляга в брезентовом намокнутом кожаном чехле легла в руку приятной тяжестью. Даже не плескалась внутри, залитая доверху живительной влагой.

Виталья с Адрияном, до того сидевшие молча и с недоверием смотревшие на происходящее, придвинулись к Пашке. Не произнося ни слова, взяли протянутые куски и жадно принялись за еду, прислушиваясь к своим ощущениям.

Во фляге была вода. Чистая. Родниковая или колодезная, решил Пашка, отхлебнув и передав Витале. Войска затариваются водой с минеральных источников, там, где нет ее нехватки. Говорят, она полезная, но на вкус и цвет... А тут чистая, прозрачная и вкусная вода. На секунду задержал руку, заметив что-то. Сверху на крышке фляги были выцарапаны инициалы: «А. В.». До Пашки дошло, чья это фляжка. Убитого вчера Андрея.

Как барана на шашлык... Пашку чуть снова не вырвало.

– Ты где посуду взял, Ахмет? – отдышавшись, спросил у чеченца.

Тот заморгал почти виновато.

– Там... Это все ваше, ваши вещи скинуты, куча одна. Да... Я взял одну, пустая была. Вода хорошая, ее здесь все пьют.

Пашка покачал головой и, ни слова не говоря, опять принялся за лепешку.

Вторую он уже надумал оставить на потом, но Ахмет предостерегающе помахал рукой:

– Не, ешьте все, и допивайте. Я лучше потом еще принесу. Здесь не оставляйте ничего, – воровато оглянувшись на выход, пальцем указал на фляжку, поторапливая. Адриан последним сделал пару крупных глотков и вернул ее Ахмету.

Чеченец сунул посудину обратно за пазуху своего хорошего германского камуфляжа и вышел наружу. Потянулся во весь свой рост, так, что огромная тень качнулась по косяку и порогу сарая. Сел на пенек, служащий постом. Довольно, словно чеширский кот, прищурил глаза, намурлыкивая все ту же песенку.

Солдаты тем временем быстро умяли второй лаваш. Подобрали все крошки с колен, с земли, отправили и их в рот.

– Спасибо, – негромко подал голос Виталия.

– Угу, спасибо, – Адриан еще прожевывал последний кусок.

– Ай-вай, – сердито мотнул головой Ахмет и даже отвернулся. Ничего не сказал, краем глаза поглядывая на пленных и едва слышно выводя свой незатейливый мотивчик.

После некоторого молчания Пашка решил сказать, сам не зная, зачем:

– А ты хороший человек, Ахмет.

Чеченец прекратил пение и серьезно взглянул на него. И вновь Пашка почувствовал себя почему-то намного моложе его.

– Я не хороший, – отозвался Ахмет, – я плохой. У меня брат был, пять лет младше, – боевик поднял пять пальцев вверх, – его убили. Ваши убили, русские. Может быть, даже вы, – обличительно в каждого из солдат, – это за него я теперь стреляю.

Он продолжил:

– Но я не хочу, как вас, без оружия убивать, нет. Брат умер с оружием в руках, как мужчина, – гордо сказал чеченец, и Пашка заметил, как заблестели его черные глаза, – резать, как баранов, с пустыми руками людей – нет, это не по мне.

Ахмет покачал бритой головой:

– Нет, не по мне. С пустыми руками – это не солдат, а так... Слабый человек, чести нет убивать таких. Они уже ничего сделать тебе не могут. Нечестно... Нохч не должен делать так.

– А кушать я принес, – резко переменял он тему, – я же вижу, вы мученные все, голодные, – улыбнулся одним уголком рта, – чем вас кормят там? Кого видел, все как один – мученные, – смешно произнес он опять это слово, – даже стрелять вас иногда жалко.

Он усмехнулся. И, кажется, совсем невесело.

Помолчал, прислушиваясь к шуму близкого лагеря и к чему-то внутри себя. Начал опять говорить:

– У меня брату было, сколько вам сейчас. Чем-то вот, – посмотрел он на Пашку, – на тебя похож.

Чем мог сивый Пашка быть похожим на брата черного, как чеченская ночь, Ахмета, он не понял, но на всякий случай промолчал. Молчали и Виталия с Адрианом.

Замолчал и сам Ахмет, повернувшись боком к сарайчику и глядя куда-то в сторону поднимающегося к своему пику солнца. На лицо опечаленно набежала тень, густые черные брови сдвинулись скорбно. Свою песенку Ахмет больше не пел, лишь тихо шевелил губами. То ли молил о чем-то Аллаха, то ли разговаривал с убитым в этой затянувшейся войне братом...

Некоторое время Пашка просто смотрел на чеченца. Станный человек, право слово. То ненавидит, оскорбляет почем зря, то кормит... Только не говорите, что он просто такой добрый. Знаем уже...

Ощущение блаженной сытости теплом растекалось по телу, лишь слегка болел еще истерзанный долгим голодом желудок.

Адриан, пользуясь тем, что их охранник не очень-то смотрит за ними, подполз к окну, гремя своими кандалами. Приподнялся на здоровой ноге, помогая себе скованными руками, чтобы взглянуть в узкий проем в стене, служащей окошком.

Пашка тоже поглядел бы в это окно, но длины его цепи явно не хватит до той стены. Да и шевелиться что-то не очень хочется, лучше полежать. Больно телу, устало оно. Прикрыл глаза и привалился к стене, стараясь сохранить живую энергию.

Виталья снова улегся, поправляя свои затвердевшие засохшей кровью тряпицы в ноздрах.

Глиняная стенка за спиной уже нагрелась до температуры сковороды в духовке. В сарайчике становилось все более душно. Если будет продолжать нагреваться то они точно здесь испекутся.

Холодно – плохо, жарко – тоже не очень хорошо. И почему только в воздухе редко бывает такая температура, при которой человеку тепло, но не жарко, и освежающе, но не прохладно? Почему погода больше благоволит к крайностям, заставляя людей подлаживаться под них?

Душно, блин...

А тогда моросил прохладный, приятный дождик...

ДК, где по выходным проходили городские дискотеки, считался на это время самым центровым местом тусующейся молодежи. Ибо мест, куда можно было пойти развлечься, в городке имелось не так уж и много.

С наступлением темноты Дом наполнялся молодежью и несколько оживал от своей серой дневной спячки. Большие стекла мерно подрагивали, и уже за квартал можно было расслышать просачивающуюся сквозь стены музыку. Скучно моргала вывеска над входом и стайками собирались, приходили-уходили подростки обоих полов.

Пашка торчал здесь уже больше двух часов. Честно говоря, делать было нечего и он уже жалел, что пришел. Танцевать он не танцевал. само собой, не принято, если только с девчонками, а с девчонками не хотелось. Благо, что и дома можно было найти, чем заняться. На столе в его комнате лежала раскрытая начатая книга, ожидали своего часа недописанный реферат по истории и работа к выпускным по английскому. И мать, приходившая с работы поздно и не так уж часто видевшая сына дома. И с Рексом погулять надо. Хоть вечером гулял, но пес перед сном привык к пробежкам с хозяином по центральной аллее и дальше, по набережной. А может, мама сходит, если не очень измоталась на работе, выведет большого лобастого пса пробежаться по ближним дворовым кустам да промочить лапы в весенних лужах.

Он уже и постоял в зале, слушая музыку и разглядывая симпатичных танцующих девчонок, и посидел в баре со знакомыми пацанами. К нему подходили, здоровались, говорили о том, о сем, поздравляли с победой на соревнованиях, тянули выпить. На все зазывания Пашка отвечал отказом, общался с неохотой, и весь вечер пил пиво по банке.

И сейчас открыл новую, вздохнул перед тем, как глотнуть, и решил, что пива на сегодня ему хватит. Иначе дальше пойдет уже откровенное бухалово. И так уже перебрал. Живот надулся, в голове мутно и покачивается все. Фиговое какое-то пиво.

Подвалили два закадычных дружка, Олег да Петеля. Похожи до ужаса и повадки одинаковые, как у сиамских близнецов. Их часто принимали за братьев, хотя это не было правдой.

– Здорово, Паха! Ну че, какие планы на сегодня? – спросил Олег, нескладный угловатый парень с рожей отпетого разбойника.

– Не знаю, не хочется ничего, – вяло ответил Пашка, больше занятый банкой и своими мыслями о ней, нежели об окружающем мире. Он уже начал основательно пьянеть. Потер лицо ладонью. Кожа на лице уже потихоньку теряла свою чувствительность, а щеки покраснели горя-

чим. Плыли какие-то странные, не очень хорошие мысли, и вообще, состояние было предупреждающее.

– Планы, как обычно, – похожий ну всем на Олега Петеля осклабился, – напиться, расколотить кому-нибудь хлебало, и... – довольно потянулся, – разорвать какую-нибудь жертву. Да, Паха?

– Ага, обычный сценарий выходного дня, – буркнул Пашка.

– Ночи...

Оба сямца дружно загоготали, будто сказали невесть что веселого.

Настроение за вечер так и не поднялось, даже пиво не помогло. Найти причины своего подавленного состояния Пашка так и не смог, вроде нормально все, хорошо даже... Откуда же взялось это неприятное напряжение внутри?

Приход на дискотеку уже не казался ему такой уж замечательной затеей. Окружающее нисколько не радовало, не развлекало, и он уже подумывал, как бы отвяжаться от всех этих мелющих всякий бред «друганов» и свалить отсюда. День явно не задался и вечер его уже ничем не исправит. К тому же опять начал накрапывать этот противный моросящий дождик.

Все, пиво допиваю и, если к этому времени ничего занятого не происходит, сваливаю домой.

Пашка взболтнул полупустой банкой, рассеянно слушая сямцев. Да, действительно, все будет, как всегда – к гадалке не ходи. Пацаны напьются, начнут бузить и задирают чужаков. Обязательно затеют драку, возможно, и не одну. Разобьют лицо и отпинают любого незнакомого или малознакомого пацана, имевшего наглость прийти на «их дискотеку». Конечно, если тот пришел без девчонки. У пацанов ведь тоже есть свой кодекс чести, пусть и несколько своеобразный.

Ближе к утру, зализывая разбитые костяшки кулаков, лихорадочно начнут искать девчонку, чтобы провести остаток ночи. Как правило, к тому времени большинство девушек уже уйдет домой.

Фу, гадость, поморщился Пашка, и непонятно, к чему это относилось больше – к пиву или собственным мыслям. Нет, все, надо идти домой, нефиг тут ловить.

И как только раньше он любил такое времяпровождение? Пусть уже давно не развлекался он подобным образом, но все равно. Пусть против себя он всегда выбирал парней поздоровее и постарше, но разве доказывать что-то с помощью кулаков считается признаком большого ума? Ну нет, конечно, иногда просто приходилось, подчас вынуждали, да и вообще, есть в этом что-то такое, первобытное, что нравится Пашке. Но все равно, идиотство ведь...

Откуда-то из близлежащих дворов послышался пронзительный женский визг. «Сямцы» насторожились, зачем-то по-собачьи втягивая ноздрями теплый ночной воздух. Пашкино тело, залившееся до горла пивом, отказалось даже вздрогнуть от неожиданности. Крик повторился уже где-то ближе и оборвался, словно кричавшей сразу заткнули рот. Или ударили так, что перехватило дыхание.

Некоторое время стояла тишина, а через минуту все повторилось. На этот раз кричали уже где-то в подъезде одного из жилых домов, что в глубине за Домом Культуры прижимались друг к другу. Все старые малоэтажные «хрущобы» да сплошь коммуналки. И народ в основном проживал там такой же – немудрено, что визжат. Это здесь не редкость. И в милицию вряд ли будут звонить. Да и позвонят, так она не приедет. Проверено уже... Городок считается криминальным, и милиция здесь сама всего боится.

Отчаянный визг, многократно усиленный эхом подъезда, вырвался на ночную улицу, нервно пробегаая по закоулкам старых дворов, впиваясь в ушные перепонки.

– Ну чего там такое? – недовольно пробурчал Пашка, – пойти в бороду настучать, что ли, чтоб не орали. Может, помочь чего...

– Дак че, – улыбнулся щербатой улыбкой Олег, – Гоблин же одноклассницу свою бывшую повел дрючить. Не видел, что ли, прямо на руках из зала вынес?

– Не, не видел. Гоблина видел... – с полчаса назад Гоблин с пьяной уже рожей здоровался с Пашкой, протягивая огромную влажную руку. Пашка и сейчас при воспоминании непроизвольно вытер ладонь о штаны.

– Что за одноклассница? – ему даже лень было перебирать в голове девчонок годом младше, – все они там шлюхи, – неожиданно вспыхнул он, – шлюхи и дуры...

– О-о, Паха, тебя уже нормально вставило, да? – Олег засмеялся, трогая Пашку за плечо и кивая Петеле, приглашая того тоже посмеяться, – как ее там, мелкая-то эта... – повернулся он к товарищу.

– Да Иванка, – нетерпеливо ответил Петеля, прислушиваясь к крикам. Его глаза маслянисто блестели, – не дает, сучка... сама же хотела. Она с Гоблином на дискач и пришла.

Пиво вдруг стало теплым и безвкусным. Пашка сплюнул горькой слюной на землю. Устал был тупо в угол между крыльцом и стеной. Здесь нетерпеливые пацаны обычно справляли малую нужду.

Внутри поднялось раздражение на Иванку. Допрыгалась, дура, догулялась, свербила мысль. Но, с Гоблином... При этом Пашку передернуло. Сама ведь пошла. Наверное... Правильно сказано – все они сами идут.

Криков больше не было слышно, только ближе становились сдавленные рыдания. Вот в темноте показалась неясная тень. Нет, две тени – большая нескладная и вроде как прижавшаяся к ней вплотную маленькая.

Пашка прищурился, пытаясь хоть что-то толком разглядеть. Идущие уже вступили в большой светлый круг, освещаемый фонарем над входом – единственным источником света в округе.

Да, действительно, Гоблин и Иванка. Причем девушка шла, прижавшись к своему бывшему однокласснику отнюдь не по своей воле. Ее достаточно длинные густые волосы были плотно намотаны на огромную ладонь Гоблина. От боли она шла, слегка изогнувшись, а другой рукой Гоблин держал ее за лицо, закрывая рот. Из-под грубой ладони доносился лишь сдавленный плач.

Гоблин шагал неторопливо, но размашисто, отчего Иванка семенила чуть ли не на цыпочках, пытаясь поспеть за своим мучителем.

Бессмысленная маслянистая улыбка словно застыла на широком раскрасневшемся лице. Заметил знакомых, стоящих на улице, отчего ухмылка сделалась еще шире. Прижатого где-то в районе гоблиновской подмышки девичьего лица не было видно. На мгновение он грубо повернул Иванку к свету, с гордостью показывая свою жертву:

– Во! – растягивая по своему обыкновению слова, сказал он, обращаясь к сиамам и Пашке, – орет, шалавка. Сама хотела, а теперь орет. На природу веду, там пускай поорет, – и довольно засмеялся, пуская в уголки губ слюнявую пену. Посмотрел на Пашку и подмигнул ему, перекосив половину лица.

Жалкий свет фонаря высветил лицо Иванки, залитое слезами, измазанное растекшейся косметикой. Пашка застыл на своем месте. В больших синих глазах мелькнуло что-то, похожее на надежду, когда она увидела стоящего на крыльце Пашку. Но Гоблин уже прижал ее голову обратно к своему боку и неторопливо зашагал по направлению к парку возле городского кино-театра.

Пашка стоял и смотрел, как они удаляются. Иванка одной рукой держала Гоблина за ладонь, пытаясь хоть как-то ослабить хватку, второй старательно придерживала порванную на груди блузку. Юбка была слегка свернута на сторону, видимо, в пылу борьбы, и над пояском была заметна полоска белого белья. Петеля, увидев, даже задрожал:

– Давай с ним, а? – горячо заговорил, – потом мы, а? Видал, хороша.

Олег равнодушно пожал плечами:

– На нас девок не найдется, что ли? Втроем одну овцу дрючить – не-е, мне не нравится такая фигня. Если бы я хоть первым был, еще можно, – с умным видом закончил он свою речь.

Пашка оторопело стоял в той же позе, с банкой в руке, уставившись в темноту, куда ушли две фигуры – большая и маленькая. Оцепенелый, тяжелый мозг заторможено силился что-то придумать, осмыслить происходящее, а внутри роилась отвратительным пьяным комом только какая-то черная муть.

И чего она с ним пошла? Или не пошла, силой увел? Или что?.. Надо же помочь, пойти навалить Гоблину, чтобы неповадно было девчонок мучить. Эту же Иванку, хоть она сама виновата. Виновата же? Ну, виновата. Думать самой надо... А может, просто заступиться некому было. И почему меня в зале в этот момент не было, сейчас знал бы, сама пошла или силой увел? Тогда сразу и впрягаться можно было, а сейчас непонятно... Этот тупой урод, напрочь отмороженный, все его бояться. Все, и ты тоже. Я?! Нет, конечно. Счас пиво допью и навалю Гоблину. Хоть не в форме я, пьяный уже, да и темно. Но все равно, счас пойду. Счас... Я тут не при чем, собственно говоря, но надо же как-то, по-человечески, не так...

Пашка пару раз потрянул головой, отгоняя наваждение, но мысли не растекались, продолжая клубиться где-то в голове и липкой, холодной неприятностью стекая потихоньку в грудь и живот. Мозги отказывались работать и трезво смотреть на происходящее.

– Блин, – волновался Петеля, – не успеем же, хоть посмотреть, что ли, – в руках он уже вертел мятую упаковку с презервативами, вытянутую из заднего кармана джинсов.

– Нахрен тебе эта дура? Визжит, как недорезанная, – начал возмущаться Олег, – я тебе сегодня таких телок подгоню, – он причмокнул, – такие они, ух! Огонь! И вроде безотказные. Я с ними уже почти договорился.

– Ну все равно, пойдем хоть, посмотрим, – настаивал Петеля, горя глазами.

– Да ты маньяк, – покачал головой Олег, – я всегда знал, что ты просто маньяк. Ну хрен с тобой, пойдем, позырим. Но только издалека, и потом обратно сразу, понял? Чего пацану мешать...

– Ага! – с радостью отозвался Петеля и заспешил в сторону парка.

– Пойдем, Паха, – позвал Олег Пашку, – чего стоять, в натуре, хоть взглянем.

Пашка отрицательно помотал головой, но ноги сами понесли его туда же, в темноту. Олег шел впереди, Петеля уже скрылся. Пашка перебирал ногами, не понимая, зачем он туда идет и что хочет там увидеть. Но все-таки шел.

В стороне от Дома Культуры начинался городской парк. Днем там было действительно красиво и парк собирал множество гуляющих. Ночью же здесь не горело ни одного фонаря по причине летней экономии, и немногие желали прогуливаться в полной темноте, не видя собственных ног. К тому же репутация ночного парка была не на высоте.

Гулкие звуки дискотеки отдалились, остались позади. Зашуршала трава под ногами, затем гравий. В практически полной тишине вновь послышался знакомый плач.

Олег пошел на звук, увлекая за собой Пашку на нетвердых ногах. Отойдя немного в сторону от дорожки, усыпанной гравием, парни наткнулись на Петелю. Тот стоял у последних кустов, придерживая непослушную колючую ветку и с вождением высунув язык.

– Тихо, – хриплым шепотом сказал он подошедшим и ткнул подрагивающим пальцем вперед, – готова, визжалка.

Олег и Пашка уставились на открывшуюся картину.

В центре небольшой лужайки, со всех сторон окруженной кустами акации, Гоблин большим нескладным телом навис над Иванкой. Опираясь на вытянутые руки, он мерно двигался. Иванка лежала под ним, широко раскинув согнутые в коленях худенькие ноги. Юбка высоко задрана, в стороне белеют на черной ночной траве сорванные трусики, а окончательно разорванная блузка полностью открывает крупную для такого небольшого тела грудь, что мерно

колыхалась сейчас в такт толчкам Гоблина. Лица не было видно, лишь бледное пятно на фоне ночной травы.

Некоторое время слышно было только тяжелое возбужденное дыхание Гоблина и тихий плач.

– Сергей, не надо, – произнесла она тихо сквозь слезы, и вскрикнула от боли, когда в ответ Гоблин зарычал и начал еще сильнее вталкивать себя, с каким-то садистским наслаждением ожесточенно насилуя свою бывшую одноклассницу.

Ну да, Гоблина действительно зовут Сергеем. Только что вот не звал его так никто. Наверное, даже родители.

Пашку шатнуло в сторону лужайки, но Олег предупредительно схватил его за руку.

– Ты куда? – удивленно спросил.

Пашка замотал головой, его замутило. Поспешно развернувшись и отойдя в сторону, он выблевал все выпитое за вечер пиво.

Облегчение не наступило. После всего увиденного его охватило полное безразличие. И страх, цепенящий страх. Так не должно быть. И я не должен здесь быть. Где угодно, но только не здесь. Что я тут делаю? Если там, у крыльца, еще можно было что-то сделать, поправить ситуацию, то здесь, когда действие уже свершилось, не было никакого смысла вмешиваться. Сознание молчало, замолчали и голоса внутри. Только комок бессильного страха переваливался внутри, заливая конечности парализующим током.

Вяло перебирая ногами, Пашка побрел прочь. Наткнувшись в темноте о камень, полетел вниз, испачкал руки и колени. Не оттираясь, пошел дальше, уходя от этого жалобного плача, умоляющего голоса и раскинутых грубо ног.

Сзади послышался шум. Олег тащил за собой слабо упирающегося товарища.

– Ну, еще же не все, Олеж, – говорил Петеля, – можно еще бы попалить. А потом, глядишь, и сами бы, а?..

– Тьфу, – Олег сплюнул, нашаривая сигарету из пачки в кармане рубашки, – охота тебе эту плаксу дрючить? Все удовольствие нахрен. Пахе даже, вон, хреново стало, да, Паха?

Пашка отмахнулся и пошел дальше, по направлению к кварталам, где жил.

– Пах, ты че, куда собрался? – удивились сиамцы, – айда в зал, там сейчас самое веселье начинается. И на нас телки найдутся.

С трудом сдерживая новые позывы тошноты, ничего не отвечая и не оборачиваясь, Пашка брел по тротуару в сторону своего дома.

Неподалеку от дискотеки припарковались две легковые машины. Грохотала музыка, слышался пьяный смех девчонок и басистый хохот парней. Когда Пашка проходил мимо, под ноги ему полетела пустая бутылка, прокатилась у ног, не разбившись, и с тихим шуршанием спряталась в траве у дороги. Пашка прошел, не взглянув в ту сторону. В спину ударил издевательский смех.

Утихший было дождик снова начался, закрапав по склоненной стриженной голове ласковыми капельками уже почти летних слез.

Осторожно перевернулся на другой бок. Вроде уже не так больно. И тошнить перестало. Слава Богу, хоть перекусили. Пашка взглянул на отвернувшегося от них Ахмета почти с благодарностью. Только вот душно, блин... И вообще, хреново-то как, все хреново... По заслугам, наверное. Пашка вновь вспомнил об Иванке.

Он не зря казнил себя все это время. Как потом выяснилось, Гоблин проявлял свои садистские наклонности еще очень долго. Только под утро она нашла в себе силы дойти до дороги, где ее подобрал кто-то из ранних водителей и отвез в больницу.

Иванка была в глубочайшем психическом шоке и не подпускала к себе даже убитого горем отца. Выяснилось, что у нее были повреждены внутренние органы и занесена инфекция. На четвертый день девушка впала в кому и к концу следующей недели тихо угасла в отделении реанимации. Местные врачи лишь развели руками.

До того, как ее вывезли, много народу приходило к больнице, хотя, кроме родителей, туда никого не пускали. Много ребят из школы, из разных классов, спрашивали, чем они могут помочь девочке.

В то время Пашка тоже один раз пришел к окнам, где находилась Иванка. Больше приходить не имело смысла. Пришел один и с наступлением темноты, чтобы никто не мог его видеть. На душе было мерзко.

И это мерзко оставалось с ним на все оставшееся до конца учебы время. А может, стало постоянным спутником. Несколько мучительных недель он вынужденно посещал консультации и уроки, без которых было немислимо сдать экзамены. Из дома выходил лишь на тренировки, причем старался тренироваться один и наотрез отказывался от всех соревнований. В конце концов тренер только раздосадовано махнул рукой, с сожалением глядя, как его лучший ученик молча тренируется один, в стороне от всех.

Гоблина посадили через несколько дней после случившегося.

Сразу же после сдачи экзаменов и получения аттестата Пашка бросился в военкомат, уговаривая отправить его в армию прямо сейчас же. Чем вызвал подозрение у повидавшего призывников военкома.

Призыв, правда, уже кончился. В конце концов в военкомате вняли его просьбам – на фоне косарей и больных, дистрофичных в массе своей подготовленный спортсмен Павел Пашков смотрелся идеально. Ему самому позволили выбрать войска, Пашка без раздумий попросился в спецназ. Туда, где труднее, тяжелее и... подальше от ставшего ненавистным городка.

До осени он уехал в соседний областной центр, где работал грузчиком и разнорабочим, а осенью с первым же призывом убыл.

...Поведение охранника вдруг изменилось. Он угрюмо встал, повел автоматом в сторону солдат и грубо рыкнул:

– Че расползались? На землю, живо! Руки чтоб видны, лицо пусть боится, – с этими словами Ахмет встал у входного проема, глядя на кого-то вниз.

Пашка открыл глаза, но даже не шевельнулся. Успевший задремать Виталья дернулся, неловко звякнув кандалами, и мутными глазами настороженно посмотрел на Ахмета. Адрьян сел, придерживая поврежденную ногу и вполголоса испуганно сказал:

– Эти идут...

Пашка уже и сам догадался, что к ним жалуют большие гости. Сердце учащенно забилося, ладони покрылись противным липким потом. Слегка прикрыв глаза, начал ровно дышать, пытаясь успокоиться. Внезапно вспомнив, схватил закованными в средневековые наручники руками клочки промасленной бумаги из-под лепешек, и запихал ее внутрь трухлявой гниющей соломы, что служила им подстилкой. Поймал мимолетный взгляд Ахмета и слегка кивнул – подставлять чеченца ему не хотелось, да и самим подставляться не было смысла. Пусть лучше думают, что пленные вымотаны, избиты и ослабли от голода. Что, впрочем, все равно являлось правдой. Сейчас Пашке вряд ли удалось сделать какой-либо физический рывок, равно как и вороне «кыш» сказать. Тело отзывалось болью на каждое движение.

За стенкой на улице послышалась речь сразу нескольких человек. Знакомое бряцанье оружия, спокойные переговаривающиеся голоса. Ахмет у порога вытянулся чуть ли не по стойке смирно, глядя на свое начальство. В проеме возникли две фигуры. Пашка чуть не хмыкнул – начальник зеленки с рыжебородым. Никто и не сомневался. Здесь они просто вездесущи.

Света в сарайчике, несмотря на пробитое окно в боковой стене, было мало, и оба вошедших на мгновение замолкли, свыкаясь с темнотой. Главарь жевал в зубах то ли веточку, то ли зубочистку, презрительно вздергивая вверх кудлатой бородой. Его помощник и подручный просто стоял рядом, опустив глаза и выжидая, когда предметы приобретут свои очертания. Что-то с ним было не так, не в порядке. Пашка прищурился. Может, рыжебородый болеет, а может, просто по жизни такой?

Из-за спин вынырнул вчерашний жук в чалме, застреливший Толика. Быстрыми выверенными движениями он осмотрел цепи, бросил взгляд на руки и лица пленных. Удовлетворенно кивнул и вышел. Главарь окликнул его:

– Абу!.. – и отдал короткий приказ. Жук молча кивнул и снова вышел, дав знак нескольким боевикам, стоявшим снаружи. Все подчинились и отошли немного назад. Ахмет тоже, не меняя угрюмого выражения лица, отступил на несколько шагов.

Первым начал разговор рыжебородый. Не тратя времени на какие-либо вступления, он перешел сразу к главному:

– Молодые русские поросята, до сих пор вы живы благодаря мне, – здесь он бросил взгляд на хмыкнувшего в бороду главаря, – и нашему командиру Султану.

Начальник зеленки выплюнул зубочистку, обнажив желтые зубы, и кивнул.

«Ну да, благодетели вы наши», – подмывало сказать Пашку, – «так и хочется сорвать картуз и кланяться, кланяться». Страх начал понемногу растворяться, как и пот с ладоней. С первыми словами рыжебородого каким-то чутьем он уже понял, что сейчас их еще не убьют. Улыбнулся внутри, снаружи не выдавая себя ни единым движением. Разглядывал говорящего, что, уверенно стоя в темном вонючем сарае, в своем добротном армейском камуфляже, подбирая русские слова.

– Еще вчера мы хотели устроить показательную казнь со всеми элементами правильной смерти, которую вы заслуживаете.

Пашка вновь подивился, как рыжебородый изъясняется на русском, никак не хуже любого русского, и слова знает вон какие. Не иначе, как в недалекой своей молодости учился где-нибудь в России. Или в Грозном, может. В институте. Говорили же, что здесь в советские времена неплохие были ВУЗы, обучение все, соответственно, на русском. Помнится, говорили про педагогический и нефтяной. И помнится, вроде говорили, что в педагогический местных не пускали. Правда или нет?..

Рыжебородый продолжал:

– Но утром с нами поговорили некоторые уважаемые люди... – полевой командир при этом что-то недовольно буркнул рыжебородому. Выслушав, тот вяло кивнул и закончил фразу:

– В общем, вы все будете исполнять свое предназначение, ради которого вы, собственно, и были рождены – все вы пойдете в рабство. Будете делать, что вам скажут – и сохраните свои не нужные никому душонки. Вас даже будут кормить, чтобы вы не загнулись раньше времени.

Пашка утвердился в мысли, что разглагольствующий помощник командира все же учился где-то – его жаргон чем-то смахивал на студенческий сленг. Снова чуть не улыбнулся, не слишком-то слушая, что там говорит рыжебородый. Сегодня он еще поживет, значит, какие-то шансы на спасение имеются. Скосил глаза на товарищей. Адриян не отрывал испуганного взгляда от лиц двух главарей, и его темные глаза смотрели почти жалобно. У Витали то ли от неосторожного движения, то ли от волнения снова пошла кровь из сломанного носа, и он поправлял свои тряпочки в ноздрах перемазанными в крови пальцами, отворачивая лицо от чеченцев.

– Ваши хозяева сейчас за вами придут. Сбежать вам не удастся, точно вам говорю, да и сами потом поймете. Лучше вам будет жить, как псам, на цепи, а умереть вы всегда успеете. Аллах вас не ждет.

Пашка всматривался в лицо рыжебородого. Что же в нем было не так?..

Точно, тот же потухший взгляд, отсутствие зрачков и ровный невыразительный голос. Все то, что так отличало наркоманов от обычных людей. И когда он закончил говорить, его лицо оставалось таким же расслабленным, и не выражало ровным счетом никаких эмоций. Мда, и это правая рука известного полевого командира, законченный наркоман.

Стоявший до того молча Султан начал что-то отрывисто говорить рыжебородому. Тот, наклонив к нему голову и глядя куда-то на Пашкины ноги, отвечал односложно, время от времени кивая.

Шансы на спасение, которые целый день просчитывал у себя в голове Пашка, начали проявляться с другой стороны.

Сначала он принял шелестящий звук извне за легкое гудение в собственной голове. Гудение, которое сопровождает всякое сотрясение мозга. Но когда Султан и рыжебородый замолчали, напряженно вслушиваясь в необычный для этих мест звук, он уверился, что слух его не обманывает.

Звук нарастал быстро и становился все отчетливей, пока не превратился в хорошо различимый гулкий стрекот.

Главарь, как и положено командиру, первым догадался о происхождении акустических неясностей. И до того, как в сарайчик забежал телохранитель в чалме, бородатое лицо перекосило в бешенстве. Глаза выкатились наружу и, бешено вращая бельмами, он взревел и бросился к выходу, с силой толкнув в грудь вставшего на пути Жука.

У рыжебородого в потухших глазах появились искорки интереса.

– Армейские вертолеты? Любопытно, – и спокойно направился к выходу, на ходу что-то крикнув Ахмету.

Тот ответил, не переставая вглядываться в небо. Гул нарастал, и вскоре можно было заметить в проеме окна мелькнувшую точку, за ней – вторую. И не было сомнений, что вертушки двигались именно сюда, именно к этому месту, где находились боевики и пленные солдаты.

– Так не бывает! – восторженно крикнул Адриян.

Кажется, он впервые за все это время подал голос.

– Еще как бывает, – саркастически прогнусавил Виталя, пряча в глазах и испуг, и радость, – черти не добились, а свои сейчас хлопнут.

Пашкино сердце сжалось, не ведая, то ли радоваться появлению российских боевых машин, то ли готовиться к тому, что их сейчас действительно расстреляют свои же. И вырваться некуда, конечности плотно держала огромная цепь, удавом лежащая на земле и уходящая куда-то под глиняную стену. Бросил взгляд на место охраны. Никого... Всех как корова языком слизнула. Не было даже Ахмета. Видимо, убедился, что вертолеты действительно летят по их душу, побежал прятаться. Или воевать... Разницы нет, главное – никакого присмотра на данный момент не было.

Одним рывком поднял себя на ноги. Дернул цепью. Грузной волной прокатившись по полу, та лязгнула у основания стены и замерла. Не обращая внимания на то, что кандалы больно врезаются в щиколотки и запястья, Пашка подскочил к стене и с силой ударил плечом по глиняной поверхности. Как и думал, мазанка была ветхой и стена ощутимо качнулась – туда, сюда. Еще удар... Одному Пашке ни за что было бы не свалить ее, но Виталя, оценив усилия бывшего спецназовца, бросился на помощь, забыв про свой свороченный нос. И Адриян полз и, помогая товарищам, принялся долбить здоровой ногой по стене в такт их движениям.

Тем временем вертолеты приблизились вплотную.

Хоть и ожидалось, но все равно очень неожиданно внизу прогремел первый разрыв. Несмотря на то, что он пришелся метров на сто ниже сарая, Пашка непроизвольно наклонил голову. Идущая впереди вертушка выпустила заряды с обеих ПТУРСов и сделала резкий поворот, уходя с линии атаки и уступая место второй машине. Внизу пошли рваться посланные ракеты. Земля под ногами содрогнулась, солдат ощутимо качнуло. Одновременно с этим снизу

донеслись яростные вопли боевиков, заглушаемые взрывами и трескотней автоматов. Второй вертолет выпустил свои ракеты с обоих боков и ушел по той же схеме, что и первый. Верещащий стрекот винтов начал приглушаться. В воздухе запахло дымом и сверху местность начало наклевывать поднятой землей, сажей и пылью.

На руку, заметил про себя Пашка, нам это только на руку. Пока, несмотря на кажущуюся хлипкость, стена поддавалась с трудом. Если бы можно было ногами, я бы ее уже пробил, точно пробил бы. Но, на ногах кандалы с тяжелой цепью, и все что можно сейчас – ломиться в это ветхое сооружение костлявыми плечами вот так, из раза в раз пытаюсь повалить эту треклятую стену, посмотреть, куда же ведут цепи от кандалов, а там... там видно будет.

Стихший на время гул снова пошел по нарастающей – вертушки возвращались. На этот раз уже издалека начали обстреливать лагерь и близлежащие окрестности с бортовых пулеметов. Мелкие разрывы пошли снизу вверх по холму, плотно стуча по земле. Одна из очередей прошла по порогу сарайчика, где находились пленные. На несколько секунд Пашке с Виталей пришлось броситься на землю, спасаясь от осколков и пережидая близкий обстрел. Только Адриан, не обращая никакого внимания на стрельбу, продолжал упорно долбить ногой стену.

Пашка отметил, что боевики, надо отдать им должное, не запаниковали. Внизу шла яростная трескотня автоматического оружия, перемежаясь с хлопками «мух» и реактивных пехотных огнеметов – «шмелей». Правда, пока все попытки достать вертушки были тщетными – летчики знали свое дело и не повторялись в маневрах. Вот грохнуло что-то посерьезнее, правда, что именно, Пашка не разобрал. Снова в окошке пронеслись две черные точки и разошлись в стороны. Отчетливо видны были огоньки выстрелов с ПТУРСов и следы в небе от пущенных в эту сторону ракет. Казалось, оба вертолета бьют прямо сюда, в лицо. На второй круг пилоты решили не рисковать и выпустили ракеты издалека. Местность-то уже пристрелена. И попадания пришлись куда как точнее.

Где-то совсем рядом грохнул один разрыв, за ним тут же второй. Пашка инстинктивно зажмурился и против своей воли начал опускаться на землю. Показалось, что небо и преисподняя на время поменялись местами – земля глухо дрогнула и все на ней подскочило, полыхнуло, почернело. И только через миг хрястнуло. Вздрыгнула всей грудью и охнула жалобно, но оглушительно громко, невыносимо для людского уха.

Из этого грохота вырвался слабый вопль отчаяния, кажется, Виталин:

– По нам же бьют, суки, по нам!!! – и все потонуло в новом взрыве. Пашка бросился вниз, но лечь полностью ему не удалось.

Сарай вместе с находившимися в нем людьми подняло в воздух. Покачало, словно игрушечный кораблик в гигантских волнах. И там же, в воздухе, он и разлетелся, как будто состроен был из колоды игровых карт. Пашка почувствовал, как в спину бьет чем-то горячим и, ощущая приближение земли, выставил руки перед собой. Где-то перед самой землей его нашла еще одна ударная волна. Непроизвольно ахнул от ужаса, заглывая языки огня. Горящий воздух заставил его перевернуться несколько раз и швырнул на истерзанную поверхность.

– А-а-а!.. – услышал он свой собственный голос. Тело корежило, как березовую кору в огне костра. Обожженные голосовые связки хрипели надрывно, вылезая наружу, а вместо мозга в голову всунули раскаленный булыжник невиданных размеров. Глаза выкатились от напряжения. Отхаркнув против своей воли из глотки сгусток крови с едкой, черной сажой, попытался встать. К его изумлению, после случившегося это ему удалось. Вывернутые волной конечности двигались, и хотя пока он плохо чувствовал свое тело, оно поддавалось, пусть и неловко, его командам.

Очень сильно жгло лодыжки. Сел, опираясь на дрожащие руки, бросил взгляд на себя, вокруг. Цепи на ногах были разорваны неведомой силой, и тяжелые звенья еще были раскалены до того, что нестерпимо жгли обнажившееся мясо. На руках цепи сохранились, но Пашка уви-

дел теперь их окончание – каменный столбик, подрывный взрывом и ненужно лежащий на вспаханной взрывами земле.

Сарая больше не было, а на много метров вокруг валялись куски обуглившейся глины, составлявшей ранее целые стены, обломки досок, пучки тлеющей соломы. Картина, развернувшаяся вокруг, поражала масштабностью происходивших на ней событий. Как он и предполагал, весь лагерь находился внизу, метрах в ста от того места, где их держали. Сейчас Пашка сидел чуть ли не на самой вершине пологого склона, покрытого редкой плешивой зеленкой. И, оказывается, чуть сбоку, на некотором отдалении, находилась какая-то совсем крохотная деревенька, явно жилой аул. По узеньким вытоптаным дорожкам неслись вспугнутые бараны, а на краю селения, делая вид, что нисколько не бояться взрывов, из-под руки наблюдали за разворачивающимися событиями местные мальчишки. Кто-то из них имитировал стрельбу из палок по проносющимся по закопченному небу вертолетам.

Сверху Пашке было хорошо видно, как несколько чеченок в платках махали и кричали что-то своим детям, не решаясь приблизиться. Мальчишки только отмахивались руками, не отрываясь от зрелища и энергично жестикулируя.

А зрелище на самом деле было из ряда вон, тем более для таких глухих мест. Вертолеты поработали на славу – внизу все было разрыто воронками, а вся поверхность лагеря была усеяна маскировочными сетками, мешками, вещами, оружием, одеждой. Блиндажей и землянок, как сразу определил Пашка наметанным глазом, у боевиков не было. Пара коротких окопов и столько же укрытий, к тому явно не усиленных и не замаскированных с воздуха. Видимо, это был какой-то перевалочный пункт или предназначался для кратковременного отдыха и пополнения провизии и припасов. Поэтому-то неожиданная атака застала бандитов врасплох.

Тела валялись по всему лагерю и за его пределами. На одном открытом участке было видно сразу несколько истерзанных трупов. Оторванные конечности валялись вперемешку с оружием, а вывороченные внутренности виднелись как на кустах близлежащей зеленки, так и вдалеке, раскиданные страшной силой.

Уцелевшие боевики рассредоточились как можно дальше от опасного центра и друг от друга. Тут и там из зарослей трещали очереди, пытаясь достать в небе объект. Но до сих пор ни одна из попыток не увенчалась успехом.

Вертолеты издали провели третий заход, уже не выпуская ракет – может, кончился боезапас, может, опасались с такого расстояния попасть по близкой деревне – лишь поливая всю зеленку из крупнокалиберных пулеметов. Сделали поворот и явно собрались уходить.

Кто-то из боевиков завыл от яростного бессилия. И к центру разбитого лагеря из кустов бросилась бородастая фигура. Султан, выпуская длинную очередь в сторону уходящих вертушек, огромными прыжками и быстротой, которую в нем Пашка и не мог предположить, бросился к раскиданным по земле зеленым армейским ящикам. На удивление они не детонировали от обстрела, но содержимое было выкурочено наружу и разбросано по разным сторонам. Султан пнул один треснутый по всей поверхности ящик ботинком, отчего крышка окончательно отлетела, и выхватил оттуда гранатомет. «Игла», что ли, напряг глаза, в которых бесновались красно-синие круги, Пашка. Или «Стрела»?..

Когда главарь начал срывать предохранитель и раздвигать сам «выстрел», он разглядел американский «Стингер». Сильно кайфуют черти, подивился Пашка и замер, когда Султан вскинул «Стингер» на плечо. Вертолеты еще не ушли достаточно далеко, лишь начали уменьшаться в размерах, и все шансы попасть у командира сохранялись. А в том, что начальник зеленки стреляет отменно из всего, что может стрелять, Пашка и не сомневался. Это и так видно.

Из зеленки выбежал Жук-телохранитель, видно, раненый. Чалмы не было, а на смуглой, абсолютно бритой голове темной кляксой темнела кровь. Жука покачивало, но он упрямо шел вперед на смешно подгибающихся ногах, не желая оставлять хозяина одного. Наступил на чью-

то оторванную руку и, оступившись, упал. Начал тяжело подниматься, и в этот момент боро-
датый командир нажал спуск.

Раздался оглушающий хлопок и ракета вылетела с ревом, выбросив позади себя из сопла
струю огня. Высоко над землей, набирая скорость, слегка изменила траекторию и бросилась,
словно гончая, взявшая след, за удаляющимся вертолетом. За тем, что двигался сзади, при-
крывая хвост головному.

– Аллах Акбар! – заорал ей вслед Султан, потрясая над головой пустым «выстрелом»
от «Стингера».

– Акбар!.. – донеслось разрозненным криком с разных концов зеленки.

Заокеанская умная ракета, выпущенная чеченским боевиком, стремительно догоняла
русский вертолет. Еще немного...

Уже восторженный вопль был готов вырваться из десятков глоток, но вертолет, словно
почуввав летящую позади смерть, отгородился отброшенными в небо огоньками защитных теп-
ловых ракет. «Стингер», стремящийся точно в хвост вертушке, в последнюю секунду неуве-
ренно вильнул и разорвался в воздухе, столкнувшись с обманувшей его тепловой ракетой, так
вовремя выпущенной русскими летчиками. Вертолет заметно качнуло в сторону, он «заходил»,
но удержался. Сбоку под крылом что-то задымилось, однако он, не снижая скорости и высоты,
уверенно скрылся за тем же перевалом, откуда пришел несколько минут назад.

Вместо заготовленного восторженного крика у боевиков вырвался неудовлетворенный
яростный вопль.

– Фу-у... – облегченно выдохнул Пашка. И тут же мозг пронзила такая простая и жиз-
ненно важная мысль – что это он сидит здесь, когда надо бежать, нестишь сломя голову отсюда,
по этим горам, по этой зеленке?! Все равно куда, лишь бы отсюда, пока его не хватились, пока
о нем не вспомнили, пока он, Пашка, никому не нужен. Прочь, прочь...

Лихорадочно оглядевшись, не обнаружил вокруг ни сарайчика, ничего. Не было Витали.
А Адриян...

Совсем рядом лежало месиво, чем-то отдаленно напоминавшее чернобрового Адрияна.
Ног у месива не было, из развороченного тазобедренного сустава торчали две передрубленные
с мясом кости, а тело...

Пашка отвернулся. Никаких чувств не было, лишь облегчение при мысли, что Адрияна
с его сломанной ногой уже не придется тащить на себе.

Лихорадочно пополз в сторону. Цепи на самом деле были тяжелые, очень тяжелые, но их
вес сейчас мало ощущался. Работая локтями и коленками, Пашка взрывал до него изры-
тую горящую землю, поддевая цепи к себе, словно те были сделаны из легкого пластика,
а не из металла.

В воздухе начала оседать густая сажа вперемешку с пылью и не опавшими окончательно
сорванными листьями зеленки. В нос шибало порохом, вскопанной землей и жженым мясом.

Пашка полз, полз вглубь, дальше от этого места, от этого давно переставшим казаться
тошнотворным запаха, вглубь кустов. Углубившись чуть дальше, остановился, подтянул цепи
ручных кандалов, хрястнул каменным столбиком о булыжник, отчего столбик рассыпался
на части. Цепи накрутил на руки, встал и как можно быстрее пошел, уже в полный рост –
благо что зеленка это позволяла. Хотел побежать, но кандалы на ногах с остатками порванных
цепей не давали разогнаться. В руки их нельзя взять – слишком короткие, и он шел, волоча
их за собой. Края кандалов больно впивались в обожженные раны, елозили по кровоточащему
живому телу, но Пашка откинул все мысли о боли, о неудобстве, и продвигался вперед, при-
волакивая ноги.

И с каждым шагом идти становилось все тяжелее. То и дело звенья волочащейся позади
цепи задевали о корни и ветки, стелящиеся по земле. И тогда ржавое железо сладострастно
впивалось в живое мясо. В глазах мутилось, Пашка шипел сквозь стиснутые зубы от дикой

боли. Стараясь не обращать на нее внимания, упрямо шел, наметив себе идти не вниз, туда, где шумела река, и не вверх, к ближнему хребту этого высоченного склона, а вдоль, дальше по густой, выше головы, зеленке. Бандиты, как он думал, посчитают, что он побежал или вниз к реке, что легче всего, или же вверх, попытавшись перевалить через гору и там где-нибудь скрыться. Надеялся, что им не придет в голову, что измученный, глупый солдат использует самый тяжелый и непродуктивный способ – переться сквозь практически непроходимую колючую заросль в цепях.

Не учел только одного. В один из моментов, когда цепь на правой ноге в очередной раз зацепилась за корень, подмытый дождями и предательски обнаживший себя из мягкой земли, Пашка обнаружил, возвратившись на шаг, что каждый раз оставляет за собой жирный кровавый след. Мучительно застонал при мысли, что сам выстилает за собой путь преследователям. По такому следу и собак пускать не надо – и так все видно, не ошибешься.

Может, надо было все-таки вниз, к реке, и там уйти по воде? Успел бы?..

И как в ответ на Пашкины мысли, сзади послышались крики, пока еще достаточно отдаленные. Все Пашкино существо напряглось.

– Ну-у-у... – зарычал он сам на себя и, волоча цепи стертыми в кровь ногами, тяжело побежал, оставляя за собой сплошную красную полосу.

Крики переговаривающихся преследователей приближались, несмотря на все Пашкины усилия оторваться. А казалось, он уже так далеко ушел...

Он бежал, прижав к груди моток огромной цепи, переставляя изодранные, окровавленные ноги. Бежал – и плакал. Плакал не сколько от дикой боли в ногах, помрачающей сознание, плакал при мысли о потере обретенной на миг свободы.

Сзади послышались торжествующие голоса. Наверняка этим уродам удалось напасть на его политый собственной кровью след. Напрягая все силы, бросился вниз, стараясь увеличить скорость и, может, сбить с толку преследователей. Цепи били по ногам, залетали вперед, закручивались вокруг лодыжек. Упал, подвернув ногу, перекувырнулся через плечо, сильно ударившись боком о толстый ствол куста. Сломанные ребра вспыхнули огнем, в глазах заплясали разноцветные огни.

Встал, задышав и отталкиваясь от земли одной ослабевшей рукой, второй удерживая цепи на груди, и побежал дальше, вниз, не стараясь уже уворачиваться от враждебных, усеянных острыми крепкими шипами веток зеленки, раздирающих плечи, руки, лицо.

Где-то сверху, практически рядом, раздался запыхавшийся молодой голос. Ему ответил другой, оба засмеялись. Пашка услышал шорох раздвигаемой поросли и хруст сухих веток под чужими ногами. Кто-то пробежал мимо вниз, краем глаза заметил мелькнувшую тень в соседних зарослях. Обходят... Рванулся в другую сторону. За спиной послышалось тяжелое дыхание. Преследователи обложили солдата...

Внизу стоял, вскинув автомат и целясь в него, в Пашку, молодой чеченец, насмешливо улыбаясь при этом. А позади в спину зашипел чей-то грубый голос. Что он сказал, Пашка не понял, не собирался понимать. Мелькнула только одна отчаянная мысль, только одна – прорваться. Не разбирая дороги, взревел и кинулся на молодого, желая только одного – вырваться из тисков или наконец сдохнуть здесь же, быстрой и легкой смертью. Как и хотел...

Но сзади кто-то тяжелый прыгнул ему на спину, валя на землю. Моток цепи, что Пашка до сих пор держал на руках, как ненавистный подарок, вырвался, размотался, и он упал прямо на него. Рванулся вверх, пытаясь вырваться из чужих объятий. Держали крепко. От безысходности Пашка зарычал, как дикий зверь, попавший в капкан, живя еще одну секунду ожиданием долгожданного выстрела.

Но выстрела, обрывающего все земные мучения, не было. Вместо этого Пашка увидел бегущего к нему молодого бандита и еще чей-то ботинок у себя перед носом. Ботинок размахнулся и с силой ударил Пашку в лицо, потом еще и еще... И град ударов посыпался на сол-

дата. Теперь его никто не держал, но встать под этим месивом не было уже никакой возможности. Все же Пашка попытался рвануться из этого молотобойного кольца, удалось привстать – и тут же серия ударов стала еще ожесточенней сыпаться на него. Били во все открытые места, в основном целя в голову. В мозгу вспыхивал калейдоскоп искр, дикая боль пронзала весь мозг, заставляя сознание то потухать, то вновь включаться. Наконец один из сильнейших ударов чьим-то ботинком милосердно попал куда-то в висок – и Пашка ушел в блаженную темноту, уже не ощущая размякшим телом продолжавшиеся сыпаться на него удары.

ПИСЬМО №1

Здравствуй, любимый!

Вот ты и уехал... И вроде никогда не знала тебя, а в сердце такая тоска, что никто и не представит. Такая тяжесть в душе, никому не пожелаешь. Извини, что пачкаю лист, я знаю, что тебе там не до писем сейчас, но уж очень хотелось написать. Просто я люблю тебя. Я просто хотела сказать, что я не знаю теперь, как мне жить без тебя, как я прожила сегодняшний день и вчерашний, и как я проживу эту ночь, и как доживу до завтра... не знаю. Пишу, а из глаз слезы ручьем. Господи, что за чушь я несу! Все хорошо, все прекрасно, все замечательно. Тебе там несладко, я знаю, но, наверное, легче, когда знаешь, что тебя кто-то там любит и ждет, ведь правда?.. И как больно, когда закрадывается мысль о том, что можно потерять любимого, навсегда потерять. Сейчас подумала – а если мы никогда больше не увидимся? Какое страшное слово – никогда. Что я пишу? И не могу этого не писать. Ты же простишь свою маленькую глупую девочку. Ты же знаешь, что мне без тебя плохо. Очень плохо... О тебе нет никакой информации, как только ты уехал, и я не знаю, что и думать. Я упрекаю тебя в молчании, а если ты не при чем?.. Это ужасно. Ладно, не буду о грустном. Это табу для меня, это я сама сейчас придумала, здорово, правда?..

Все время думаю о тебе. О нас... Таких отношений, как у нас, ни у кого не было и не будет, это точно. Все вокруг такие собственники и ревнивцы, это так видно, так глупо. А ты всегда был другой, выше их всех. А мне так хотелось, чтобы, уезжая, ты оставил свое сердце со мной. А лучше бы сам остался, весь. Мой с потрохами... Очень смешно, правда? Я знаю, ты не обидишься.

Но ты уехал, и мне просто хочется верить в чудо. Что настанет однажды время, в котором не будет проблем. Улыбка озарит мое лицо, и пусть хоть на каплю добра станет больше в этом темном мире. Любовь не уйдет, не улетит, не испарится. Я буду ощущать ее сладкое дыхание. Ты будешь этим дыханием, здесь... рядом... со мной... В твоих объятиях, уставшая от ласк и страсти, я усну, уткнувшись носом в твоё теплое плечо. Обнимая мои хрупкие плечи, ты подумаешь, о том, что тебе никто не нужен в целом мире, кроме этой маленькой беззащитной женщины. И забудешься счастливым сном. И даже во сне мы будем улыбаться друг другу. И утром, едва пробудившись, я буду теревить твой ежик на голове, целовать в ухо, наслаждаясь тем, как ты морщишься от щекотки и прячешься в подушку, кутаться в твои руки. И так вместе все утро... всю жизнь... вечность... двое хороших ребятшек подарит нам эта любовь. Мальчик – похожий на тебя, и девочка – похожая на меня. Будут радовать нас и окружающих. И счастье будет везде. На кухне, где я буду готовить обед... На улице, где мы будем гулять. В мире – где мы будем жить... Ты только приди ко мне. Приди живой...

Пока, мой ласковый.

Твоя...

Яркий свет бил в закрытые глаза, не ослепляя. Пашка довольно зажмурился и блаженно потянулся.

– Хорошо-то как! – не смог сдержать радостного восклицания.

– По-моему, ты чего-то не понимаешь.

Произнесенные сухим тоном слова заставили его обернуться.

– А?.. Чего? – перестав потягиваться, глупо спросил он.

Иванка стояла у дерева, слегка оперевшись спиной о большую ветку, на которой, помнится, в прошлый раз сидела. Спокойное лицо смотрело на Пашку несколько осуждающе.

– Чего такого-то?

– Сам посмотри, – поджала губы Иванка.

Перед Пашкиным мысленным взором начали проноситься камни, ветки, какая-то чахлая трава, увеличенная в несколько раз. Сначала он и не понял, что это за процесс и как он происходит. Потом начало просыпаться понимание, и еще чуть позже он сам смог настроить картинку. И догадался наконец, что все это ни что иное, как его, Пашку, совершенно окровавленного, тащат за цепи, так и прикованные кандалами к ногам. Посмотрел на себя со стороны – измученное бесчувственное тело, одетое в порванный, грязный камуфляж, прожженный во многих местах, насквозь пропитанный потом, кровью, и собранной по дороге росой с не успевшей окончательно высохнуть в густой зеленке с утра травы. Тело безжалостно тянут, словно бревно, отчего голова безвольно мотается из стороны в сторону, стукаясь о землю и камни, встречающиеся на пути. Руки закинута за голову и волочатся вслед за телом, как будто какие-то придатки с выращенными на запястьях цепями. Чтобы цепи не затрудняли движение, их нес тот самый молодой боевик, что целился в Пашку. Сейчас он держал автомат в одной руке, время от времени неловко помогая ей поддерживать тяжелый моток.

Вглядевшись, Пашка обнаружил, что у того, у Пашки, чье тело волокли сейчас тяжело дышащие бородатые мужики, стекала с губ розовая пена, из уха текла кровь, а безжизненные глаза были глубоко закачаны под лоб. Он понял, что состояние этого тела является практически обреченным. Обилие крови, грязи, и ярко выраженной агрессии в картинке так не вязалось с разлитой вокруг благодатью, светом и тишиной, что он тяжело вздохнул. Картинка исчезла.

– Ну что ж, – после долгого молчания произнес он. Иванка все это время его не перебивала, – значит, я теперь могу остаться здесь, с тобой, навсегда.

– Хорошие у тебя заявочки, – покачала Иванка головой, – а ты уверен?

Пашка растерялся:

– Подожди, но как же?.. А куда мне? – застыл он в недоумении.

Иванка заложила руки за спину, отчего ситцевое простенькое платье натянулось, плотно облекая стройную фигуру.

– Ты все правильно понял. В таком состоянии ты действительно не жилец. На том свете, конечно, – многозначительно подняла брови, – и, если честно признаться, я тебя именно из-за этого и вызвала.

– Интересно-интересно, – безо всякого интереса в голосе протянул Пашка. Иванка явно собиралась вернуть его обратно, что никак не могло его радовать, – и как же это?

– Достаточно просто. Но ты без маленькой помощи не выкарабкаешься, – заявила она, – поэтому вот на тебе... Они помогут тебе побыстрее выздороветь.

С этими словами девушка вложила ему в тело три светящихся шара, взявшихся ниоткуда, прямо из воздуха. Один шар скользнул в голову, другой куда-то в грудь, третий – в живот.

Пашка ощутил покалывающее тепло в теле, можно было даже назвать его приятным. Кожа в тех местах, куда влились шары, слегка засветилась ровным голубоватым светом.

– И что?.. – спросил он.

– И все, – в тон ему ответила Иванка. Помедлив мгновение, достала из окружающего пространства еще один, размером поменьше, – этот дашь своему товарищу.

– Ладно, – Пашка все равно не понял, о ком она говорит, следя за тем, как шарик тепло скользнул в его ладонь и осветил ее, растекшись ровным светящимся смехом по пальцам, – а как я отдам его, если он во мне?

– Сам выйдет, он не для тебя предназначен, – сказала девушка, потирая свои почти прозрачные руки, – они заряжены здоровьем, если выражаться вашим примитивным языком. Срок действия ограничен, но за это время они сделают то, что должны сделать.

– Спасибо.

– Все, можешь идти. Считай, что я оказала тебе некоторую медицинскую помощь.

– Но, Иванка, милая! – взмолился Пашка, панически не желая возвращаться обратно, в эту грязь и боль, – разреши мне еще побыть здесь, с тобой! Ну, еще немножко...

– По сути, ты пробыл здесь уже вечность, – ответила Иванка, – тут нет времени, как ты не понимаешь? И позвала я тебя по собственной инициативе. Форсировала события, так сказать. Выходит, ты здесь не запланирован на этот момент. Так что... – девушка царственным жестом махнула рукой и холодно произнесла, – кыш...

Один из лежащих на земле мучительно застонал, переворачиваясь лицом вниз. Что-то сказал жалобно по-русски и затих опять, уткнувшись лбом в землю.

– Что он там сказал? – насторожился Султан.

– Один шайтан его знает, что он там бормочет, – равнодушно произнес рыжебородый, – наверное, маму свою вспоминает, щенок.

Они стояли над двумя телами. Тот, о ком сейчас говорили, был Виталя. Его поймали уже у реки, куда он бросился сразу же после того, как взрывом снесло сарайчик и цепи свободно повисли на руках и ногах. Боевики бежали за ним долго и сильно бить уже не могли – просто устали. И сейчас Виталя то приходил в себя, то ненадолго отключался, погружаясь в беспокойный сон, перемежаемый бредом.

– Этот щенок, может, и выживет, – зашевелил бородой командир, тыча в Виталя носком ботинка, – а вот тот уже не жилец. Как ты думаешь, Усман?

С этими словами он плюнул желтой слюной в сторону второго, так и не приходящего целый день в сознание. Даже после того, как наемники притащили его и бросили здесь, Пашка продолжал истекать кровью. К этому времени под ним натекла небольшая запекшаяся лужица.

– Да, парни перестарались, – мрачно подтвердил Усман, почесывая рыжую жесткую поросль на щеке, – денег за этого мы уже не получим. Что ж, собаке – собачья смерть, – философски повторил он уже сказанные сегодня слова и развел руками, причем одна из них была перевязана – его сегодня задело осколком, – так и подохнет, скотина, не приходя в сознание. А наверное, уже помер, – Султан при этом внимательнее пригляделся к измочаленному телу, – хотя вроде ничего такой был, крепенький.

С минуту помолчали, задумчиво разглядывая лежащих на земле.

– Ой, мамка плакать будет, – зевнув, продолжил с усмешкой Усман. Левая кисть была забинтована, и он поморщился при неловком движении.

– Э-э, трусливый шакал, как и все они, – грубое невыразительное лицо полевого командира перекопилось в ненависти, – пусть плачет! Пускай все плачут. Я их всех плакать заставлю, свиней, – Султан нервно засмеялся, обнажая некрасивые зубы, – сколько мы этих русских собственноручно сожрать заставили, а, Усман?

– Да, Султан, многих, – подтвердил рыжебородый, – очень многих.

Султан продолжал разоряться, сдержанно размахивая руками:

– А сегодня! Сколько моих бойцов положили, какие воины были! И все, все ведь почти родные – нохчи. Махмуд, Али, Салман, Сухроб, Умар... Ай-вай!.. – Султан схватил себя за бороду и нещадно дергал себя при перечислении каждого из имен.

– Почему не сдохли афганцы? Их здесь становится уже не меньше, чем наших. Этим моджахедам все равно помирать в их джихаде, а у наших парней еще семьи, дети у многих... Почему арабы, весь десяток, сидят и жрут американские консервы? – слегка приглушил голос и ткнул обличительно в кучку одетых в халаты черных наемников, даже при еде не выпускающим из рук свои АКМы, – им же не нужны деньги, и даже джихад не нужен. Пока они доедут до своей Аравии, сто лет пройдет, пять поколений ишаков сдохнет. Они же сюда за удовольствиями приезжают. За своими... Им же умирать все равно где – здесь, там, еще где – для них и это удовольствие. Почему у них только ранило, и только двоих, легко, как и тебя, осколками, – мотнул бородой на забинтованную руку Усмана, – в том месяце у них одного убили, так они и не печалются, помолились раз – да и див его забери.

Главарь начал яростно топтать до него вытоптанную землю каблуком.

– Султан, дорогой, – сказал Усман, из-под прищуренных век глядя на командира, – ну не убивайся так, не надо. У нас еще очень много людей. И наших родных еще больше полусотни бойцов. А крикнем – все к нам пойдут, мы сильные. Нас все поддерживают.

– Но как они нашли нас?! – бушевал Султан, не вникая в увещания соратника, – ведь никто!.. Никто не знал этого места! Как точно они вычислили. Ни один спецназ сюда пешком не дойдет, сами три ночи идем. И вот, – он махнул рукой в сторону деревеньки, – и аул чуть не подставили под удар, и сами чуть все не отдали Аллаху души. Как можно после всего этого верить кому-то?..

Помощник хотел что-то сказать, но командир перебил его:

– Пускай не говорят мне про русские спутники, я не верю в эти космические сказки, – при этих словах Усман пожал плечами и отвернулся, – в Москве же все знают, да? И поэтому нас не трогают оттуда. Но здесь бывает всякое, как видишь. Кто-то взял инициативу на себя, не понимаю только – кто и в чем здесь дело?.. Но здесь, но так!.. – Султан закружился вокруг себя, разбрызгивая пену, – это он, этот Ваха выдал меня! Он приказал! Не может простить, что полученные в тот раз деньги я не поделил поровну. Ха, да мы же рисковали больше, мы были впереди, и мои люди сделали всю работу. Какое там поровну?! Это вообще были мои деньги...

Султан взрывался всегда мощно, и требовалось время, чтобы он отошел от гнева. Усман деликатно молчал, пережидая вспышку.

– Но ничего, у нас еще достаточно средств, чтобы воевать в нашей войне. И будет еще больше. Иншалла! Большие братья из пустыни не оставят нас никогда, а их никогда не оставят большие деньги. Зря мы, что ли, терпим этих тюрбанов у себя? Э-э, что эти рабы, выкупы, головы пленных, – Султан презрительно выпятил нижнюю губу, – это неплохой заработок для одного, двух, но есть дела и большие. Ну, убивать неверных и вести войну – это святое дело, это наша каждодневная работа. Сейчас идет интересный заказ. Только бы не отдали его Вахе, – озабоченно потер бороду полевой командир, – мы сами все сделаем. Да, Усман? – обратился он к своему помощнику.

– Конечно, Султан, мы сделаем, кто еще, как не мы, – заверил его Усман, облизывая пересохшие губы. Из вялого его состояние резко изменилось к обратному – на лбу выступила испарина, желваки мелко заходили под щетиной и взгляд стал более быстрым, беспокойным.

– Ай, Усман, – огорченно всплеснул руками командир, – ты опять колешь себе эту гадость. Ты погубишь себя, зачем тебе это надо? Ты ведь сильный, настоящий мужчина, брось это. Пускай арабы колются, им все равно подыхать, но ты-то... – он печально покачал головой, глядя на товарища из-под кустистых черных бровей.

– Я брошу, Султан, ты же знаешь, мне ничего не стоит бросить. Это так, баловство, – задетая осколком рука Усмана заметно дрожала. А по лицу Султана было видно, что он уже

не в первый раз слышит эти слова. Осуждающе покачал головой. Рыжебородый решил резко перевести разговор в другое русло:

– А с этими что теперь будем делать? – спросил у командира, стараясь, чтобы голос звучал ровно, и мотнул подбородком на неподвижные тела солдат.

Султан помолчал с минуту.

– Этого, – задумчиво ткнул носком ботинка в Виталин бок, – в деревню... Ахмета оставь с ним, пусть смотрит. Если начнет оживать – полечить, покормить, вымыть – и снова будет готов на продажу. Может, и выживет. А этого... – он с сомнением покачал головой, глядя на бесчувственное Пашкино тело, превращенное старательными боевиками в кровавый хлам, – не знаю, пустьдохнет. Если хочешь, прирежь его сам или отдай его афганцам или тем же арабам, пусть забавляются в свои ножички, – Султан усмехнулся.

– Хорошо, – Усман слушал, торопливо кивая.

Он давно хотел сказать, что обретенная как-то давно ради красивого словца фраза про то, что он не устанет резать головы несущих советскую власть не настолько хороша на сегодняшний день. Но сейчас опять было не до того. Сейчас он мечтал побыстрее очутиться в густых кустах зелени, подальше от людей, достать уже заправленный шпиревом шприц и после укола лежать там, ни о чем ни думая, долго-долго...

И тут, к его изумлению, тело, которое они считали трупом, шевельнулось и издало некий чавкающий звук. Кажется, это кровь под ним чавкнула. Или уже глюки пошли? Нет, не может этого быть...

Глюки были не у него одного. Султан от неожиданности вздрогнул и невольно отступил на шаг.

– Проклятый гяур, – перешел он на позабытый горский диалект, – шайтан тебя раздери! Как это?..

Пашка, лицо все в кровавой маске, начал подниматься. Встал на четвереньки, от боли зарывав, и посмотрел на обоих главарей, разлепляя слипшиеся от крови веки. Лицо исказила гримаса боли, отчего оно приняло совершенно дьявольский вид, и... засмеялся. Хрипло, со стоном, идущим из отбитых внутренностей, из обожженных легких, отхаркивая кроваво-черную слизь, смеялся, не отрывая злых мутных глаз от Султана, что уставился на него, не в силах отвести свой взгляд или приказать кому-нибудь заткнуть пасть этому...

Наконец его передернуло и он сказал нервно:

– Чертов солдат, – в некотором замешательстве посмотрел на Усмана, причем тот заметил, впервые, кажется, огоньки страха в черных глазах, – чертов солдат, уговорите его... Этого тоже туда, с этим, – опять пнул лежавшего без движения Виталию, – может, оклемаются.

Сидевшие неподалеку арабы привстали, удивленно горланя что-то на своем и качая головами в тюбанах. Султан резко развернулся и пошел прочь.

Усман погладил руку в бинте и улыбнулся, глядя на ожившего солдата. Ну надо же, наверное, русский бог благоволит к этому неверному. Он находит в себе силы смеяться перед лицом смерти. Сильный мальчишка. Если бы не оказался здесь, может, далеко бы пошел. А может, еще пойдет... Вспомнил, как он пытался броситься на помощь своему товарищу, когда он, Усман, резал тому глотку. Чем-то этот паренек напомнил Усману себя самого в молодости – таким же презрением к смерти, к боли, непримиримостью к врагам и способностью смеяться в лицо своим убийцам. Его самого... Пусть еще немного поживет.

Новый приступ ломки скрутил позвонки. Усман заторопился. Нельзя затягивать, потом будет еще хуже.

– Эй, что стоите?! – закричал подошедшим бойцам, – обоих в деревню, Ахмета с ними, пусть лечит, кормит, выхаживает. Живыми нужны оба. И все чтобы через полчаса готовы были – идем на запасной лагерь. Четверо вперед, на разведку – от тебя, Бохкорт, – при этом большой уса́тый боевик согласно кивнул Усману, – тяжелые вещи не брать, их потом привезут

или сами вернемся. И хватит ишака под хвост толкать! – выругался он, – Султан и так злой, молитесь.

И с этими словами быстро пошел в сторону зеленки, убаюкивая раненую руку у груди, а второй нащупывая заправленный шприц в накладном кармане разгрузочного жилета. Там сейчас находилось лучшее в мире обезболивающее, шайтан его себе вколи.

В следующий раз Пашка очнулся лишь на несколько секунд. Сквозь пелену в глазах смог увидеть немного. Вроде как он совершенно голый лежит в темном помещении, и тело его совсем чужое – все в кровоподтеках ужасающего вида, черное от побоев, местами вспухшее. И рядом толстая пожилая чеченка, поливающая теплой водой на ноги, содранные до костей кандалами.

Попытался привстать, ощущения начали возвращаться – страшная боль охватила все тело, и он застонал сквозь зубы. Чеченка взглянула на него, сердито прикрикнула, махнув пухлой чистой рукой. И от новой волны боли, захлестнувшей его, Пашка снова отключился.

Когда пришел в себя, первое, что увидел, так это Ахмета, сидящего у стены по местному обычаю на корточках. Тот без тени какой-либо мысли на бородатом лице ловко закидывал очищенные грецкие орехи себе в рот, непрерывно работая челюстями.

– Ну ты и жрать, – понаблюдав за Ахметом какое-то время, подал голос Пашка. Голос получился совсем слабым, таким, что он сам себя с трудом услышал.

– А?... – встрепенулся бородач. Посланный в рот очередной орех пролетел мимо и застрял в густых зарослях лица, – что ты говоришь?

Быстро поднявшись, он подошел к кровати, на которой лежал Пашка.

– А, очнулся, ай, молодец! – Ахмет хлопнул себя по ляжкам и крикнул в соседнюю комнату, – Марийат!

Появившаяся на пороге та самая толстая тетка всплеснула руками и сердито залопотала на чеченском.

– Говорит, тебе молчать надо, не говорить ничего, – почему-то шепотом сказал Ахмет, опасливо кивая подбоченившейся матроне.

– Пить хочу, – попросил Пашка, облизнув пересохшие губы.

Ахмет сказал несколько слов хозяйке и та, кивнув согласно, величаво удалилась, колыхая формами.

– Тетя моя, – с гордостью сообщил Ахмет, – это, как там... триюродная.

– Трююродная, – поправил его Пашка.

– Ну да, – согласился боевик, – наверное. Она здесь лучший этот... не доктор, но кто лечит всех. К ней отовсюду приезжают, везут всех, она спасает. И вас быстро вылечит, – он с сомнением бросил взгляд на Пашкино тело.

Пашка слушал и оглядывал помещение, в котором находился. Небольшая, без окон, глухая комнатка, две простые низкие кровати, на соседней лежал Виталя. Застелены чистыми ткаными покрывалами, поверх больных – только простыни. В комнатке тепло, наверное, еще топят печку. Или ради них затопили. В углу стояли два больших сундука, совсем древних, если судить по их внешнему виду. Пашка о таких раньше только читал. Один из них был открыт, доверху заполненный тряпьем и одеждой, аккуратно сложенной правильными стопками.

Тут же Пашку одели – в сундуке нашлось солдатское белье – рубашка и кальсоны зимнего образца.

Марийат вновь появилась на пороге, неся в руках маленький кувшинчик. Ахмет взял его у тети и принялся поить солдата. Питье чем-то напоминало морс, теплый, кисловатый, со вкусом каких-то снадобий.

Напившись, Пашка отвалился на подушки.

– Хорошо, – довольно произнес, – спасибо.

Чеченка сердито что-то пробурчала и вышла.

В ожидании перевода Пашка посмотрел на Ахмета. Тот сморщил лоб и слегка покраснел:

– Э-э, пожалуйста, говорит, – выдавил из себя.

Пашка усмехнулся, ничего не сказав. В комнате был такой теплый сухой воздух, что его щеки порозовели. Как ни странно, но чувствовал он себя уже, в общем-то, неплохо. Внутри разливалось живительное здоровье. И это почти домашнее блаженство после всех передрыг показалось Пашке по-настоящему неземным. Ничего уже не хотелось, только лежать вот так и слушать, как в теле работают три солнечных шара...

Ах, да! Три шара – в голове, груди и в животе – вот от чего так хорошо. И, кажется, если бы не они, то вряд ли удалось выжить в этот раз. Правую ладонь вдруг тихонько засвербило и она сделалась заметно горячее. Посмотрев, заметил, что она слегка осветилась изнутри.

Бросил взгляд на охранника. Тот стоял, раздумывая о чем-то своем, при этом уперевшись взглядом в стену. Пашка по какому-то внутреннему наитию протянул руку к лежащему на соседней кровати Витале. И не успел дотронуться, как светящийся клубочек резво вошел тому в область груди, и ощущение горячей ладони тут же пропало. Виталя во сне облегченно, почти счастливо вздохнул.

Ахмет повернулся к нему, заметив движение:

– Не трогай, пусть спит. И ты тоже спи. Завтра, или послезавтра уже братья придут, будем идти, – Ахмет махнул рукой в сторону стены, – далеко, в горы. Надо спать, сил набирать. Марийат вас вылечила, потом, может, кушать захотите.

– А бежать и не думай, – добавил, помедлив, – бесполезно, я охраняю. Побежишь – буду стрелять тебя, а я не хочу, – сказал и нахмурился.

Пашка решил пропустить последние слова мимо ушей.

– Сколько мы здесь валяемся? – спросил он.

Ахмет начал загибать пальцы:

– Ночь, день, ночь, и вот еще день сегодня.

– Ясно, – сказал Пашка, – нормально...

Глаза сами собой начали закрываться, и как он не напрягался, чтобы заставить мозг работать, опять заснул.

Через несколько часов, по его ощущениям, проснулся. В комнате никого не было, кроме Виталя. Кашлянул – тихо. Виталя во сне стал заметно лучше выглядеть – синяки пожелтели, он ровно дышал, щеки обрели хороший розоватый оттенок. Да и сам Пашка чувствовал себя намного лучше. Поразительно, но лечение тетушки Марийат очень быстро поставило его ноги. Или шары...

Какие, к черту, шары, одернул сам себя. Навыдумывал себе, параноик.

Надо валить отсюда. Осмотреться сначала...

Осторожно встал. Тело болело в некоторых местах, но вполне терпимо. Бесшумно открыл деревянную дверь...

И прямо на него глядел Ахмет, сидя на стуле за простым, накрытым белой скатертью, столом, и с автоматом на коленях. От неожиданности Пашка чуть не матюгнулся.

– В туалет хочу, – наконец сказал он Ахмету. Благо, что это тоже было весьма немаловажной правдой.

Тот молча встал, указал бородой, в какую сторону идти, сам пошел сзади, на ходу легко коснувшись Пашкиной спины стволом автомата.

И пока Пашка справлял в уличном сортире свои дела, все время ощущал внимательное присутствие Ахмета и его АКСа. Таким же образом вернулись в дом.

Пашка отчаялся. Напасть на здорового, вооруженного Ахмета было безумием. И во всем теле царила слабость, огромная невероятная слабость. Побег срывался. В голове все закружилось и Пашка снова лег на кровать. Виталия все так же дрых.

Неожиданно для себя снова уснул. Когда проснулся в очередной раз, его накормили, отчего он почувствовал себя на седьмом небе. Ахмет сказал, что Виталия тоже просыпался, и тоже чувствует себя нормально. Потом снова заснул, прислушиваясь к своему блаженству сытости и отдыха.

Разбудили его на этот раз шум и голоса в доме. Комната за дверями наполнилась народом и, судя по голосам, их там набилось немало.

Пашка вскочил на кровати, лихорадочно соображая, что же делать. Сердце, вырванное из спячки, бешено колотилось. Виталия беспокойно заворочался, просыпаясь. Решив, что деваться все равно некуда, Пашка решил успокоиться и просто сел, стараясь дышать равномерно. Раз их до сих пор не шлепнули и, более того, отхаживают и кормят, значит, шансы на освобождение пока имеются. Рано или поздно такой случай представится, и вот тогда-то Пашка не упустит его. Ни за что не упустит.

Вот только голова не болела бы так. И слабость поскорее бы уж прошла.

Дверь распахнулась от сильного толчка. На пороге стоял рыжебородый. Увидев отмытого и заметно отошедшего от побоев Пашку, только удивленно покачал головой.

– Ну надо же! – сказал он, – как огурчик. Невероятно!

Внешне Пашка был абсолютно спокоен, хотя при виде Усмана с дружелюбной улыбкой на лице в сочетании с наркоманскими потухшими зрачками его передернуло.

– Ты приготовил для них одежду? – обратился помощник командира к Ахмету на чеченском.

– Да, Усман. Но только обычной одежды для них не нашлось, вся домашняя одежда светлая, и в ночи их будет видно. Тем более, – Ахмет помялся, – я не хотел, чтобы они ходили в одежде моих родных.

– Ну, хорошо, – с легким раздражением выслушал речь охранника Усман, – так что у них за одежда?

– Камуфляжи, из нашего запасника. Я выбирал похуже, – словно оправдываясь, сказал Ахмет.

– Там вся форма новая, – заметил рыжебородый.

Ахмет только опустил голову, засопев.

– Ты правильно сделал, – толкнул его в грудь кулаком Усман, – маскировка должна соблюдаться при любых условиях. Белые пятна мне в отряде не нужны. Подбери им ботинки, шерстяные носки и... наручники с цепочкой. Ты слишком хорошо о них позаботился, – то ли осуждая, то ли хваля, заметил Усман, – они похожи на хороших домашних овечек. Боюсь, что Султану это не понравится. Но он поймет, – подбодрил он вконец расстроенного Ахмета, – ведь так нужно было. В конце концов – это был его приказ.

Ахмет кивнул, исподлобья глядя на рыжебородого.

– Как тебе это удалось? – без особого интереса спросил Усман.

– Тетушка Марийат все делала, я сам брезговал, так, помогал только, – с готовностью отозвался чеченец, – другое дело – женщина.

– Хорошо, – оборвал его Усман, – готовь их к выходу, накорми. Они идти смогут?..

– Смогут, – заверил Ахмет.

– В полночь выходим, – с этими словами Усман вышел из комнаты, на ходу приветливо здороваясь с хозяйкой, тетусшкой Марийат.

Через несколько минут перед Пашкой и окончательно очнувшимся Виталей, растерянно моргающим по сторонам, лежали стопкой два пахнущих новым камуфляжа германского образца и две пары берц. Вот и сбылась мечта идиота, подумал Пашка, поменял обувь.

Виталя, тоже чувствуя себя неуверенно в одном нижнем белье, поспешил одеться, по солдатской привычке начиная со штанов и обуви.

Хозяйка принесла два еще горячих лаваша, немного мяса и чистой воды в кувшинчике и парни, забыв на пару минут о тревоге, шагнувшей в комнату вместе с Усманом, смели все с аппетитом. За все это время они не перекинулись ни словом, и только после того, как Марийат унесла большую плоскую тарелку без оставленных на ней крошек, Виталя спросил мрачно уставившегося в одну точку товарища:

– Что мы здесь делаем?

– Глупее вопроса не мог придумать? – отозвался Пашка, – не знаю. Наверное, привели в божеский вид перед продажей. Ты же не забыл, что без пяти минут раб? – насмешливо скосил глаза на Виталю.

– Вот козлы, – тот только страдальчески поморщился, – слушай, я толком не помню ничего. Били, помню... А потом все как-то урывками.

Поднял глаза на Пашку и тихо засмеялся.

– Ты чего? – не понял Пашка.

– Ну и отоварили тебя, – выдавил из себя Виталя, продолжая смеяться тихим истерическим смехом, – у тебя же вся рожа раскурочена, мама родная не узнает. Я проснулся, гляжу – урод какой-то рядом лежит, перепугался.

Пашка усмехнулся:

– Ты на себя-то в зеркало глядел? Думаешь, выглядишь лучше?

– Нет... Нет тут зеркала, – сдавленно заливался Виталя.

Не удержавшись, Пашка тоже засмеялся. Отсмеявшись, почувствовал, как напряжение понемногу отпускает зажатое тело, замолчал вновь. Нездоровое это веселье.

В соседней большой комнате, до того лишь скромно позвякивающей посудой и переговаривающейся негромкими голосами, задвигалось. Застучали отодвигаемые стулья, знакомо забряцало оружие. Слышно было, как боевики поочередно благодарят гостеприимную хозяйку и как она отвечает, называя каждого по имени.

И снова распахнулась дверь. Ахмет, уже одетый по походному, показал взглядом – выходите. Стоящий рядом Усман опять покачал головой.

– Ай, как новые. И смеются здесь сидят, молодцы, – произнес он с улыбкой, и Пашка так и не понял, говорит он то, что думает, или же просто издевается. Склонившись больше ко второму, встал с удобного чистого топчана, который сейчас так не хотелось покидать. Слабость навалилась еще больше. Заныли незажившие раны, болью отозвалось все тело. И все-таки Пашка чувствовал себя отдохнувшим. Поразительно, но он никогда еще не восстанавливался так быстро.

Во двор вышли под надзором Ахмета и приставленных к ним двух страшноватого вида боевиков лет тридцати, что подпихивали пленных стволами в спины. На улице царила непроглядная темень, столь привычная для горных районов. На руках щелкнули браслеты, рядом раздался такой же щелчок. Повисла пристегнутая к браслетам цепочка. Приковали друг к другу, догадался Пашка, хрен куда убежишь с этим балластом. Вот жизнь... У своих ходил в наручниках, у чертей хожу в наручниках. А по концовке грохнут. И улыбнулся. В темноте выражения лица все равно не разглядеть. Вдохнул полной грудью, наслаждаясь чистым, ароматным ночным воздухом.

Где-то неподалеку раздался каркающий голос Султана. Ему ответил рыжебородый, отзавшись практически сразу. Пашка почему-то решил, что говорят о них.

– Старый ишак, – ругал кого-то командир, – я ему говорю – у них ни царापинки, сильные, как годовалый мул, любую работу делать могут. А он все свое, нет, говорит, мне уже сказали, что вы их почти убили. Зачем, говорит этот шакал, мне эти трупы, они и ложки поднять не смогут после вас. Спихнуть мне их хочешь, чтобы у меня умирали, еще и денег возьмешь?

Даже взглянуть не захотел, – мотал он в негодовании бородой, – я его чуть там не прибил. Надо было зарезать осла.

– Нельзя, Султан, – наставительным тоном произнес Усман, – ты ведь знаешь, он – уважаемый человек.

– Кишки ему выпустить надо было, – Султан остывал медленно, – теперь возись с этими... Я им ад устрою, сразу не убью, нет. Будут мучиться. Усман, что молчишь, брат? – спросил, положив руку рыжебородому на плечо. Темнота, немного помолчав, ответила ровным голосом:

– Там видно будет. Идти пора, Султан, дорогой. Все уже готовы.

– Да, пойдем, пожалуй, – Султан закинул автомат на плечо и принялся натягивать на руки перчатки с обрезанными пальцами, – пойдем на гору, на нашу Аккадию*. Отсидимся там, оправимся от этих ударов. В последнее время нам досталось. Обложили, шакалы, наступают... Посидим в родных горах, отдохнем, потренируемся, молодежь поучим, – словно кого-то успокаивая, говорил Султан, – все, с Аллахом, двинулись, – каркнул он погромче.

– Аллах велик, – раздались голоса наемников, и несколько десятков человек, негромко бряцая оружием, двинулись прочь со двора.

В спину Пашке с Виталей уткнулись автоматы, грубо толкая в сторону уходящих. С трудом нащупывая дорогу под ногами, то и дело оступаясь и натываясь на камни, пошли вперед. Почти сразу едва различимые контуры домов перестали расплываться в темноте. Вышли из аула. И, по всей видимости, направились вниз к реке. Земля под ногами стала мягче. Осторожно переставляя ноги, порой приходилось чуть ли не садиться, когда склон становился особенно крутым.

Наручники и дергающий цепь Виталя, то и дело оступающийся, очень мешали ходьбе. Сталь впивалась в только начавшие заживать запястья и Пашка, стиснув зубы, тихонько матерился про себя.

Внизу послышался звук бегущей воды и вокруг слегка посветлело. Боевики шли уверенно, было видно, что эта дорога им хорошо знакома. Под ногами появилось много камней, встречались булыжники таких размеров, что Пашка поневоле радовался новым берцам. Если бы их пустили по этой дороге в менее прочной обуви, то с ногами можно было попрощаться – уже в начале пути они были бы разбиты. Они и так еще только покрылись заживляющей корочкой, и сильно болели даже под повязкой, что умело наложила им перед дорогой тетюшка Марийат. Кости ныли, и щипало по живому, колясь шерстяными носками.

Показалась сама река. Горная мелководная речушка грозно бурлила, будто пыталась показать, что утопит любого, кто посмеет войти в ее неглубокие воды, и разобьет о камни того, кто, не попусти Аллах, решит перейти ее вброд. Здесь пошли уже быстрее. Изредка бандиты перебрасывались словами, в основном шли молча. Дорога стала намного лучше, Пашка уже начал различать колею, проложенную проезжающими здесь раз в полгода машинами, и пошел по одной из них. Группа шла размашисто и целенаправленно, и Пашка, ослабевший от ран и побоев, порой начинал задыхаться. Витале дорога давалась еще хуже – он тяжело и прерывисто дышал, то и дело оступался, и находящемуся на другом конце цепи Пашке приходилось время от времени упираться ему в спину, подталкивая вперед.

Так легче, с поддержкой. Пашка знал это на собственной шкуре. Монотонная многочасовая ходьба уносила мысли назад, на многие сотни километров от этого места, в не такое уж далекое, в общем-то, прошлое.

*Аккадия – дикая поверхность, захолустье (пер. с чеченского)

– Эй, дрищи, что-то давно никого из вас не переводили. В гансы никто не желает? – скривил и без того страшную рожу Старшина.

– Никак нет!!! – рявкнул вытянувшийся в струнку учебный взвод, стоящий чуть ли не на цыпочках по команде «смирно», и снова застыл.

Под бронежилетом ощутимо хлюпало, по носу стекала вероломная капелька пота, щекоча кожу. Измученное «физухой» тело молило об отдыхе, ломило спину, дрожали ноги, но все это было таким глупым и ненужным в сравнении с тем, что происходило сейчас.

– Здесь их пятнадцать человек... Это много, – Старшина повернулся к стоящему рядом инструктору учебного взвода, проводящего сейчас занятия, – я что-то не очень верю, что они все здесь Терминаторы. Один сегодня точно вылетит. А остальные звезды получают за то, что не помогли товарищу удержаться. Так что готовьтесь к вечеру, ушлепки, «кач» буду проводить лично. А сейчас, – он снова повернулся к Инструктору, – задрочить личный состав, и чтобы как минимум один сдох и сам, сам попросился уйти! Мы здесь никого не держим, валите в гансы, там прозябайте.

И неожиданно, как это с ним обычно бывало, рассвирепел и с высоты своего двухметрового роста заорал на весь плац:

– Что, щенки, жизнь сладкая?! Переводиться никто не желает?! Спецназовцами себя почувствовали?! В кибу все!!!

– Хе!!! – пятнадцать человек в один момент приняли стойку на расставленных и слегка согнутых в коленях ногах.

– Не синхронно, уроды! – оскалился в ярости Старшина, – отставить! – и тут же, – в кибу!!!

– Хе!!!! – на этот раз переход в стойку и выдох получился на загляденье.

Во всяком случае, Старшину устроило. Громила пошел по строю, нанося каждому убийственный удар кулаком в грудь.

И несмотря на одетые тяжелые бронежилеты, маленькие хитрости вроде подавания грудных пластин плечами вперед, чтобы смягчить удар, никто не удерживался в стойке и, как минимум, отступал на шаг, и, как максимум, оседал, сваленный мощным ударом на асфальт.

– Встать! – орал Старшина. Дождавшись, когда боец примет прежнее положение, а долго Старшина никогда не ждал, с наслаждением пробивал его еще раз и переходил к следующему.

За Старшиной шли Инструктор и двое сержантов учебного взвода, также пробивая своих солдат. Некоторое время на плацу слышались только звуки гулких ударов, резких выдохов и сдавленного шипения от боли.

Быстро подошла очередь последнего, Пашки. Среди высокорослых и здоровенных парней своего призыва Пашка казался чуть ли не малышом и стоял по ранжиру в самом конце строя.

– Пашков, дохлятина! – злобно осклабился Старшина. Пашка внутри похолодел, – ты-то у меня точно вылетишь. Набрали в группу детский сад, поубиваю, гондоны! – и сильнейший боковой взрезался в Пашкину грудь.

На миг показалось, что листы титанового бронежилета вмялись под костяшками пудового кулака, недовольно брякнув. В грудь вдарил кувалда и в глазах потемнело. Успев на удар резко выдохнуть весь воздух из легких, как учили, Пашка отошел на два шага, чуть не упав на предательски подогнувшихся ногах. Устоял, принял прежнюю стойку.

– Рейнджера из себя корчишь? – насмешливо усмехнулся Старшина набитой кожей дубленого лица, – в кибу! Держи второй...

Все знали, почему Старшина, да и не он один, пробивает духов исключительно в бронежилетах. Без этой защиты последствия удара могли быть исключительно плачевными. В новый удар он вложил свою душу, вломив кулачище в грудную клетку солдата, на две головы ниже его самого.

Второй удар прошел тяжелее. В глазах темнота не отпускала долгих несколько секунд, грудную клетку заломило болью и, как Пашка ни старался устоять, его откинуло на несколько шагов назад и опустило на одно колено. Коснулся рукой чисто выметенного асфальта, второй ощупывая через бронежилет грудь. Мотнул упрямо головой в «сфере», разбрызгивая по сторонам крупные капли пота и, оттолкнувшись от земли, встал, вернулся к строю и принял стойку.

С высоты своего роста Старшина уже не кривил толстые губы:

– Я выбью из тебя весь твой гребанный характер, – почти спокойно произнес он. Неожиданно легко поднял в воздух огромное тело и с разворота послал ногу назад, в Пашку.

Ушира вошла классически, пяткой точно в грудь. Пашку подняло вверх, он ощутил, что неудержимо летит назад, раскинув руки. Вокруг зацепиться было не за что и, пролетев спиной метра три, Пашка хрястнулся спиной на асфальт и еще какое-то расстояние проехал на бронежилете, как черепаха в панцире, раздирая плотную огнеупорную ткань о шершавую поверхность. Старшина, нанеся сокрушительный удар, непринужденно принял прежнее положение из прыжка и довольно засмеялся, наблюдая, как неловко пытается подняться на ноги Пашков, с криком переваливаясь на бок и держась за грудь.

– Продолжаем задрочку личного состава, – бросил он сержантам, – мотать всех до тех пор, пока кто-нибудь не взмолится о переводе из группы. После обеда – чистка оружия один час, потом в спортзал – четыре часа, как обычно, до ужина. После ужина – десять минут на переваривание пищи и общий сбор – кач до отбоя. А после отбоя еще посмотрим...

– Так точно, – отпартовали сержанты, по комплекции мало чем уступающие Старшине, – мы позаботимся о них, Васек, не переживай.

И пошли рывкающие голоса:

– Взвод, стройся! В колонну по три, становись! Бего-ом... Марш!!!

И учебный взвод спецназа в ногу, стройными рядами бегом двинулся к местному лесочку, к месту проведения тактической подготовки.

Впереди слышалось негромкое карканье Султана. Банда боевиков, оживившись и немного зашумев, начала располагаться под скалой, что нависала метрах в двадцати от берега.

Место было поистине живописным. Пашка, несмотря на измотанность и боль от всех своих повреждений, подивился дикой красоте горного края. При дрожащем просветлении начинающегося дня пейзаж казался закованным в хрусталь чистейшего воздуха, что подвластен был лишь одному великому волшебнику – Времени. Необъятная высокая стена нависала над людьми, словно живая, будто стараясь оградить своих детей от опасности и злых насмешек судьбы. Вся эта подточенная поднимающейся из года в год весенней водой громада многовекового камня, изъеденные ветрами пласты горной породы, поросшие мхом и редкими зелеными кустами с колючками в палец длинной – все навевало на Пашку ощущение нереальности происходящего, никчемности своих мелких чувств и эмоций, бессмысленности какой-либо деятельности и собственной жизни. Поразительно, но эта скала стояла здесь многие, очень многие века и тысячелетия, и будет стоять еще целую вечность. Но зачем тогда делать все эти движения, бежать куда-то и за кем-то, или от кого-то? Надо будет подумать об этом потом, интересный вопрос. Но не сейчас, сейчас трудно думать, нельзя думать, вытерпеть бы...

Справа, укутанная паром, как одеялом из перины, успокоено вилась гладкой змеей река. Тут она проливалась более широко, нежели раньше, и звук стремящейся воды был не столь грозен и оглушающе звонок. Камней, о которые она разбивала свои тягучие струи, в этом уголке Вселенной не наблюдалось, и волны быстро, но плавно несли себя дальше, по пути отдыхая в этом месте и ласково прижимаясь к подмытым коричневым берегам.

Сзади кто-то выругался на чеченском и тут же Пашка получил прикладом по спине. Не очень-то и сильный удар пришелся в то место под лопаткой, куда перед побегом ударила взрывная волна, оставив черное пятно на полспины. Мышцы взвыли, проклиная обидчика и в то же время сжались от боли, униженно моля о пощаде.

Пашка же промолчал. Словил удар прикладом и Виталя. Не удержался, ступил неловко вперед и упал, увлекая за собой напарника. Браслеты больно впились в запястья и Пашка не удержался от гримасы боли, опускаясь на мягкую землю. Пленников заставили встать на колени. От них так и не отходили те два свирепого вида чеченца, время от времени прикрикивая на них и тыча стволами в шею. С дисциплиной тут у них было все в порядке.

Пашка скосил глаза на ближайший ствол. Отметил чистоту и маслянистый блеск оружия. Было видно, что, помимо хорошего ухода, автомат был еще и просто достаточно новым. Вспомнил свой, что был записан на него, когда он служил в группе. Тот АКС был уже ветеран, потрепанный, покоцанный в неисчислимых занятиях, учениях и горячих точках, отполированный местами до серебристого блеска руками многочисленных хозяев. Вспомнил чувство добротности и покоя, которое внушала ему эта вещь. Что ни говори, а оружие обладает своей жизнью, своим сознанием. Не подведет, даже наглотавшись воды и песка, уложит пулю в ту точку, куда глаз глянет. Отдали, наверное, кому-нибудь из нового призыва...

Маячивший перед глазами ствол АКСа был упакован в презерватив. Интересное решение. Пашка принялся с интересом разглядывать резиновое изделие, оказывается, он успел уже подзабыть, как оно выглядит. Он и другие пацаны заворачивали всегда дульные компенсаторы своих автоматов в простой марлевый бинт.

От кучки бандитов, расположившихся под скалой, послышались смешки. Пашка взглянул туда. Боевики разлеглись вольготно на траве, сочно растущей вдоль всего берега, и с аппетитом чавкали своим завтраком. Тут они уже никого не боялись, даже выставленные с двух сторон два боевика спокойно ели, поглядывая по сторонам и переговариваясь с неподалеку сидящими товарищами. Две мирные низкорослые лошадки, что использовались для перевозки тяжелых грузов, сейчас были расседланы и мирно паслись.

В животе громко заурчало.

Поймал на себе насмешливый взгляд Усмана. Тот ловко поддевал кончиком кинжала ломтики мяса из яркого пакета с блестящей этикеткой и отправлял их себе в рот, задирая лицо кверху и довольно улыбаясь.

Отвел глаза и принялся глядеть на воду, стараясь расслабиться и отдохнуть за оставшееся до конца привала время.

Усман подозвал Ахмета и, указывая своей рыжей щетиной на солдат, сказал:

– Ахмет, ты старший по охране, побеспокойся о поросятах, чтобы не сдохли в дороге.

Ахмет вопросительно взглянул на командира. Тот, предупреждая вопрос, сказал открыто:

– Банка мяса и фляга воды. Если есть русская тушенка, дай ее. Пускай жрут свою свиначью еду.

– Хорошо, – кивнув, Ахмет отошел к сложенным неподалеку мешкам. Выудил откуда-то ту же Андрюхину флягу с инициалами, захватил банку армейской тушенки. Пашка искоса следил за ним. Когда Ахмет направился к ним, в животе предательски заурчало, и он судорожно сглотнул разом набежавшую слюну. На ходу вскрывая банку несколькими движениями, Ахмет приблизился к стоящим на коленях парням.

– Двое ешьте, – бросил открытую банку Пашке, перефразируя русское выражение «на двоих».

Чувствуя всем телом направленные на них взгляды командиров и простых боевиков, Пашка нарочито небрежно поднял тушенку и подал ее Витале.

– Оставишь половину...

Тем временем Ахмет сходил к реке, сидя на корточках погрузил руку с флягой в прозрачную воду. Набрал полную и, не закрывая, вернулся к пленным. Пробка на жестяной цепочке болталась, весело стучаясь о полные мокрые бока. Пашка осторожно, чтобы не пролить ни капли, принял посуду из его рук и, отвернув лицо немного в сторону, поблагодарил негромко:

– Спасибо.

Охранник хмуро насупился и отошел. Пашка сделал два глотка, стараясь как можно дольше продержать живительную влагу во рту. Пить надо не спеша, а то и ведром воды не отпьяешься, еще захочется. Маленькими глоточками, иначе все уйдет в пот и тяжесть в животе. В группе этому через нещадное битье учили.

С наслаждением отправил слегка отогревшуюся во рту воду вниз по пищеводу, чувствуя, как благодарно отзываются внутренности, иссушенные жаждой.

Вновь ощутил на себе издевательский взгляд Усмана. Неожиданно для самого себя встал на коленях, и встретив немигающий взгляд рыжебородого, отвесил полупоклон, больше язвительный, нежели благодарный.

Боевики загудели, выражение покрытого рыжей щетиной лица не изменилось. Чеченец, стоящий над пленными с оружием, вскинулся озлобленно и с силой толкнул Пашку в плечо каблуком. Падая, Пашка успел извернуться и на лету одним движением закрутил пробку на фляжке.

Из толпы боевиков послышался смех и отдельные одобрительные возгласы. Правда, непонятно, к кому они относились больше – к Пашке или его ретивому охраннику. Тот схватил солдата за ворот камуфляжа и дернул кверху, заставляя снова встать в прежнее положение.

– Дай пообедать спокойно, – стараясь сохранить ровный тон, сказал ему Пашка.

Чечен что-то злобно рявкнул на ядреной смеси родного с матерным русским. Пашка, не глядя на него, взял у Витали банку, наполовину наполненную душистым, жирным мясом. Вот тоже интересный вопрос, откуда у мусульман, сплошь ваххабитов, наверное, армейская тушенка? Решил, что решение этого вопроса может подождать, и принялся за еду. Витали оставил ровно половину, что приятно удивило Пашку. На вид напарник был вообще никакой – потухший, тупой взгляд, повисшие плетьюми руки в наручниках. Поморщившись, Витали взял фляжку с водой, с трудом открутил непослушными пальцами пробку. Приложился к горлышку – и жадно выпил все содержимое. Пашка сдержал опоздавший предупредительный возглас – он хотел оставить хоть сколько-то воды на дорогу. Еще неизвестно, сколько идти и будет ли потом еще вода, и если будет, дадут ли ее двоим изгоям. Все вас, гансов, учить надо. Пашка с сожалением отвернул лицо. И день обещал быть жарким, несмотря на глубокий сентябрь. Или октябрь?.. В числах он уже не ориентировался, определяя даты только приблизительно.

Слегка вздохнул, стараясь не смотреть на пустую флягу. Был бы Андрюха, тот сразу за такие дела прописал бы этому Витале доброго «лося». Чтобы думал впредь... Заглянул в банку. Привычного штык-ножа, часто заменяющего солдату ложку, открывалку, и еще много-много разных необходимых вещей, сейчас не было. Потряс банку, вороша содержимое, и принялся за еду, высыпая душистые кусочки на ладонь или доставая неподатливые пальцами. Не заурчать бы...

Стараясь не порезаться, провел пальцем по внутренней стороне, собирая оставшийся жир.

Кто-то из наемников, весело хохоча, швырнул пленным несколько костей с оставшимся на них мясом. Полетели еще какие-то объедки. Приказали:

– Жрать!

Вот так добрячки, усмехнулся про себя Пашка. Внутри все всколыхнулось злой привычной волной. Не глядя в сторону обидчиков, поставил пустую банку рядом с собой, не зная, куда

ее деть. Принялся вытирать жирные руки травой. Виталя вроде и глаз не поднял. Молодец... Нечего уродов баловать.

Снова подошел Ахмет. Молча взял пустую флягу и направился к воде.

– Э, Ахмет, ты чего? – с возмущением воскликнул один из младших командиров, сидящий рядом с Султаном.

На восклицание оторвался от еды Султан с рыжебородым. Усман знаком приказал охраннику подойти. Кивком головы как спросил – в чем дело?

– Усман, – спокойным тоном произнес Ахмет, – идти еще достаточно далеко. И я думаю, что надо набрать воды русским, пусть несут с собой.

– Ты слишком озабочен судьбой этих птенчиков, как я посмотрю, – Усман пристально взглянул на Ахмета, – к чему бы это?

– Ни к чему, – спокойный тон не менялся, – просто я не желаю остаток пути тащить их на себе. Я пекусь о собственности Султана, и чтобы нашим бойцам не было лишних хлопот. В том числе и мне.

– Так говоришь, будто не у тебя убили брата, – рыжебородый опустил глаза и занялся мясом, – такие же дурачки, да и не такие, все они в нашей грозненской зоне на деревьях спали, потому что это их животная участь. И еду сами себе добывать должны, а не кормить их с ложечки. Что найдут под ногами, то пусть и жрут. А упадут, так у нас есть, кому их тащить, молодежи хватает. Как раз только злее будут, на пользу.

Султан, сидевший до того молча и облизывающий пластиковую баночку из-под джема с натовского сухого пайка, подал голос.

– Это хорошо, – он успокаивающе кивнул охраннику, – Ахмет действительно заботится обо всех, исполняя мой приказ. Я тоже не хочу, чтобы они сдохли в дороге. Набери им воды.

Усман дернул плечами и поджал губы.

– В таком случае, – заявил он, – если вы беспокоитесь об отряде, нагрузите им по мешку. Сейчас пусть соберут весь мусор и закопают, нечего нашим парням этим заниматься. Потом тому дохляку, – он указал на Виталю, – дайте какой-нибудь багаж. Вон у Абдаллы пусть мешок тащит, – при этих словах старший афганцев оскалил зубы в радостной ухмылке, – у лучших бойцов руки должны быть свободны. А тому вундеркинду, что любит пошутить, дайте груз потяжелее... Патроны пускай тащит. Еду надо отрабатывать, – веско заявил он, – пусть не думают, что чеченская вода бесплатная для уродов, которые топчут нашу землю, когда их не звали.

С этими словами он замолчал, недовольно глядя в сторону неспешно катящей свои воды реки.

– Ай, хорошо сказал, – воскликнул Султан и хлопнул соратника по плечу, – ай, всем угодил, ну, чем не политик. Настоящий дош хаза стаг*. Да, так и сделайте, они действительно не на прогулке. Перед тем, как мучительно сдохнуть, они еще помогут воинам свободной Ичкерии. Раз уж этих свиней никто не покупает, – закончил он, помрачнев.

Ахмет кивнул и отошел со словами:

– Я понял, все сделаю.

Несмотря на невозмутимый вид, было заметно, что разговор ему в тягость.

Усман поглядел ему в спину.

– Тебе не показалось, – обратился он негромко к командиру, что наш Ахмет подразмяк, привязался за несколько дней к этим недоноскам? Такое по молодости бывает, возишься с ними, возишься, потом уже и застрелить жалко.

– Ты думаешь? – Султан посмотрел в спину Ахмета. После некоторого раздумья произнес убежденно, – да нет, что ты. Ахмет не тот человек. Я помню, каким он пришел в отряд и помню его глаза. Он появился у нас на следующий день после похорон своего брата. Прямо с тезета* пришел, весь не выстоял... И я всю его родню знаю, у них худой овцы в тейпе не было, это

не те люди, что прощают кровников, – он кинул пустые банки собирающему мусор молодому арабу и громко отрыгнул, – возможно, ему нравится смотреть на них, на таких вот...

* дош хаза стаг – человек, красиво говорящий; оратор (пер. с чеченского, досл. – человек красивого слова

* тезет – национальный похоронный обряд, длящийся несколько дней

Он засмеялся, глядя как Виталю с Пашкой поднимают пинками с земли.

– Видел ли ты, как играет сытый кот с мышкой? – весело поглядел он на Усмана, – и как потом с досадой смотрит на ее задушенное тельце, жалея, что забава так быстро закончилась? Так вот, Ахмет напоминает мне этого кота. Он не так прост, как кажется, этот наш Ахмет.

– В том-то и дело. Он странный бывает, – проворчал рыжебородый, задумчиво наблюдая, как Ахмет повторно набирает пленным флягу, – наверное, ты прав, брат, как всегда.

– Ну конечно, – воскликнул главарь, обтирая пальцы о штаны, – просто ты стал не в меру подозрителен. Но в нашем деле это необходимо, этим ты мне тоже дорог, брат.

Усман отстраненно кивнул.

Ахмет, на ходу завинчивая крышку фляги, протянул ее, держа на пальце за цепочку, соединяющую ее с фляжкой. Что-то сказал двоим охранникам, те кивнули. Пашка развязал шнурок, поддерживающий штаны – ремней пленникам не дали – и навесил на него приятно оттягивающую вниз посудину, по солдатской привычке задвигая ее назад.

Их заставили собрать весь мусор, что вывалили перед ними молодые наемники, после чего под стволами автоматов они выкопали яму под скалой, куда свалили все останки отрядного обеда и закопав, замаскировали ее, тщательно присыпав землей. За работой Пашка исподтишка наблюдал за отрядом.

Арабы после быстрой еды сразу улеглись на спину и лежали с закрытыми глазами. Афганцы сидели своей кучкой человек в восемь и негромко разговаривали о чем-то своем, сдержанно жестикулируя. Несколько человек из их команды курили травку, довольно жмурясь на солнце. Остальные кто как проводили недолгие минуты отдыха – кто-то побрел в зеленку в поисках туалета, кто протирал оружие, кто просто сидел или лежал, пытаясь вздремнуть, кто-то беседовал негромко с соратниками. Группа молодых наемников, некоторые совсем мальчишки, отошли под скалу в сторонку и оживленно разговаривали, то и дело приглушенно смеясь, чтобы не привлечь внимания своих командиров. Хорошая у вас жизнь, подумал Пашка, если энергия бьет ключом, и война не отбила охоту смеяться. Время от времени мальчишки с интересом и презрением кидали взгляды в сторону пленных, и от этих взглядов Пашке становилось тоскливо. Скорей бы уж все это кончилось тем или иным образом. Возможно, Иванка согласится оставить его у себя, там, в тишине, где нет всех этих людей и взглядов, нет русских, чеченцев, мусульман, православных, правоверных, а есть лишь благословенная тишина и долгожданный покой.

– Ну, пора, – хлопнул себя по бедру Султан после короткой послеобеденной молитвы и провел ладонями по густой черной бороде, – помолились, покушали – и вперед. Путь еще очень неблизкий, самый опасный участок еще ждет нас. Перевалим через хребет – там можно спокойнее идти, не спешить.

С этими словами он поднялся с земли, а услужливый Абу принялся складывать молитвенный коврик в мешок, перед тем протянув хозяину его АКМ. Вслед за командиром начали подниматься остальные, быстро укладывая нехитрые пожитки и собираясь в походный порядок. Усман при полной экипировке стоял уже во главе отряда, холодно глядя на копошащихся боевиков.

Покой нам только снится, прозвучала в голове фраза из песни. К ним направлялся молодой араб с мешком в руках. Свалил его к ногам Витали. Кажется, Виталя успел заснуть за счи-

танные секунды – рот полуоткрыт, глаза закачаны под лоб, и хриплое дыхание вырывается из рта, передергивая измученные черты лица. С трудом разлепил глаза, глянул на груз.

Второй мешок выглядел куда объемнее и тяжелее. Даже крепкий с виду арабчонок заметно пригнулся под его весом.

– Нести хорошо, – издевательски сказал он, с облегчением скинув мешок чуть ли не на ноги Пашке. Два слова, сказанные по-русски, были настолько ломаными, что Пашка сначала хотел переспросить. Через секунду поняв, что от него требуют, выругался про себя. Ноздри раздулись, внутри упрямым протестом полыхнул гнев. Пришлось на секунду опустить лицо, чтобы не выдать себя и не навлечь новых «удовольствий» на свою и Виталину головы. Почаще кланяйся, с насмешкой сказал сам себе, разглядывая груз. Что лучше – здесь сдохнуть или все-таки попробовать потаскать эту тяжесть?

По здравом рассуждении эмоции немного улеглись. Умереть успеется всегда, а пока имеется хоть какая-то возможность походить по этой брэнной земле, надо ее использовать. Когда-нибудь цепи, сковывающие руки, растянутся, а рядом не будет столько врагов разом.

Хотя куда бежать, запечалился опять Пашка. Как бы в той стороне, куда бежишь, не пришлось бы хуже. После всего, что натворили... С одного невыносимого места уже ушли, не думая ни о последствиях, ни о чем – и вот результат. А теперь куда – обратно, что ли?..

Над ухом опять загрели грубые окрики охранников. Не дожидаясь новых пинков, Пашка встал. Потянулся слегка, разминая ноги. Виталья, судорожно вздохнув странным внутренним вздохом, торопливо поднялся с колен. Тряхнул неловко цепью, отчего у Пашки заныли разодранные запястья.

– Аккуратнее ты... – не сдержался он.

Виталья отстраненно поглядел на него. Один из охранников поднял с земли мешок со звякнувшим внутри металлом и всучил Витале в руки. Затем взялся за второй, удивленно крикнул. Повернул голову к стоящему рядом Ахмету. Тот поджал губы, кивнул. Охранник пожал плечами, засмеялся и показал Пашке свободной рукой – нагнись.

На спину взвалилось нечто громоздкое и крайне неудобное, утыкающееся остро и больно в кости. Понятно, новое развлечение придумали. Повеселимся... – Утюги, что ли? – спросил Пашка.

– Не-а, патроны, – ответил подошедший ближе Ахмет. Осматривая цепи на руках солдат, спросил негромко, – ты донесешь?

– Обязательно, – пообещал Пашка, не скрывая сарказма, – давайте еще что-нибудь... что тут нести-то...

Ахмет с сомнением покачал головой, не обращая внимания на язвительный тон пленника:

– Будет совсем тяжело, падай и дыши, так... тяжело, – посоветовал он и отошел в сторону, пристегивая на своей груди лямки от походного ранца и закидывая автомат на плечо.

Пашка уже на ходу прилаживал на спине неудобный груз, пытаясь удобно разместить его или хотя бы сбалансировать. Удобно не получалось, мешок был слишком большим и тяжелым даже для мужчины-здоровяка. Пашка же давно не производил впечатления того крепыша с толстой шеей, который просился в военкомате в спецназ. Ввалившиеся, разодранные щеки, мрачные глаза с черными кругами под веками хмуро смотрели из-под разбитых бровей. Худое, изможденное тело, все сплошь покрытое синевой, кровоподтеками, ранами от побоев и ожогами после ракетного налета.

Не везет мне что-то в последнее время, горько усмехнулся про себя Пашка. С какого момента все это началось?..

Кто-то из наемников похлопал по мешку сверху ладонью. Пашку шатнуло. Стиснул зубы, когда несколько человек засмеялись. Не дожидаясь, закипело внутри. Впечатления сломанного судьбой человека он не хотел производить. Во всяком случае здесь, при чеченцах и наемниках.

Вспомнил, как в детстве его впечатляли книжки про разведчиков, партизан и гордых индейцев, терпящих любые пытки. Вот и сбылась мечта идиота, терпи теперь, строй из себя индейца. Ох, блин, только бы скорее все это кончилось...

Неужели мешка полегче не нашлось, уроды?..

Пленные со своими конвоирами шли последними, за ними четверыми замыкали марш Ахмет, наблюдающий за исполнением охранных функций, и еще один здоровый боевик с пулеметом Калашникова в заросших шерстью ручищах. Регулярно то он, то Ахмет оглядывались назад, осматривая окрестности.

Идти с этим мешком было сущей пыткой. Очень большой вес пригибал к земле, крутил суставы в плечах. Спина тупо ныла, грозя сломаться и больше не срастись. Пот заливал глаза, и еще этот Виталя хрипел рядом, оступаясь и дергая за наручники, отчего Пашка терял равновесие. Дорога подернулась туманом и оглядываться вокруг пропало всякое желание. С натугой переводя дух, он думал сейчас только о том, как бы пройти еще до того маячившего впереди зеленого кустика и не свалиться, словно загнанная лошадь. И от кустика еще с десятков шагов. И еще один кустик появлялся в поле зрения... Пашка понял только, что с дороги, идущей вдоль реки, которая шумела в этих местах уже не так грозно, они сошли. Под ногами пошла мягкая земля, покрытая чистой изумрудной травой, колея исчезла, шум воды отдалялся, а идти приходилось теперь не по горизонтальной прямой, а несколько вверх.

Подкинул мешок повыше, чтобы тот лег удобнее. Сдув капли пота с ресниц, глянул вперед. Увиденное повергло его в отчаяние – далеко вверх простирался огромный, необъятных просторов зеленый склон, по которому они сейчас шли. Взгляд сфотографировал большие, поросшие зеленью ямы, скалистые обомшелые валуны, краснеющую ярким пятном поляну горных маков. Успел даже разглядеть точки порхающих над ярко-красными цветами разноцветных бабочек. И вновь груз пригнул его к земле, заставляя напрягать последние силы и думать только о том, чтобы не упасть, не оступиться, не повалить за собой Виталю, и чтобы Виталя не перестал переставлять ноги и сам не упал. Неохота, несмотря ни на что, веселить «чехов». Боевики шагали слаженно, двумя слегка растянутыми цепочками, в том походном порядке, наиболее удобном для передвижения и безопасным при обстреле и нападении. Султан самолично следил за строгим соблюдением порядка в колонне. Они с Усманом шли первыми, не считая высланных вперед нескольких разведчиков. По сторонам от них – два крупных бородача-телохранителя, позади прикрывал спину Жук в чалме. Через ухо личного охранника командира проходила чистая марлевая повязка. Лицо, несмотря на природную смуглость, было бледновато, но Абу ни на шаг не отставал от своего хозяина, бодро шагающего вверх по склону.

Основная масса бандитов находилась в середине. Практически все были нагружены, несли, помимо оружия, какие-то мешки, ящики с боеприпасами, «цинки» с патронами, и многое другое, необходимое для боевого отряда. И переход банды очень напоминал верблюжий караван. И две низкорослые кавказские лошадки, навьюченные кучей вещей, довершали эту картину.

Склон резко пошел в гору. Каждый шаг теперь приходилось делать выше прежнего, постоянно поднимаясь. Трава помельчала, изредка начали появляться крупные кусты зеленки, не такие, что росли на плоскогорье. Несмотря на то, что мешок легче не становился и идти было еще тяжелее, нежели раньше, Пашка сумел как-то свыкнуться с грузом. Привык к нему, перестал обращать на громоздкое неудобство внимание, хотя ноги все так же дрожали. Ровно шагая выверенными шажками, старался не думать о весе и о том, сколько предстоит еще вымачивать. Он прекрасно помнил о том, что в жизни ему приходилось и потяжелее.

– До трех ты взял его на руки! – заорал Первый Сержант, – раз, два, три...

Это было упражнение «Невеста». И счет велся очень быстро. Сержант никогда не ждал, никогда не давал поблажек. Пашка онемевшими руками в который раз пытался поднять и удерживать большого и нескладного Гаврилу. Тот по-настоящему жаждал удержаться на Пашкиных руках, он надрывался не меньше, чем Пашка, но тело отказывало от пройденных за день нагрузок. Всклипывая и дрожа всем телом от напряжения, он попробовал вновь запрыгнуть товарищу на подставленные руки. Крупное тело в тяжелом шестнадцатикилограммовом бронежилете неудержимо тянуло вниз. Надрываясь до хруста во всех суставах, Пашка держал. Секунду, другую... и Гаврила снова начал сползать с рук. Еще секунда, еще одна невыносимая вечность, где рвутся сухожилия и голосовые связки... и конечно, Гаврила кулем валится на снег.

– Охуели, щенки! – в бешенстве орет Первый Сержант. К ним подбегает Второй, весело выдыхая морозный воздух красивыми облачками пара.

– Не держат? – интересуется у Первого.

– Не-а, – отвечает тот, злобно пиная Гаврилу берцем, – сдох, сучара, щенок гребаный.

– Эй! – кричит подбежавший, машет рукой перед лицом молодого, – ты как, нормально?

Следи за пальцем.

Дрожащий всем телом Гаврила безумным взглядом пытается уследить за указательным пальцем Сержанта, которым тот водит перед его лицом.

– Ну что, наигрался в спецназ? Не можешь больше, да? Переводишься?

– Никак не-ет, – блеет Гаврила, – я... могу.

– Тогда встать! – орет Второй, – догоняем своих товарищей. Если через пять минут вы не присоединитесь к своей группе, все у меня зае... тесь. Бего-ом! – он тянет Гаврилу за ляжки бронежилета и кидает вперед. Тот опять падает, тяжело поднимается и бежит вперед, волоча ноги, словно они и не его собственные.

– Ты как, Пашков?

– Просто счастлив! – набирая воздух в горящие легкие, рывкает Пашка.

– Мужчина! – скалится Сержант, сверкая белками глаз.

– Рядовой Пашков! – орет в ответ Пашка.

– Поше-ол! – Первый бьет ногой Пашку в спину, в титановый панцирь, добавляя ускорения, и тот летит вслед за замученным Гаврилой. Голые, красные, как у рака руки судорожно сжимают покрывшийся инеем автомат.

– Вы, уебки, – Второй Сержант легко бежит рядом и наставляет, – вы не бегаєте еще и трех часов. Неужели это все, на что вы способны? Почему так медленно бежим?! – грохает он, – устали, тяжело?

– Никак нет! – вразнобой орут рядовые Пашков и Гаврилов.

– С тыла тогда оба. Ползком – вперед... марш.

Пашка хлопается прямо в снег и ползет, извиваясь, в ослепительном снежном насте, сверху прикрытым жесткой коркой обледелого снега. За это утро, а также за все предыдущие дни он уже бегал и ползал столько, что хватило бы, казалось, на пару десятков призывов обычных солдат. Здесь, сколько не бегай, сколько не вылезай из шкуры вон, все мало. Скоро душа вон вылетит, это точно. Колени и локти содраны до живого, ползти невероятно тяжело и больно, но попробуй заикнуться о том, чтобы хотя бы заменить упражнение на другое... Будет только хуже. Заикались одни такие уже...

Пашка стиснул зубы. Сейчас просто болит, пока в таком взвинченном состоянии, потом начнет ныть и щипать, а кости – невыносимо ломить. Тело не в состоянии справляться с такими нагрузками, работает на износ в течение практически круглых суток. По ночам сводит икры ног так сильно, что Пашка садится в койке и громко шипит от боли, пытаясь вернуть их обратно. И шипит не он один, шипят все. Некоторые даже воют. И от этого, и от возможности ночного подъема не смеет толком заснуть по ночам, лежа в одном положении на спине в вечно промокшем солдатском белье. Высыхать оно просто-напросто не успевает.

Слегка задирает таз, тут же получает ногой сверху.

– Жопу прижать, сука! Осколками разорвет...

Сверху еще раз бьют со всей дури, теперь по голове в одетой сверху «сфере». Зубы оглушительно клацают и Пашка тыкается лицом глубоко в снег.

– Правильно, не забываем автомат перед собой держать, на руках, не перед лицом. Противник должен пройти по тебе и не понять, на что он наступил, а ты не должен получить никакого ущерба от этого. Маскировку потом проходить будете, а пока ползите, дрищи, ползите...

Пользуясь тем, что Второй сержант занят наставлением, Пашка слегка, на какой-то мизер сбавил скорость, чтобы хоть сколько-то отдохнуть. Кажется, Гаврила тоже слегка притормозил, делая вид, что на ходу поудобнее наматывает ремень АКСа на руку.

– Нет, они не торопятся, – делает вывод Первый, – а ну-ка, уроды, встать – на исходную позицию! На исходную, я сказал, сука!!! Вдвое быстрее!

Пашка уже сам начинает орать от отчаяния. Гаврила снова начинает всхлипывать, поднимаясь и волоча ноги туда, откуда только что с такими мучениями добирались до этого места.

– Еще быстрее, – подгоняют сержанты, – шевелите своими батонами.

– Бля, да на них смотреть противно, – беседуют они на бегу друг с другом, – ничего толком не могут. Считают, что им на свете тяжелее всего приходится. В наше время поломали бы уже, а мы тут возимся с ними.

– Запомните, щенки, – обращается Второй к измученным первогодкам, – вы еще сами не знаете, на что способно ваше тело. Вы думаете – все, это невозможно, и это невозможно, а тело делает и то, и другое, и третье, и еще часами делает всю эту «невозможную» работу. Поверьте, резервы неистощимы, вы можете бегать, пока не сдохнете окончательно. Это вы потом почувствуете, а пока вы и на миллиметр не приблизились к этому рубежу, так что не хрен косить и на жалость давить. От ваших слез у меня только злость повышается. Когда вижу, какие вы маменькины сыночки, а не бойцы спецназа. Это звание вы должны заслужить, можете мне поверить, просто так вам его никто не даст. Мы вам его просто так не дадим. А если оно появится у вас когда-нибудь, будьте уверены, за него вы любому глотку перегрызете. За малейшее сомнение или неуважение прирежете падлу, ясно?!!

– Так точно! – кричат щенки.

– Вы кто!

– Спецназ!!!

– Что вам снится?!

– Море крови!!!

– Спецназ!

– Тэ-э!!!

Кажется, дыхания на последний крик хватило только у Пашки. Гаврила двигается на автопилоте, машинально переставляя ватные ноги, закатывая глаза, а слюна течет по подбородку.

– Гаврила, щен поганый, тебя команда не касается?! – Первый с разбегу в прыжке бьет Гаврилу в загривок.

Гаврила бухается в снег.

Гаврила плачет навзрыд, заходясь в агонии, заглатывая воздух широко распыленным ртом.

– Встать! – орут оба.

Солдат пытается поднять непослушное тело, но руки подгибаются и он валится на снег, тихонько воя от бессилия и ужаса.

Первый бросается на него сверху и бьет ороговевшим кулаком в «сферу». Титановые пластины в ней жалобно гудят и брякают при каждом ударе.

– Гондон, что, не встается?! – удары сыплются один за другим, – приказ сержанта выполняется без промедлений! Без раздумий! Сказано – в окно сигай, и похрен, что там девятый

этаж – сигай! Сказано – в огонь, на пулемет брюхом – не думать – делать – это – сержант – сказал!..

– Вы товарищей своих тем самым спасаете, – Второй спокойно смотрит на экзекуцию, – своей жизнью всех друзей своих спасете. Солдату в таких случаях нельзя думать. Сержант для вас – все! Пашков, отжимайся, пока этот урод не встанет.

– Есть! – Пашка в тысячный за это утро раз бросается в снег, принимает упор лежа на кулаках и начинает отжиматься, с каждым отжиманием ведя физический счет:

– Раз... Два...

– На две костяшки встань, – напоминает Второй Сержант. Как это осуществить, находясь в снегу по локоть, Пашка не знает, но тут же послушно прилаживается на две первых фаланги костей кулака, даже не думая о том, что сержанты сквозь снег видеть не могут. Сержантскую науку Пашка впитал в себя, как надо.

После бега отжимания кажутся отдыхом, но только первые раз тридцать. Снег под телом от пышущего жаром солдата сразу примялся и слегка растопился, разбитые кулаки в ледяном насте не ощущаются, а пот заливает глаза. Считает он уже не так громко, начиная уже сам подвывать от усилий.

Первый встал с Гаврилы, напоследок пнув в бочину.

– Вставай, урод, – спокойно говорит он своему бойцу, – пока не встанешь, мы твоего товарища по группе вконец закачаем. Потом он сдохнет, и мы его переведем. А ты останешься...

– Нет, конечно, ты можешь лежать, отдыхать, – мирным тоном подхватывает Второй, – хочешь, проводим до казармы, до тепла, переоденешься наконец в сухое, пообедаешь без спешки, не на время. Я отвечаю, никто тебя не тронет. Вечером спокойно переведем тебя в другую роту, в мотострелки, в «гансы». Там нет таких учений, тренировок, таких сержантов, нет ежедневных «качей», по ночам там не бегают, а спят, не считая плановых сборов и общих тревог, конечно. «Духов» там бьют, понятное дело, как и везде, но тебя-то уже не тронут. Ты вон какой здоровенный парень, ты – мужик! Три недели в спецназе продержался, шутка ли?! Там тоже не дураки сидят, все понимают. Уже за одно это тебя будут уважать и через пару-тройку месяцев, глядишь, и сам станешь на сержантскую должность, потом и старшиной всей роты. Примеров тому – масса...

– Если еще к тому же умом не обижен, – вставляет Первый, презрительно сплевывая на ослепительно белый снег.

– Точно, – смеется Второй, показывая отколотые в многочисленных драках и спаррингах зубы, – подумай, ведь эта группа не для всех. Вам говорили, предупреждали, спрашивали – хотите ли?! Вы сами просились, без желания никого сюда не тащат, нахрен не нужны. Вы прошли отбор один из восьмидесяти, жесточайший отбор. Вас уже били в зале, вы прошли сдачи на прием, на форму, на берцы, потом будут сдачи на жетон, на берет – это не шутки. Вас никто не жалел, наоборот, вас пытаются выжить, убить, сломать. Сейчас просто ежедневные занятия, как и все эти дни... дальше будет только хуже, будет тяжелее, я вам говорю.

Фашисты. Какие вы фашисты... Пашка в отчаянии застонал, упав изнеможенно в снег.

– Пашков, встать! Упражнение – «джамп»! Счет пошел!..

Полные приседы с выпрыгиванием вверх и хлопками ладоней над головой. Это несложное с виду упражнение через некоторое время может привести прямо в кому. Автомат положил рядом с собой на снег, как положено.

– Вот видишь, – и отеческим тоном говорил Второй сидящему в снегу Гавриле, – Пашкова мучаем. У любого из вас сейчас есть выбор. Любой может отказаться, пожалуйста, насильно не держим. Понимаешь, возможно, ты занял чье-то место. Кто-то хотел больше, чем ты, а отбор прошел ты...

– А сейчас валяешься, как падла... последняя, – цедит Первый, накаляясь.

– До обеда еще час, сам понимаешь, что мы сделаем с вами за этот час. После обеда в спортзал, «коробка», спарринги, акробатика, комплексы – все часами, без продыху. Вечером – кач. Все команды – только бегом. Это не все выдерживают, это практически невозможно, мы же знаем – сами через все это прошли. Романтика исчезает через несколько дней, у кого-то раньше, у кого-то чуть позже.

Первый внезапно делает тест «на оружие» – бросается к Пашкиному автомату. Опазывает на долю секунды – замутненным мозгом Пашка отслеживает эту «шутку», после которой жестоко бьют, и бросается животом на свое оружие. Первый делает кувырок в сторону и вскакивает. Удовлетворенно кивает:

– Пашков, автомат за голову, продолжаем упражнение «джамп».

И Пашков прыгает на подгибающихся ногах, с дикой ненавистью глядя на рыдающего Гаврилу.

– Ну что, пидар! – неожиданно рывкает Первый, – короче, ты сдох. Романтика для тебя сдохла. Говори, что ты пойдешь в гансы, и вали в казарму. Нас группа ждет. Помоги Пашкову, он попал сейчас только из-за тебя, помоги своему призыву, они бегают сейчас там по кругу, ждут одного тебя, когда ты появишься, соизволишь встать или свалишь от них в гансы. Думаешь, ты им нужен?! Ну что?! – орет он, – в гансы?!!

– Не-ет! – орет сквозь слезы Гаврила и встает, шатаясь, как пьяный. Подбирает свой автомат и тупым взглядом смотрит на заснеженные деревья.

Боже, как красиво, думает Пашка полуобморочным состоянием. Ну почему, Господи, наряду с такой красотой на земле процветают такие немыслимые вещи, такие мучения? Ну когда все это закончится?..

Сержанты переглядываются.

– Пашков, встать. Оба – бегом... марш!

Все четверо бегут в сторону далеко ушедшего учебного взвода. Впереди первогодки, и сержанты по бокам, время от времени легко забегающие вперед и разговаривающие на ходу:

– Плачьте, сынки, плачьте. Все плакали, и я сам плакал, оно само так выходит, – Второй мечтательно улыбнулся щербатым ртом. Обращаясь к Первому, – давай покурим.

Тот достает из нагрудного кармана пачку «LM», и оба закуривают на бегу.

– Мне вот, – продолжает рассказ Второй, – мой сержант в свое время и сказал, – он многозначительно поднял пальцы с зажженной сигаретой вверх, – спецназовцем ты становишься тогда, когда сможешь не плакать в очередной истерике от физухи, а смеяться. Поэтому пока плачьте, парни, плачьте и смейтесь, смейтесь всегда – когда вам тяжело, когда вас бьют, и чем тяжелее, тем громче смейтесь. Это признак настоящего бойца, настоящего спецназовца.

Первый, мрачно поглядывающий до того на подопечных и пыхающий сигареткой, перебил Второго:

– Гаврила опять дохнет, падла, – и тут же, обращаясь к Пашке, скомандовал резко, – твой товарищ тяжело ранен. Взял его на руки и понес! Раз, два...

Пашка среагировал вовремя. На бегу развернулся к падающему от усталости Гавриле и схватил солдата, на голову выше его самого, перегнул пополам, взваливая на спину.

Тяжело нагруженный, побежал мелкими шажочками, почти пошел шагом, кряхтя, напрягая все силы. Из груди вырывается то ли всхрип, то ли всхлип. Сердце бешено бьется в грудную клетку, норовя проломить ее, разорвать бронежилет и выскочить наружу, чтобы вдохнуть чистого морозного воздуха. Кажется, сейчас оно остановится, не выдержит.

Нет, выдерживает. Не выдерживает что-то другое в организме. Ноги подламываются, и Пашка обреченно валится на утопанный в этом месте учебным взводом снег. Видимо, здесь они задержались, передвигаясь ползком, или бегая по животам друг другу, или выполняя любое другое упражнение из арсенала бойцов спецназа.

– Что, Пашков? Не можешь? – Второй Сержант искательно заглядывает Пашке в глаза, – может, прекратим все это, а?

– Могу... Никак нет, – задыхаясь, Пашка отхаркивает из легких что-то с привкусом крови. Встает на четвереньки, затем на ноги. Волочет автомат за ремень и неловко взваливает Гаврилу на спину. Делает пару-тройку шагов и... падает вновь. Теперь подняться, кажется, уже нет никакой возможности. Легкие уже не заглатывают воздух, бешено грохочущего до того сердца сейчас вообще не слышно, тело отказывается повиноваться. Пашкиному сознанию уже все равно, что произойдет, он только чувствует, что может мочиться и испражняться себе в штаны, уже все равно. Все...

Откуда-то издали слышится рык сержантов:

– Встать, сынок, – и чувствует, что его пинают и тянут вверх жилистые лапы. Сознание слегка проясняется. В ушах начинает звенеть, слышно собственные всхрипы.

– Следить за пальцем, – командует Первый.

Пашка послушно пытается поспеть за маячащим перед носом пальцем. Удастся плохо, но Первый произносит:

– Нормально. Пошли оба. Бегом!..

В спину упирается сержантская рука, напирая вперед, отчего ноги перебираются сами, без Пашкиного участия, лишь бы им не упасть. Таким же образом толкают вперед и полубесчувственного Гаврилу. Скорость увеличивается. Сержанты стараются побыстрее догнать учебный взвод и остальных сержантов. Вот они и появились в виду. Но до них надо еще добежать, до них еще так далеко...

Взвод нарезает круги по плацу дивизии, нестройно перебирая ногами. От взвода, как и от Пашки с Гаврилой, густыми клубами валит пар.

Обнажив зубы в раззявленных ртах, отставшие бегут к своим под патронажем сержантов.

– Наконец-то! – кричит им издали Инструктор, – не прошло и полгода. Ну что эти? Сдохли?

– Держатся, уроды, – мрачно заявляет Второй. Первый молча кивает, опять доставая сигарету.

Пашка с Гаврилой падают в строй, где их принимают не менее загнанные остальные, счастливые минутным отдыхом.

– Ну че... – начинает Инструктор, но Второй его перебивает:

– Гляди, зампофиз едет...

Первый быстро кидает в снег только что прикуренную сигарету.

На краю огромного плаца появляется грозно фырчащий Уазик. Из открытой дверцы высовывается кулак и его обладатель, моложавый мужчина в военной полевой форме что-то орет спецназовцам. По мере приближения машины высказывания слышатся яснее:

– Вашу мать!.. Дебилы!.. Вы что творите? На улице – -28, вы солдат в гроб вгоните. Других дней мало? Спортзал вас уже не устраивает?.. Тесно, да? Приказ же был – ниже двадцати пяти на улицу не соваться, кроме караула и постовых.

– Взвод, равняйся! Смирно!!! Равнение на – середину! – и Инструктор кричит в ответ офицеру, приложив руку к вязаной черной шапочке, – так точно, знаем, товарищ майор. Но у нас спецподготовка, мы не можем...

– Мне на... ть на все ваши «спец»! Вы загнетесь сами и солдат угробите. Ну-ка, все в казарму – бегом марш!

– Есть! – вскидывает руку снова Инструктор, – взвод, слушай мою команду! В колонну по три становись! – замер, набирая побольше воздуха, – к лесу, бегом... марш!

Ошалевший майор застыл с поднятым сверху кулаком.

– Ку?... – только и смог сказать вслед широким спинам убегающих в ногу спецназовцев.

– Быстрее, быстрее, шире шаг! – подгоняют сержанты свой взвод, не оборачиваясь.

– Запомните, парни, – Инструктор на бегу снимает шапочку, проводя ручищей по покрытой испариной бритой голове, – на занятиях и в бою для вас существуют лишь одни командиры – это офицеры и сержанты нашей группы спецназа. Все остальные не должны вас интересовать. Все ясно? – Инструктор даже не слушает вопли оставшегося позади майора.

– Так точно! – грохают бойцы учебного взвода.

– Тогда в лес с ускорением и там перебежками к тиру. В тире – противник! Берем штурмом.

– Пошли-и!..

Офицер штаба полка устало вытер испарину с лысины и залез обратно в Уазик.

– Что скалишься? – буркнул смеющимся водиле. Водила позволяет себе смеяться, потому что знает, что нынешний майор прошел свой путь от простого солдата, что зампофиз – свой, настоящий мужик. Тот раздосадовано мотает головой:

– Давай в штаб, жаловаться будем.

И глядя, как набирают обороты два десятка человек, бегущих к лесу, с восхищением в голосе:

– А ведь не слушаются, черти!

Краем глаза Пашка заметил, что Виталя сдает. Длительный подъем в гору, побои и многомесячная усталость делали свое дело – парень тяжело дышал, его шатало из стороны в сторону. Мешок, пусть и не очень тяжелый, был для него уже неподъемным. Он то и дело соскальзывал с плеча и Виталя тащил его по земле за собой, прежде чем собраться с силами и взвалить обратно на спину. В мешке что-то глухо брякало на всех кочках, и идущий сразу за ними чеченец шипел по своему обыкновению, заставляя взять груз, как надо. И как только ему самому это не надоедало?

Постоянное дерганье за поврежденные кандалами да наручниками раздражало и утомляло Пашку больше, чем свой вес на спине. А шипящий охранник вызывал одно лишь бешенство. Несколько раз уже Пашку охватывало неодолимое желание бросить все и придушить его. Останавливали лишь наручники, ну, может, еще что. Разбираться с самим собой у него уже не было никаких сил.

При очередном пьяном витке прикованного товарища Пашка не выдержал.

– Давай сюда, – раздув ноздри, потребовал.

– А? – не понял Виталя, поворачивая замутненный взгляд на напарника. От ходьбы и тяжести его сломанный нос дал о себе знать – в нем шмыгало и по верхней губе сочилась кровь. Время от времени Виталя слизывал ее и слабо сплевывал.

– Мешок давай, – повторил Пашка.

– Не-е... я сам, – с трудом произнес Виталя, в очередной раз качнувшись в сторону.

– Гони мешок сюда, придурок, – тоном, не терпящим возражений, приглушенно сказал Пашка. Сбалансировал свой мешок на спине, оторвал от него одну руку и протянул к Витале, насколько позволяла длина цепи. Позволяла она совсем немного.

Нехотя, но с видимым облегчением Виталя протянул ему мешок двумя руками. На мгновение остановившись, Пашка накрепко ухватил жесткую полотняную ткань и вернул руку обратно к шее, сжатым кулаком подпирая груз, лежащий у него на загривке.

Шагающий позади конвоир недовольно что-то буркнул второму. Второй равнодушно ответил, и оба замолчали.

Идти стало намного тяжелее. Не тяжелый Виталин мешок сейчас неудобно болтался, стуча о согнутый локоть и пытаясь завернуться вокруг него. Раскачивался, ударяя по болез-

ненному боку. Тянул книзу. Распрямиться не удавалось и Пашка, существенно замедлив шаги, передвигался, согнувшись в три погибели, словно навьюченный мул.

Он уже успел пожалеть, что взял эту дополнительную ношу, но зато Виталию теперь не качало. Он тяжело шагал чуть позади, бросив руки плетми, с трудом передвигая ноги и тупо уставившись в землю.

Подъем в гору продолжался. Солнце давно уже взошло, и яркий осенний день оживал, раскидываясь немногими яркими красками, присущими этому краю.

В какой-то момент времени Усман оглянулся, чтобы посмотреть, как движется отряд, не растянулись ли, не устали. Все боевики шагали все так же ровно, как и в начале пути. Маслянисто поблескивали черные бороды в еще очень теплых, несмотря на осень, лучах солнца. Смуглые лица лоснились от пота, но явных признаков усталости ни на одном из них не читалось. Лишь идущие позади пленники заметно отставали от общей группы. В чем дело?

Усман в сердцах выругался.

Этот щенок, которого все считали еще несколько дней тому назад умерщвленным, как и подобает нормальному русскому, тащил свой внушительный даже с виду мешок с патронами, и вдобавок к этому мешок своего дружка, что безвольно, как овца, плелся за ним. Усман покачал головой, не зная, что и подумать. Почесал рыжую щетину, что никогда не желала расти дальше выверенного сантиметра. Посмотрел на Султана, сосредоточенно шагающего рядом.

– Смотри, – кивнул он вниз.

– Что? – обернулся главарь. Пробежав беспокойно глазами по рядам бойцов, наткнулся взглядом на пленных.

– Отстали, да, – согласно кивнул головой и тут же, поняв, в чем дело, помянул шайтана.

– Вот ишак. Ему что, заняться нечем? – помедлил мгновение, потом сказал, – это их дело, мне все равно. Если кто-то из них в дороге упадет, придется зарезать. Я обещаю, смерть не будет легкой. Им лучше постараться... Да, Усман, предупреди людей, чтобы не шумели, нельзя в этих местах шуметь. Пусть они и знают это, но все равно. Федералов много, можно наткнуться. Я и так думаю, может, продолжить идти ночью? Беспокойно что-то. И зеленка редет.

– Да, хорошо, что это последний переход.

– Зимовать в горах будем, на родине.

– Вся Ичкерия – наша родина, – заметил Усман.

– Да, брат. Но ты родился в городе, образованный. Но я, нет... Я – вольная птица, это мои горы, я знаю здесь каждый камень. И каждый камень знает меня. И тем больнее, что эти свиньи забрались сюда, в самое сердце нашей земли. Для меня Нахичой* – не просто родина, не просто слово.

Усман едва заметно хмыкнул.

– Я знаю... Как пришли, так и уйдут.

– До привала осталось недолго, сейчас уже выйдем к Арена Берд*, – командир сменил тему, – можно замедлить движение. Мы как раз поспеваем к полуденному намазу, – вскинул левую руку, на которой красовался дорогой «Ролекс», контрастирующий рядом с непритязательным АКМом, зажатым в той же руке, – тайник пускай раскопают, гранатометы возьмем, а патроны оставим, патронов много, хоть сколько надо оставить. Тяжело тащить, одни патроны у всех. На горе они есть, и еще могут привозить хоть каждый день, а здесь они пригодятся тем, кто с задания, с разведки. Если потратились, пусть знают, где взять. А копать пусть этот... хьерси* копает, раз работать любит, – мотнул он бородой вниз, на Пашку.

Идущая впереди группа боевиков замедлила шаги, и Пашка догадался, что до отдыха уже недалеко. Шли сейчас уже не круто в гору, склон стал более ровным. Между тем кусты зеленки участились и вся банда как будто вошла в приземистое подобие леса. Крупные расте-

ния с шипами росли здесь не сплошняком, а на некотором отдалении друг от друга, что позволяло идти более-менее свободно, не продираясь сквозь острые ветки и не мешая друг другу.

В этих зарослях разглядеть идущих людей было достаточно непросто. К тому же людей, одетых в камуфляжи и соблюдающих маскировку. Ни с воздуха, ни в мощную оптику. Расстояния большие, и пока не подобрешься поближе, ничего толком не разглядишь. Если даже наткнешься на движение в кустах, кто поручится, что это не древний старик, гонящий домой отбившегося от маленькой домашней отары барашков? Или волки, подыскивающие подходящее место для зимовки. Еще не все немногочисленные дикие животные покинули насиженные места, спасаясь от бомбежек и ночной стрельбы.

Показался свободный просвет в зеленке, и послышалось знакомые команды главаря, больше напоминающие карканье зрелого ворона.

Боевики подтянулись ближе к авангарду, располагаясь под листвой все скрывающего кустарника.

Пашка, недолго думая, с грохотом скинул груз со спины и разжал окостеневшие пальцы. Сзади привычно зашипел чеченец, но Пашка сейчас не обратил на него внимания. Наконец-то передых...

С облегчением распрямился, но в голове зашумело, глаза начала заволакивать пелена, и Пашка поспешил нагнуться обратно, присел на корточки на внезапно ослабевших ногах. Рядом в полном изнеможении опустился на землю Виталья.

Получивший распоряжения от командира Ахмет подошел ближе. На ходу достал из своего ранца новенькую, поблескивающую саперную лопатку. Остановился над пленными, сосредоточенно роясь во внутреннем кармане. Выудил оттуда ключи от наручников и расстегнул браслеты на Пашкиных руках. Пашка сладостно встряхнул затекшими кистями. В шею предусмотрительно уперся ствол автомата. Ахмет, поколебавшись с секунду, опять наклонился над Пашкой и защелкнул один браслет на ноге.

Солдат с интересом наблюдал за действиями чеченца.

– Пошли, – заявил Ахмет, засовывая ключи обратно.

*Нахчичой – родина (букв. перевод – жилище чеченцев)

*Арена берд – равнинная гора (пер. с чеченского)

*Хьерси – светлый (пер. с чеченского)

– Куда? – не понял Пашка.

– Копать, – лаконично пояснил тот.

– Могилу? – мрачно пошутил Пашка, но тут его с матерной руганью поднял второй чеченец и заставил идти впереди. Виталю поставили на ноги таким же способом.

Углубившись в зеленку на пару десятков метров, Ахмет сказал, ткнув пальцем в землю:

– Копай. Здесь, – и отошел.

Махать инструментом пришлось недолго. Достаточно быстро лопатка уперлась в доски. Раскопав дальше, Пашка обнаружил деревянный настил, под которым оказался тайник с оружием. Бережно укутанные в промасленную бумагу стволы, цинки с патронами, пара десятков гранатометов, выстрелы к ним. Тут же его оттеснили, боевики забирали гранатометы, обратно на их место клали патроны, в мешках, в ящиках. Достаточно много. Видимо, столько пока не нужно. Кажется, и Пашкин мешок с кряхтением запихали туда же. Ну и славно...

Вытер пот со лба, бросил лопатку дрожащими от напряжения руками. Встал с колен, а по-другому лопаткой ничего и не накопаешь, огляделся по сторонам.

Виталья безжизненно стоял рядом на коленях, как его и поставили. Несколько боевиков еще возились у тайника, остальные, расстелив молитвенные коврики, уже ушли в молитву.

Молились выставленные по углам постовые и конвоиры, правда, с открытыми глазами и с оружием в руках. Управившись с тайником, показали Пашке – закапывай.

Снова подобрал инструмент, принялся закидывать уложенный дощатый настил. Насыпав сверху небольшой холмик, притоптал его свободной ногой и раскидал оставшуюся землю. Замаскировал дерном, посыпал сверху листьями зеленки, кинул несколько веточек. Конвоир одобрительно посмотрел в его сторону.

На самом деле это было не очень обнадеживающим. Если им так просто показывают оружейный тайник, предназначенный исключительно для своих, значит, недолго осталось ходить по этой земле. Они уже не в счет. Элементарно, Ватсон...

Тем временем боевики закончили молиться и принялись за обед. Аппетитно хрустели упаковки из-под натовских сухпайков, вскрывались банки со съестным, разрывалась упаковка с мясной вырезкой и ломались толстые тела подрумяненных лепешек.

На этот раз пленных русских кормить никто не собирался. Усман, сверкая своей нестандартной щетиной, нагло, по Пашкиному определению, улыбался, набивая щеки всякой снедью.

Пашка был настолько измотан, что есть ничуть не хотелось, желудок даже не подавал признаков жизни. Виталья также не выказывал большого интереса к бандитам, поедающим всякие вкусные вещи, даже, может, не виданные до того на гражданке. Глаза были прикрыты, а губы время от времени шевелились, будто отвечали что-то воображаемому собеседнику.

Пашка развязал поясной шнурок, снял фляжку и сделал несколько маленьких бережливых глоточков, удерживаясь от дикого желания опорожнить ее одним махом. Толкнул в плечо Виталю и, когда тот с трудом разлепил веки, напоил его со своих рук, осторожно вливая теплую воду в разбитые, ссохшиеся губы.

Бултыхнул остатки воды во фляге, определяя по весу и звуку, сколько осталось. И повесил, закрутив крышку, обратно на пояс. Даже если выпито практически все, всегда надо оставлять хоть на глоточек. Чисто психологически легче – знаешь, что вода у тебя есть.

Подошел Ахмет. Осмотрел придирчиво замаскированное пленным место. Спокойно кивнул. Подобрал лопатку, так и лежавшую рядом. При этом Пашка непроизвольно подался чуть вперед, не желая отдавать подобие оружия. Саперная лопатка может стать очень опасным оружием, если уметь ею пользоваться. Ахмет с удивлением воззрился на него, но ничего не сказал. Пашка опустил глаза.

Браслет от ноги отстегнули, защелкнули вновь на стертых запястьях.

Боевики вроде как на время позабыли о пленных, занимаясь едой, отдыхом и своими походными делами.

Пашка уставился в землю. Мозг работать отказывался, прогоняя по кругу дурацкую фразу – нет возможности, нет возможности... Какой именно возможности нет, сформулировать он уже не мог. Вконец утомив сознание этой плохой и глупой песней, Пашка задремал, сидя на коленях. Глаза неудержимо слипались под мерное чавканье боевиков, голову клонило вниз, к груди. За время службы он научился спать, не засыпая полностью, и не позволяя голове безвольно упасть. Хороший навык...

– Ну, как ты? – поинтересовался мелодичный голос.

– Плохо, Иванка, – пожаловался Пашка, – кажется, я все-таки не выдержу.

Мягкая чеченская земля с редкой, жесткой травкой плавно изменилась, незаметно перейдя в густую, всю пронизанную корешками полевых растений почву средней полосы. Откуда-то из леса наносило ветерком пожелтевшую листву с облетевших деревьев.

Пашка все так же стоял на коленях, устало, понурился, вот только ненавистных браслетов на руках не было. Не было кровоподтеков, ожогов и ран, не было и камуфляжа, его

заменяла знакомая просторная рубаша со штанами. Не было Витали, не было зеленки, не было никого рядом, кто мог бы толкнуть, пнуть или плюнуть.

Повернув голову влево, вправо, Пашка оглядел окрестности, дерево в центре. Оно почему-то было совершенно без листвы, точно как и в первый раз. Иванка стояла над Пашкой, участливо наклонив голову. Платье на ней сегодня было некоего серебристого оттенка, очень живого, цвет переливался при разговоре, при этом оставаясь самим собой.

– И что? – сухо спросила девушка.

Какое там участие? Пашка глянул на нее снизу, и вяло пожал плечами:

– Не знаю. Сорвусь я. Лучше уж сразу сюда, чем так вот... там. Парочку точно с собой прихватчу. Ну, одного хотя бы.

– Понятно, – Иванка отвернулась.

Почувствовал, что она рассержена, Встрепенулся:

– Ты чего, Иванка? Может, я что-то не то говорю?

Девушка обернулась и взглянула на него. Лицо было совершенно спокойно.

– У тебя всегда есть свобода выбора, – ровно произнесла она, – и никто не вправе создавать тебе жизненные планы и соваться в твою судьбу, менять там что-то.

Поглядела на свои аккуратные ногти и продолжила:

– Делай, как знаешь, как велит тебе твой ум. Только будь уверен в том, что он далеко не всегда говорит тебе правду.

– Бесполезность какая-то, – ввернул первое попавшееся на язык слово Пашка.

– Сам-то понял, что сказал? – подняла собеседница одну бровь.

Он решил за лучшее промолчать.

– Вот и правильно, – заметила девушка и начала снова, – в любой момент времени ты можешь выкинуть любой фортель, какой тебе только заблагорассудится. В этом и есть простое человеческое счастье и большая человеческая беда. У человека всегда есть свобода выбора. Ох, если бы люди только осознавали это... Фортель даже вроде того, о котором ты сейчас распространялся, – Иванка говорила ровно, мелодичный голос окутывал извилины, пробегая по ним освежающими искорками и заставляя прочищаться, – только в этом случае ты, а также и тот, кого ты «прихватишь», – она хмыкнула, – сюда никак не попадете. Для таких есть другие места...

– Ад? – решил спросить Пашка, перебив рассказчицу.

– Хватит чепуху нести, – презрительно поджала губы Иванка, – это еще раз доказывает то, что рановато тебе куда бы то ни было, ясно?

– Ясно, – кивнул на всякий случай Пашка, ничего не поняв.

Девушка вздохнула, расправила тоненькими руками складки на платье.

– Ну и вот, – продолжила она после некоторого молчания, – я не могу тебе ничего говорить, как-то наставлять. Но я могу и даже обязана – так как это общий принцип для всех – посоветовать тебе ничего не делать.

– Ничего не делать, – повторил Пашка, хлопнув глазами.

– Не совсем так, – уголок рта приподнялся совсем по-девчоночьи, – просто будь там, где ты есть, делай, что делаешь, смотри, как ты это делаешь, как живешь, какие мысли думаешь... И сам со временем все поймешь, – девушка заправила прядку волос за ухо, – я знаю, у тебя сейчас трудноватый период, но, наверное, так надо, он обусловлен определенными причинами. И как ты считаешь, кто спровоцировал всю эту ситуацию?

– Трудноватый!.. – всплеснул руками Пашка, пропустив непонятный вопрос мимо ушей, – ну надо же...

– Потом будет легче, – оставила его реплику без внимания, – если ты пойдешь по тому варианту пути, по какому бы надо тебе идти. А их у тебя сейчас много, не так много, как

обычно, но все-таки. Так что не торопись, думай, слушай свое сердце, тебе больше никто во всех мирах не советчик. Не рвись никуда, принимай то, что имеешь, с благодарностью.

– Ладно, – нехотя произнес Пашка, поняв, что девчонка просто пытается запудрить ему мозги, лишь бы не брать насовсем сюда, к себе. Откуда-то появилась острая жалость к самому себе, заныла в груди, трансформируясь в глубокое чувство покинутости. Удивительно, здесь, в этом удивительном месте, так ярко и сильно ощутимы все душевные переживания.

– Не хочешь, не буду, – пробурчал он, отвернувшись, – я не навязываюсь.

– Ну какой же ты все-таки глупый, – воскликнула Иванка, читая на его лице все мысли, – да-а! Ну хорошо, ты можешь идти...

– Вот уж нет, – вскинулся Пашка. Вскочил с колен и на всякий случай отошел в сторону на некоторое расстояние, понимая, что и это не поможет, если Иванке вздумается вернуть его обратно, – дай хоть отдохнуть немного. Я же в гостях.

– Все мы гости, – резонно заметила девушка, – а отдыхать толком ты даже и здесь не умеешь.

– Умею, – заупрямился он, – дай хоть шаров этих... лечебных, – Пашка искал причину, чтобы остаться подольше.

– Не могу. Я же тебе говорила, что в прошлый раз я превысила свои полномочия, не должна была помогать тебе, и тем более еще и другим.

– Что, от начальства досталось? – озабоченно спросил Пашка.

– Да нет же, – Иванка в первый раз за все время улыбнулась. Ее серебристое платье еще больше засверкало, выдавая настроение хозяйки, – просто... ну не знаю, не должна была.

– А-а, – протянул Пашка, – значит, никак?

Она молча развела руками.

– Может, посидим, – указал Пашка на дерево, – посидим, поговорим...

– Это у нас запланировано в следующий раз, – официальным тоном произнесла Иванка. Платье на глазах утратило свой серебристый цвет, превращаясь в простенький ситец.

Со стороны леса дохнуло ветерком, нанеся еще порцию опавших листьев. Как-то немного потемнело в воздухе. Пашка поежился. Понял, что уходит.

Иванка стал совсем холодна и безразличным тоном произнесла напоследок:

– Тебя, кстати, зовут уже. Давай, дергай отсюда быстрее...

Пашка захохотал от кардинальных перемен в поведении хозяйки этих мест, не поддающиеся никакому объяснению, и – ушел. На миг погрузился в обволакивающую теплом темноту, вынырнул оттуда, ощутил, что спит на своей домашней кровати, уткнувшись носом в подушку и неудобно подвернув под себя руку. Унюхал, что мама готовит блинчики на завтрак, вспомнил отчего-то, что наступил вторник... и очнулся от топота нескольких десятков ног вокруг...

Очнулся от топота множества ног и возбужденных голосов вокруг. Боевики спешно бросали еду. Отрезанные ломти хлеба, лепешек, мяса, банки с недоеденным содержимым – все летело в развязанные мешки, ранцы, запихивалось в карманы либо просто совалось за пазуху. Несколько молодых наемников на бегу хватали с земли вещи, оружие, оставшийся после обеда мусор, молитвенные коврики и сваливали все в одну кучу под густыми ветвями кустов, не разбирая. Это успеется потом.

В воздухе всколыхнулась сразу несколько маскировочных сеток, накрывая быстро выросшие кучи и сравнивая их в цвете с окружающим ландшафтом. Боевики прижимались к стволам деревьев, маскировались в кустах. Несколько человек легли на спину, выставив стволы в небо, сверху их забросали ветками и листвой.

Те, кто имел снайперские винтовки либо оружие с оптикой – те закрывали стекла, чтобы не бликовали на солнце, накидывали тряпки на прицелы.

Времени не было.

Пашка понял это по знакомому стрекочущему звуку в небе. На секунду порадовался – пусть бы наши окончательно добили всю эту банду. Но недавняя память заставила непривольно поежиться, втянуть голову в плечи. Мысли панически заметались в поисках спасительного выхода. Попадать под ракеты ой как не хотелось. Второй раз наверняка уже так легко не пронесет.

Тут над ними с Виталей развернулась еще одна маскировочная сеть и накрыла пленных с головой.

Чеченцы несколькими ударами заставили их лечь на землю, и сами навалились сверху. Куда-то под ухо уперся тесак с изогнутым лезвием. И то ли кинжал у чеченца был слишком хорошо и остро заточен, то ли радивый охранник нажал слишком сильно, но Пашка почти сразу почувствовал, как по шее потекла тоненькая струйка. Он дернулся было в сторону, но кинжал вошел в шею еще на чуть-чуть, а чеченец, схватив его за голову пятерней, угрожающе зашипел. Пашка предпочел пока за лучшее не шевелиться. Так и лежал с неестественно выгнутой шеей, ощущая, как играет кончик чеченского ножа у него под кожей и на землю по капле утекает его кровь, затекает за вырез воротника.

Султан замер на одном колене, держа на плече вскинутую «Муху» с поднятым прицелом. «Стингеров» больше не было. Рядом в такой же позе спокойно сидел Усман, направив гранатомет в небо. В соседних кустах притаился еще кто-то с «Шмелем» в руках. Султан коротко отдавал приказы своим бойцам:

– Не стрелять, если летит мимо! Не стрелять, пока нас точно не заметят! Из гранатометов стреляют только Абу, Абдалла, и мы с Усманом, остальным гранатометчикам взять автоматы. Не стреляйте, наше время еще не пришло, этот вертолет не по нашу душу.

Последние слова командира уже потонули в оглушающем стрекоте боевой машины. Из-под масксетки в мелкую дырочку Пашка смог заметить, как над зеленкой стремительно вынырнуло хищное зеленое тело, устрашающе глядя в землю наведенными пулеметами и ракетными соплами под крылом. На мгновение даже разглядел руки и голову в шапке сидящего за пулеметом омовца с открытого бока. Свист рассекающей лопастью воздух вертушки на какое-то время заложил уши. Большая тень скользнула по зеленке, по сетке, в которой лежал прижатый к земле Пашка... И стал удаляться.

Лежащий на нем чеченец облегченно вздохнул и напор клинка ослабился. Пашка пошевелился, принимая более удобное положение. Боевик скинул с себя и с него сетку и привстал, глядя в небо – не появится ли неожиданно еще что-нибудь? Встал второй, страхующий Виталю. Сам Виталья лежал на земле, закрыв глаза, и производил впечатление трупa, если бы не тяжелое дыхание, вырывающееся выдохом из легких.

Султан напряженно размышлял, все так же стоя на колене. Хмуро разглядывая небо, что-то прикидывал про себя.

Усман опустил прицел своей «Мухи» и положил гранатомет перед собой.

– Что ты об этом думаешь? – спросил у командира.

Султан потерся поросшей щекой о шершавую поверхность пластикового цилиндра. Произнес медленно, раздумывая:

– Летных путей здесь у федералов нет. Внизу под нами идет дорога. В той стороне, куда она ведет, нет никаких наших отрядов, никого. Ни местных, ни наемников. Значит, летят не на операцию, – Султан перебирал варианты, отсеивая не имеющие под собой основы, – отсюда следует – либо вертолет был один и он пролетел по своим каким-то делам – в таком случае жаль, что мы его не сбили. Либо он разведывательный – прощупывает дорогу перед колонной.

Внимательно слушающий Усман продолжил:

– Следовательно, сейчас мы их увидим, если это так. А кто может ехать здесь, Султан? Это идет очередное наступление в горы, что нам невыгодно, или что?..

Султан насупил свой крупный, в оспинках, нос:

– Мы бы знали о наступлении. Такие вещи мы всегда узнаем первыми, быстрее русских. Нет, что-то другое... Может, мелочевка.

– Подождем? – резонно предложил рыжебородый.

– Подождем, – решил Султан.

После минутного размышления главарь повернулся к боевикам, смирно ожидающим на своих местах приказа. Вновь понеслись каркающие распоряжения:

– Ожидаем русских на броне. Сколько – неизвестно. Рассредоточиться по склону над дорогой, замаскироваться. Если больше трех машин – пропустить, не выдать себя ни единым движением. Если три и меньше – начинать стрельбу после моего первого выстрела. Все гранатометчики вступают первыми. Арабы пусть идут туда, – командир махнул рукой влево, к повороту, – с началом моего выстрела подбиваете последнего, все ясно? Взорвать его, во что бы то ни стало, ни дать им развернуться!

Арабы закивали согласно, залопотали на своем, зашевелились, собирая оружие и свои вещи.

– Сразу после атаки идем вправо и уходим под следующим витком, – указал на горный серпантин, – всем остальным занять места по центру и не высовываться. Все как обычно – очень быстро делаем пионерский костер и уходим.

Султан закончил и осторожно подошел к кустам, за которыми начинался резкий склон к дороге, что делала здесь петлю, уходя своим пыльным концом за гору, на которой они находились. Отодвинул в сторону шипастую ветку и осмотрел окрестности. Сделал знак бойцам – приступайте, и все задвигались, молча и быстро собираясь для боя.

Дорога в трех десятках метрах под ними стелилась белым, усеянная по обочинам небольшими камнями. Машины жителей с началом войны и появлением русских войск здесь от греха подальше не ездили – могут и подбить ненароком, а военные только недавно освоились в этих местах и начали более свободно передвигаться по этому серпантину. На соседней горе еще достаточно недавно обитал полевой бригадир со своим отрядом, но сейчас там обосновался целый полк федералов, что заняли вырытые до них окопы и укрепления. Сюда они пока не совались.

На пыльной поверхности дороги виднелись лишь следы овечьих копыт да отпечатки ног старого пастуха. Султан знал его. Они с отцом и братьями ездили в это село, когда он был еще совсем мальчонкой. Там их встречали сразу несколькими домами, здесь было гнездо их тейпа. Многочисленные тети закармливали неугомонного мальчишку сладостями, мужчины звали посидеть в свой кружок, хлопали по плечу и говорили: вах, Султан, молодец, настоящим мужчиной растешь.

Султан горько усмехнулся в бороду и скрипнул зубами. Где сейчас все эти люди? Многие из них еще живы, наверное. Хотя вот тетушка Айрам умерла с горя, задохнулась, когда узнала, что русские расстреляли ее мужа. Расстреляли за то, что он просто проходил мимо их части, а кому-то показалось, будто он шпионит. Казахстан пережили, все угнетения от властей перетерпели, а тут... И дядя Сапарби, что торговал орехами и чесноком, отвозя их на продажу в Москву два раза за сезон мешками на своем грузовике. Таких вкусных орехов и такого крупного чеснока во всем Союзе ни у кого не было, это точно. Настоящий нохч, он и вошедшим в его дом солдатам высказал все, что думал о них. За это и поплатился. Конечно, после того, как эти свиньи нашли автомат в его сарае... но какой чеченец без оружия?

А отец самого Султана? Человек, мухи за свою жизнь не обидевший. За что, за какие грехи разбомбили в Грозном жилой дом вместе с людьми, что, слишком высокий был?! Там

жил его отец вместе с младшими братьями. Хозяйки давно уже не было... Что сделали они этим ойрси*? Не захотели покинуть свой дом, в котором жили?..

Чертовы трусы, мерзкие неверные отродья, будьте вы прокляты до последнего вашего внука! Я еще вырежу, убью ваших отцов и сыновей, как вы убиваете наших! Напьюсь вашей крови... Дэла* мне свидетель, он истинный Бог чеченцев, он поможет мне, конечно...

Глаза Султана мрачно полыхнули огнем. Он тоже виноват, он знал, что произойдет в том проклятом декабре, когда у города появились первые танки, сами не понимающие, для чего они сюда приехали и что развяжут здесь... И потом, в январе, там, в Грозном. Но не смог уговорить родных людей уехать обратно в село, где они родились. Им нравилось в Грозном... Гордые были, настоящие нохчи.

Сквозь застлавшую глаза влажную пелену уловил движение на соседнем перевале. Так и есть, ехали машины. Бронетехника. Раз...

Два...

Три...

Все!

Как и было задумано. Султан вознес молитву Аллаху, благодаря за предоставленную радость праведной битвы. Все прогнозы сбылись, и наплевать на все русские вертолеты-самолеты, сейчас он в силах допрыгнуть до любого из них и разорвать прямо в воздухе голыми руками. Да, сейчас...

Усман, до того расставлявший людей на позициях, сосредоточенно смотрел в сторону клубящегося пылью выезда. Ехали медленно, дорога для них наверняка была новой, неизведанной. Минут через десять-двенадцать изведает... Ох, только бы не вернулся вертолет или не подоспела неожиданная подмога, и тогда они наши, со всеми их потрохами. Кто знает, не идет ли где-то позади целая колонна войск с бронетехникой, ведь в этом случае уйти уже вряд ли удастся.

Рыжебородый осторожничал по привычке. Он уверен был в благоприятном исходе этого дела на все двести процентов. Второй за день укол был сделан всего полчаса назад, и откуда-то Усман знал наперед, что произойдет сейчас на коротком повороте горной дороги. С ним такое бывало. Хорошее ширево, даже подрубает немного, хотя вроде и старался не переусердствовать. Мысли параллельно улетали в мир иллюзий, а мозг при этом сохранял полный расслабленный контроль над обстановкой. Да, все будет так, как и задумывалось. Сейчас, еще семь минут. Рыжая щетина расплзлась в благодушной улыбке.

Султан обернулся к помощнику. Увидев улыбку на заросшем лице, хищно двинул бородой и нетерпеливо кивнул.

*Ойрси – русские (пер. с чеченского)

*Дэла – чеченское имя Бога, Аллах.

Усман хорошо знал его таким. Знал и боялся, невольно восхищаясь этим человеком в подобные минуты. Вся его фигура дышала ощутимо плотной силой, а горящие черным огнем глаза Султана метали безумные молнии. Какие эмоции, какие бури чувств сверкали в них, сейчас и не различишь. Было все – и радость, и ненависть, и предвкушение, не было только страха. Султан никогда не боялся своих врагов, не страшился предстоящего боя. Он презирал опасность, влезая со своим отрядом в любые переделки, где только мог. Он воплощал в себе все качества майра* – чеченца, настоящего мужчины. И за это снискал любовь своего народа, так неохотно признающего авторитет кого бы то ни было над собой.

И сейчас можно просто отойти и отсидеться, тем более что отряд здесь далеко не весь, а тем, что здесь, и так досталось в последнее время. Султан не жалел себя и не давал жалости никому. Он считался только с численным перевесом противника. И Усман никогда не видел

того, кого называл братом, сомневающимся или колеблющимся. Если Султан спрашивал совета со стороны, то только для того, чтобы утвердиться в своем решении. Эти решения были продуманы и точны, его влияние на людей огромно, связи крепки и Султан, несмотря на кажущуюся простоту, был превосходным тактиком, хитрым политиком и бесстрашным воином.

Вот поэтому-то главный командир, чье слово здесь – закон, именно Султан. А он, Усман, так, айтту* – правая рука известного полевого командира, о котором отдельно и в Москве по телевизору не скажут. Правда, рука, приносящая удачу. Сам Султан любит это повторять.

И все-таки пленный русский мальчишка на мгновение сумел смутить звериную сущность главаря. Это поразительно, но Усман сам все видел. Не видел бы – не поверил. В том мальчишке и в самом порой самым непостижимым образом проявлялась та самая сущность, совсем не свойственная, по мнению Усмана, русским. Хотя и среди них попадаются упрямцы. В последнее время такие встречаются все чаще...

Хорошо, что Усман оказался настолько хитрым и предусмотрительным, и устроил птенчиков как надо. Вот и посмотрим, последним ли был для них этот час или судьба действительно благоволит к ним.

Пашка, чертыхаясь, со злостью смотрел на приближающиеся машины. Пять минут назад рыжебородый, посмеиваясь своими суженными зрачками, заставил их вдвоем лечь прямо на склоне метрах в пятнадцати под расположившимися в последних от вершины кустах зеленки боевиков. Их уложили за большим камнем, накинули маскировочную сетку, и Усман на русском внятно отдал приказ одному из чеченцев:

– Если хоть один дернется, стреляй обоих.

Чеченец поднял вверх указательный палец и на ломаном русском произнес:

– Ладна! – и тут же взял на прицел Пашкину голову.

Расчет верный. Оставлять кого-то рядом с пленными было накладно – в боевой ситуации все умеющие держать оружие руки были необходимы. Оставлять их одних, пусть даже и связанных, рискованно. Один раз оставляли уже. А здесь они под прямым надзором, и в случае неверного движения их в любую секунду пристрелят.

Предупреждать своих было сродни самоубийству. Пока встанешь, пока скинешь опутавшую тебя сетку, пока поднимешь руки и выйдешь из-за валуна, любой из боевиков, хотя бы вон тот, с намернутым на ствол СВДУ глушителем, выпустит неспешно в тебя все свои боезапасы. Одиночными. И, что обидно, этих щелчков никто из едущих на броне даже не услышит.

Даже если проделать всю операцию за секунду-другую... Нет, бесполезно. Не успеют предупредить ни криком, ни жестом. Склон был сплошь покрыт неровностями, усыпан камнями различной величины, некоторые доходили среднего роста человеку до груди. Стопроцентное самоубийство. Даже если, что очень маловероятно, все стрелки промахнутся, даже (чудо какое), и этот бандит со снайперской винтовкой. Даже если свои от неожиданности не разрядят обоймы во внезапно вынырнувших из-за камня людей в неродных камуфляжах, все одно – шансов уцелеть в перекрестном автоматическом огне просто ноль.

Пашкин мозг лихорадочно перебирал все, даже невозможные варианты. Разом очнувшийся и дрожащий от страха и возбуждения Виталия рядом простонал:

– Не успеем...

Ничего не успеем, хотел добавить Пашка, но времени уже не хватало и на это.

*Айтту – 1. правая рука; 2. удача (пер. с чеченского)

*Майра – муж, смелый, главный (пер. с чеченского)

Машины вынырнули из-за дальнего поворота и въезжали, натужно ревя моторами, на взгорочек, который делала здесь горная дорога. Впереди двигал свое мощное тело Т-80, катя перед собой огромные зубчатые противоминные катки. Танк был старым и опытным зверюгой.

Покоцанное осколками и пулями железо, многочисленные вмятины попаданий гранат и даже снарядов выдавало его длинный послужной список. Следы от минных разрывов, расходящиеся по передку ровными веерами, царапины от осколков – танк был настоящим матерым бойцом. Даже отсутствие активной брони на поверхности, лишь на башне виднелось несколько металлических нашлапок с пластидом, не портило его и не умаляло его строгой, красивой мощи.

Сразу за танком, нащупывающим дорогу, шел армейский ЗИЛ. Тщательно замазанный грязью войсковой номер на борту и кабине, болтающийся на водительском окне бронезиловый и ухающие из стороны в сторону на ухабах брезентовые борта фургона со старой полуистертой табличкой «Люди». Сколько народу находилось внутри, пока было неизвестно.

Замыкал эту миниколонну обычный БТР, нещадно дымя и задыхаясь от утомительной для него езды. Этот отслужил свое еще лет двадцать тому назад, но на списание в зону боевых действий отправили именно его. Впрочем, сюда валом шла вся такая техника. Обычное дело...

На открытой броне сидело всего пять-шесть человек. Обычные солдаты. Возможно, что внутри находился еще кто-нибудь, но это вряд ли. Общеизвестный факт, что в случае подрыва шансов уцелеть больше у тех, кто наверху.

Виталию колотило крупной дрожью. Он повернул усеянное каплями пота лицо к Пашке: – Все равно подышать. Пошли?!

Пашка, до того колеблющийся между долгом предупредить и долгом выжить, больше не колебался. Конечно же, все равно подышать...

Наращение лязга траков и рева многотонного двигателя становилось раздражающе шумным в этой тихой, не выдавшей никогда подобного милитаризма местности.

– Пошли!!!

Пашка дернул тело вверх, опираясь одной рукой о землю, второй хватая край сетки, чтобы сбросить с себя ненавистное иго...

В этот момент над головой что-то оглушающе хрястнуло. Перепонки дернулись от испуга внутрь, забились отчаянной пульсацией где-то глубоко в мозгу. Очень близко, над самой спиной пронеслась ракета от «Шмеля», обжигая открытую шею. Пашка видел тот момент, когда она врезалась в основание танковой башни. Грохот реактивного пехотного огнемета заставил тело панически вжаться в землю. Сейчас ничто уже не заставит его подняться. Даже сам человек, «хозяин» своего тела, не сможет сделать этого.

Вжался в землю Виталия. Сквозь грохот удалось расслышать его стон: «Поздно!...»

Дальнейшее развивалось по секундам, растянутым в вечность. Пока Пашкино тело, повиная вековому инстинкту выживания, прижималось, что было силы к земле-матушке, какая-то часть сознания, не обращая внимания на смертельную опасность, бесстрастно взирала на происходящее, отмечая все детали, находившиеся в поле зрения.

На полсекунды опоздав от первого, грохнул второй огнемет, смел остатки активной брони с башни и накрыл железного зверя ослепительным огнем. Даже на расстоянии Пашка ощутил пробежавшее давление, то, что убивало на пять-десять метров вокруг все живое. Если в танке был открыт хотя бы один люк, то об экипаже машины можно было говорить уже в прошлом времени.

Невдалеке слева тоже сверкнуло в кустах. След от летящего выстрела точно обозначил свою цель – БТР, нутужно рывкнув в последний раз, дернулся развороченным носом в сторону и заглох. Сидящего на командирском месте офицера в шлеме и полевой форме без знаков различия разметало клочьями в воздухе.

Хорошая смерть, восхитилось Пашкино сознание. Всего-то один миг одной маленькой секунды.

И тут с обоих концов зеленки грохнули еще несколько выстрелов имеющихся у боевиков «Мух», ручных и подствольных гранатометов. Чтобы результат был быстрым и однозначным, ценное оружие не берегли, действовали наверняка. Вставшие на дороге внизу машины оказа-

лись беспомощной открытой мишенью для изуверов, наслаждающихся своей мощью. Взрывы гремели один за другим, колонне не давали ни одного шанса. Разворачивались листы бронетехники, словно консервные банки, полыхала дорога, превращаясь в огненно-черный смерч. Кабину ЗИЛа оторвало сразу двумя одновременными разрывами. Остатки кабины и горящего капота безобразно вывернулись на сторону. Даже отсюда было видно, как шипели на раскаленном, обугленном железе капли не сразу сгоревшей в огне солдатской крови.

Сколько сидело в фургоне людей, и кто это был, теперь уже никто не скажет. На землю, на полыхающую огнем дорогу успели с первыми выстрелами выпрыгнуть двое. Первый солдат горел, объятый перекинувшимся на него пламенем. От боли он орал и, держа в руках единственный не горевший АКС, палил без разбора по кустам, откуда велась стрельба. Магазин его автомата не успел опустеть, как очередной разрыв превратил живого человека в черный, откинутый на обочину кусок мяса.

Второй успел броситься на землю. Он полз в укрытие, волоча по пыльной чеченской дороге полуоторванную ногу, еле державшуюся на лоскуте кожи. Кровь густой струей выплескивалась из раны. Обреченный молча, сосредоточенно полз, быстро перебирая локтями, но чья-то очередь настигла его еще на пути к укрытию, и он затих, прибитый к белой поверхности безумными в своей радости освобожденными пулями.

Изуродованный и заглохнувший, казалось бы, навсегда Т-80 неожиданно для всех дернулся. Башня, неловко мотнув израненной головой, с душераздирающим скрежетом начала поворачиваться в сторону атакующих, чем вызвала панические вопли в кустах зеленки. Пашка спиной почувствовал, как начали разбегаться боевики от того места, куда наводился огромный танковый ствол. Выжившим в своей братской могиле танкистам, или одному танкисту, удалось невероятное – горящий изувеченный монстр оглушительно рывкнул, словно старый, изодранный молодыми сородичами лев. Вокруг в секунду взметнулась горящая пыль, и танк заволокло в сажу.

Пашка чуть не заплакал – выстрел оказался бесплодным. Видимо, чудом выжившие в танке не смогли по каким-то причинам точно навести прицел, и снаряд, вызвавший панику в рядах боевиков, пролетел над их головами, над вершиной склона, и умчался куда-то в те места, что отряд прошел еще днем, чтобы одиноко разорваться где-нибудь на покрытом изумрудной травой лугу.

На эту оплошность, либо беспомощность, боевики ответили мощным огнем. Второго шанса они не давали. Из центра засады полыхнул еще один гранатомет и на этот раз лег точно в цель – прямо в башню под стволом, отчего мощный бронехобот заметно изогнуло, делая его окончательно непригодным для ведения огня. Зеленку огласили торжествующие крики.

На этом бой, если можно было так назвать эту бойню, был окончен.

Султан, вытирая с бровей капли горячего пота, возбужденно отдавал приказы. Искал безумными глазами Абу, требовал, чтобы тот вновь зарядил кумулятивным зарядом потертый РПГ-7. Мощные русские РПО «Шмели» кончились... А надо разворотить, разворотить, выдать фарш оттуда...

Усман невольно залюбовался им, на секунду прекратив стрельбу из автомата по укрывшимся за останками БТРа нескольким солдатам. Как-то, непонятно как, им все же удалось уйти с брони, что мгновениями позже превратилась в испорченную адскую сковородку. А Султана даже не интересовали эти русские жучки, беспорядочно расстреливающие остатки патронов по зеленке, по всполохам выстрелов. Ему надо было видеть размазанное по земле железо, ставшую жалкой броню, которая еще минуту назад заставляла предательски сжиматься сердце.

Не успел Абу аккуратно насадить гладкий выстрел на зеленом запале в глубине широкой трубы оружия, как командир, отчаянно ругаясь на своем горском диалекте, вырвал гранатомет из его рук и, вскинув на плечо, выстрелил, практически не целясь. Последний снаряд довершил все начатое дело. Объятый пламенем танк жалобно звякнул от очередного прямого попа-

дания. Кумулятивный заряд пробил, наконец, измученную броню и ворвался внутрь, взорвавшись изнутри белым приглушенным сполохом. Один люк вырвало, и оттуда повалил ничем уже не сдерживаемый черный маслянистый дым.

– Аллах Акбар! – в безумной пляске потрясал пустой шайтан-трубой Султан, упивающийся витающей в воздухе смертью.

Рыжебородый покачал головой, умиротворенно улыбнувшись. Этот горный волк, как всегда, не исправим. Ему и дела нет, что посвистывают где-то рядом пули живых еще солдат.

Старательно целящийся сквозь дым молодой Айдамир испуганно вскрикнул, зажимая ладонью левую руку. Пуля угодила в мякоть плеча. Усман быстро разрезал своим кинжалом рукав, оглядел рану профессиональным взглядом. Махнул рукой успокаивающе – пустяк, мол, не паникуй. Жестом указал Абу – займись командиром, прикрой. Нашел глазами одного из боевиков:

– Перевяжи его, – хлопнул страдальчески сморщившего лицо Айдамира по спине. Осмотрелся, проверяя, все ли целы, все ли на местах. Пока Султан в экстазе, это его время, время думать о людях и отдавать приказы. Султан потом может что-то отменить и отдать новый приказ, может, более лучший и правильный, но пока необходимо давать понять бойцам, что командиры в этом отряде всегда держат контроль над любой обстановкой.

Жук-Абу исполнительно заполз перед стоящим Султаном и встал впереди, закрывая его от шальных пуль.

Взрывы больше не повторялись, в них больше не было никакой необходимости. На дороге вся техника была полностью раскурочена. За подбитым и поникшим Т-80, от которого целыми остались только противоминные катки-колеса, дымились останки шасси ЗИЛа, держащаяся на нем как-то дуга с обрывками тлеющего брезента, и растрепанная в лохмотья кабина. Загнутые на осях колеса продолжали гореть, источая жирный потрескивающий чад. Больше от него ничего не оставалось, если не считать горящие ошметки вокруг.

Горел БТР, горел страшно. Он будет гореть еще весь этот день и всю ночь этим бессмысленным, лижущим солярную броню ленивым огнем. Догорал в сорванной башне наводчик разорванным надвое телом, уставив выгоревшие глазницы на яркое солнце и оскалившись сморщенным, черным лицом.

На дороге притаилось пять трупов в зеленой полевой форме. Смерть застала каждого в различных позах. Даже после смерти их еще не оставили в покое. В тела впились пули, их отшвыривало из стороны в сторону взрывами. Это боевики пытались достать еще живых, укрывшихся на другой стороне дороги за валунами. Сразу за ними шел резкий обрыв, и гранаты не достигали своей цели, скатываясь за их спинами и разрываясь далеко внизу. От пуль и осколков неплохо защищали природные укрытия и остов БТРа, но перевес был не на их стороне. Усилилась автоматическая стрельба, и сопротивление с каждой секундой становилось все слабее. На массированный огонь боевиков там вспыхивали одиночные разорванные огоньки выстрелов. И, кажется, они вспыхивали все реже.

Усман резко отдал приказ не применять больше никаких гранат. Они либо перелетали через обороняющихся, либо взрывались прямо на дороге, закатываясь в ямки и близкую канаву, отчего некоторые осколки летели обратно, противно жужжа над головами самих атакующих.

Почти к самому камню, где лежали пленные, подполз толстый рябой наемник с ПКМСом и, установив сошки пулемета в нескольких метрах от Пашкиной головы, принялся поливать местность внизу очередями. После каждой короткой остановки пулемет мощно звякал металлом, и Пашкино сердце вдыхало пороховой угар и снова напрягалось при очередной руладе отдающей патроны ленты.

Зажигательные вперемишку с трассирующими патроны 7, 62 чертили сплошные линии сразу над Пашкиными спиной и головой, чуть не касаясь тела. Тело вжималось в землю и сто-

нало от страха подошедшей вплотную глупой и злобной Смерти, играющей с бывшим солдатом. Только сейчас Пашка понял, что он действительно бывший...

Если бы он мог хоть на миг схватить оружие и обратить его назад, в рябого, трясущего жирным лицом пулеметчика, в орущего наверху в экстазе главаря, во все эти бородатые рожи, он еще мог бы умереть, сохранив звание солдата. Теперь он превращался просто в беспомощного мальчишку, лежащего под сплошным свинцовым дождем и не имеющего в себе силы поднять голову и быть убитым хотя бы таким образом. Пашка знал, что когда он поднимется с этого места, под ним на земле будет большой отпечаток его тела. Так бывало уже не однажды. Земля отчетливо покажет его страх, его дикое желание закопаться, уйти под землю, слиться с ней. И Она покажет свою родительскую заботу, давая место в себе страшющемуся живому существу.

Время от времени снизу еще отвечали редкими сполохами, но вскоре и они прекратились. Боевики какое-то время разряжали свое оружие, давя на спусковые крючки. В воздухе стояла сплошная трескотня, многократно усиленная близлежащими горами. То и дело над лежащими пленными проносились со своим характерным жужжанием пули. Впивались в землю, очередями били в камень, отсекая куски базальта и уходя с противным присвистом в сторону. Если слышишь пулю – она не твоя, вспомнилась солдатская присказка. Одна тут же, словно в ответ, шмякнулась сочно как раз между двух тел. Виталя вздрогнул болезненно и сжался еще сильнее.

Пулеметчик отчего-то дернулся. Пулемет на сошках ушел слегка вперед, отчего очередная линия смертоносных пуль прошла рядом с Пашкиным боком и дальше, рядом с головой. Земля и мелкие камешки посекали кожу на лице, но боли он не почувствовал. Краем сознания он продолжал отслеживать обстановку. Неужели эти уроды еще не поняли, что стрелять им уже не в кого?

Увлечлись.

Завязывайте вы с этой пальбой...

Как все-таки ужасно ждать, что вот-вот... В тебя...

От БТРа уже никто не стрелял.

Послышался перекрывающий стрельбу приказ Султана. Приказывал прекратить стрельбу. Трескотня начала затихать. Последними прекратили стрелять арабы на том конце зеленки. Вокруг повисла напряженная звенящая тишина. Спустя секунды оглушенные уши начали различать треск горящей резины и гул огня, лижущего броню бронетранспортера.

Еще одна, на этот раз негромкая команда – и из зеленки, осторожно ступая, вышли несколько человек. Держа на прицеле горящие машины, направились в сторону горящего БТРа. Оставшиеся в зеленке прикрывали вышедших. Те скрылись в дыму. После нескольких секунд тишины оттуда раздался победные возгласы.

Султан спокойно вышел на открытое пространство и зашагал в ту сторону. Рядом семенил Абу, на ходу озираясь и поправляя сбившийся на бок тюрбан. Распихивая по карманам разгрузочного жилета пустые магазины, за ними двинулся рыжебородый, и все остальные, уверившиеся в своей окончательной победе.

Командир на мгновение остановился возле пленников, накрытых масксеткой и лежащих без движения. Жук поспешно откинул сетку, а подоспевшие конвоиры рывком подняли пленных на ноги.

Усман с удивлением оглядел обоих. Ни царапины. Валун рядом был со всех сторон испещрен пулевыми отметинами, земля взрыхлена пулями и осколками. Сам думал, стреляя поверх их голов, что надежды увидеть пленников живыми просто нет. По идее, в этой мясорубке они должны были превратиться в фарш.

– Аккуратно сработано, – засмеялся он, повернувшись к бойцам, – молодцы.

Султан двинулся дальше, недовольно бросив через плечо:

– Если бы мы так долго не возились уже с этими ублюдками, я бы расстрелял их прямо сейчас.

– Ты прав, брат, – отозвался рыжебородый, – еще пригодятся.

Усман верил в Провидение. Если эти два русских до сих пор живы, значит, так надо. Умертвить их не сложно. Он посмотрел на подошедшего Ахмета. Тот покачивал бритой головой, разглядывая пленных и побитый пулями камень. Вот Ахмету нравится возиться с ними, вот пускай и возится.

Пашку немного пошатывало от пережитого, но в целом он чувствовал себя нормально. Выброшенный в кровь адреналин заставил забыть усталость и боль. Рядом подрагивал всем телом Виталья, словно в этот солнечный день ему внезапно стало очень холодно.

Во впадине за дорогой, у останков БТРа послышались еще восторженные вопли и нескончаемые восхваления Аллаху. Вслед за этим опять затрещали очереди. На минуту налетевший с вершин ветерок отогнал черный дым, валивший от горящих машин и Пашка смог увидеть, как боевики расстреливают уже убитых солдат. Невольно усмехнулся горько. Неужели так страшно, что вновь поднимутся?

Затем главарь и его чеченцы отошли, а их соратники из Аравии и Афганистана бросились, как падальщики, к окровавленным и превращенным в лохмотья трупам, на ходу доставая свои ножи.

Пашка зачарованно следил, как черные руки радостно и умело отрезают у убитых носы, уши, сдергивают с гиканьем штаны. Потом, чувствуя, как что-то душит его, заставил себя отвернуться.

Один из молодых абреков закричал, указывая на горизонт, где начиналась дорога. Над перевалом, откуда появились теперь уже разгромленные машины, появилось облачко пыли – верный знак того, что сюда еще кто-то едет.

Султан не желал и минуты здесь оставаться, чтобы увидеть, кто бы это мог быть. Какая разница – основная ли колонна, следующая за погибшим саперным расчетом, подмога ли с близлежащей высоты от русских вояк – ничего хорошего эта встреча уже не сулила. Султану хотелось бы продолжить бой, но завязывать его – самоубийство. С минуты на минуту здесь могут появиться вертолеты, неожиданная помощь, а может, и еще чего похлеще. Нельзя забывать, что русских все же больше, намного больше. С этим необходимо считаться, хотя подавляющее их большинство воевать практически не умеет. Вот и нечего их учить. Надо торопиться...

Крикнув арабам, чтобы заканчивали с забавой, отдал приказ забирать все оружие, вещи, и уходить.

Усман дублировал приказы, дополняя их по бригадам:

– Трофейное оружие забирайте, кто меньше нагружен. Возьмите по автомату. Вот тот пулемет, Абдалла, пусть возьмет кто-нибудь из твоих! Меняйтесь, если тяжело. Старайтесь ничего не выкидывать и не терять. Мы успеем, мы все успеем! Заряжайтесь здесь, сразу, на ходу – потом сможете только стрелять задом, если сейчас этого не сделаете. Быстрее, мужчины, быстрее! Весь мусор, еду – бросайте здесь. Я сказал – бросайте еду! Пускай ее шайтан жрет за наше здоровье, или русские пускай покушают – они вечно голодные, эти свиньи. Они сейчас и своих обглодают, а чего – они жареные, теплые еще... Бохкорт, пару растяжек – живо! Скажи своим парням, чтобы подсунули пару лягушек под трупы. Да быстрее, быстрее же! У кого Айдамир? У Идриса? Идриса нет, Магомет, позаботься о нашем воине, чтобы Абу не отвлекать от командира, проследи за парнем, ладно?.. Все, уходим! Ахмет, бери пленных, бегите уже отсюда с этими корягами. Не отставайте от нас. И не нагружай их, не надо, а то сдохнут в дороге. Мы не для того их берегли...

– Уходим! – каркнул Султан, – Аллах велик и сила его безгранична! Мы хорошо поработали. Теперь можно и к себе, на отдых.

– Аллах велик! – слышались воодушевленные крики.

– Этот отдых нужно заработать быстрым бегом, не забывайте об этом! Аллах не жалуется нерасторопных, – каждая реплика рыжебородого вызывала дикое веселье боевиков.

Ахмет тем временем говорил Пашке и Витале, внятно проговаривая каждое слово:

– Бежать быстро, дышать глубоко. Упадете – смерть, отстанете – тоже смерть, – и подтолкнул обоих к дороге. Тут же за ними двинулись и оба следящих за ними чечена.

Вся банда, то и дело довольно оглядываясь на место разгрома, направилась вправо, пересекая дорогу. Уходили через низину вдоль аула, к следующей горе. На краю далекой деревушки уже успели столпиться кучка ребятишек и несколько женщин. Мужчин было мало. Стремящийся быстрее уйти отряд ускорил движение, перейдя на ровный, размашистый бег.

Пашка двигался без особого напряжения. Ровно дышал, втягиваясь в ритм, и глядел под ноги, чтобы ненароком не оступиться на изобилующей кочками и ямами местности. Витале бежал рядом. К Пашкиному облегчению, держался он нормально и переставлял пока ноги достаточно бодро. Для удобства Ахмет расстегнул им по одной руке, и теперь они могли посвободней двигаться рядом, прикованные цепочкой к ближним рукам и могли двигать расстегнутой.

Султан понимал всю грозившую им опасность. Сейчас они находились на открытом месте. Между двумя взгорьями, поросшими густо зеленкой, в низине находился аул. Это место просматривалось с воздуха со всех сторон. Поэтому как можно быстрее надо было уводить отряд к спасительной зелени горы напротив. Оглядываясь на бегу, он порывал что-то себе в бороду и окидывал взглядом небо, горы позади, и свой немного растянувшийся на бегу отряд. Пленные русские бежали позади, но не отставали, не замедляли ход. А тот, что покрепче, что выжил тогда, еще и подстраховывал второго, помогая бежать. Хорошо бежал, зря силы не тратил. Замыкали движение Ахмет и два его помощника.

Отставал лишь, Сулейман, пулеметчик. Бегал он хуже, чем стрелял, а непозволительно жирное для ножа тело очень мешало ему сейчас. Впрочем, оно ему всегда мешало. И еще эти коробки с пулеметными лентами, что, помочь некому было? Словно в ответ на мысли командира, высокий Ахмет подождал Сулеймана, слегка замедлив свой бег, и забрал две коробки. Для этого второй автомат ему пришлось закинуть за спину.

Потом Султан обернулся еще раз.

Русский щенок, на бегу оглядываясь, протягивает назад свободную руку, указывая на коробки. И Ахмет, недолго раздумывая, пихает ему в руку одну. И щенок бежит дальше, неся зеленый металлический футляр с четырьмя сотнями пулеметных патронов в ленте. Шайтан вас обоих разгрызи, они что, уже сговорились? Что там Усман говорил?..

В воздухе начал нарастать громкий противный рев. Султану даже показалось, как далеко на соседних горах, в нескольких километрах отсюда, вздымаются те самые красно-огненные всполохи. Наверное, уже успели передать координаты столкновения и направление ухода отряда. Первый разрыв пришелся в аккурат на то место, где устроили засаду. Зеленка содрогнулась и заволочлась разрывом, словно саваном.

Плакал наш тайник, скривился Султан, либо найдут, либо сравняют его с землей прямо сейчас. Да ладно, дело того стоило. Пусть не чувствуют себя в безопасности нигде. Нигде...

Ракеты «Града» начали свое, разрывы мощнейшей силы пошли рваться по зеленке в шахматном порядке, уничтожая все живое на расстоянии пятидесяти гектаров вокруг. Небо заволочло пылью и сажей. Одной зеленкой дело не ограничилось. Следующие разрывы двадцать пошли по следам отряда, почти настигая его.

Пашка почувствовал неприятные колющие мурашки по спине, слыша, как все ближе подбигаются разрывы. Просчитав, решил, что эта порция их не достанет, зато следующая, если начнется, может окончательно решить судьбу всего отряда и расположенного здесь же аула, вдоль окраины которого они сейчас бежали. Пыхтящий рябой пулеметчик догнал Пашку, испу-

ганно тряся вторым подбородком. Пашка открыто усмехнулся ему в лицо. Страшно, толстая рожа?

Султан чуть пригнулся, услышав, как высоко над головой вибрирующе пропищали стальные шарики, которыми наспигованы боевые части ракет. Русские не берегут боеприпасов на них, хотят достать наверняка. Молодцы, но для этого им придется снести с лица земли и аул. Это они могут. Вот сейчас и посмотрим, насколько сентиментальны командиры да главнокомандующие...

Накрывающие местность разрывы прекратились так же неожиданно, как и начались. Султан усмехнулся. Усман рядом, поводя головой поверху, по садящейся на землю пыли, засмеялся радостно, словно ребенок. Молодцы эти русские, опоздали, как всегда. Неудачники...

Первые группки отряда уже входили в густую зеленку и там уже переходили на шаг, поджидая, когда подтянутся остальные. Даже если вновь появятся вертолеты, это будет хуже только для них. Из этих джунглей можно снять любую вертушку, продолжая оставаться незамеченными. И вслед никого не пошлют, не рискнут. Хотя опять же, кто их разберет, этих русских.

Пашка вбежал в тень высоких кустов, за ним, оглянувшись в последний раз, появился Ахмет с охранниками. Последним зашел Сулейман, в изнеможении вытирая льющийся по лицу пот своей камуфлированной кепкой. Отряд перешел на быстрый шаг и неуклонно удалялся от некогда цветущей низины, превращенной во вспаханную горящую землю.

Пашка почти и не запыхался. Витале пришлось тяжело, он шел, морщась и сплевывая на землю, но и он держался. Рядом шагал Ахмет, ровно дыша через нос. Крепкий малый, восхитился Пашка. Жирномордый пулеметчик плелся позади, вместе с конвоирами. Те забрали у него последние коробки, облегчая ношу.

Думать о том, что произошло несколько минут тому назад, не хотелось. Это было еще совсем нереальным, настолько непривычным, что не укладывалось в голове. До сих пор Пашка видел войну только с одной стороны, никак не думая о другой. Сейчас довелось увидеть все совершенно по-другому... Конечно, он подумает об этом всем, но потом, не сейчас. Сейчас все-таки не до того. Надо двигаться, надо помогать и подбадривать Виталу, чтобы не сдал раньше времени. Неизвестно, сколько еще шлаться по этим горам, по всей видимости, еще нормально переть. Никто о близком отдыхе и не помышляет.

Чтобы отвлечься от досаждающих мрачных мыслей, припомнил, что в былые времена приходилось и хуже. Сейчас хоть никто не требует ползать по-пластунски и передвигаться «лягушкой»...

С десяток окутанных паром фигур в пятнистых камуфляжах подбегали к своей части. Бежали издалека, после двухчасового бега по лесу.

– Ну-ка, подтянулись! – рыкнул Инструктор.

На бегу все выстроились в две коротенькие колонны.

– Последний километр до полка на скорость! – скомандовал солдатам, – там строимся. Последнего пробиваю! – заорал он сорвавшимся бойцам.

Пашка, набирая обороты, несясь так, что воздух вокруг зашумел, свистя в ушах под «сферой». Быть пробитым Инструктором, хорошо зная его удар, никому не хотелось. Андрюха, резко хекнув, обошел Пашку, и даже не оглянулся. Еще один высокорослый легко обошел его, только длинные ноги в спецназовских берцах мелькнули впереди, разбрызгивая воду сплошных ручьев из снежной оттепельной каши.

Почувствовав, что отстает, напряг все оставшиеся силы и вдарил остаток метров в сто спринтерским рывком, не чуя собственных летящих ног.

Есть! Удалось. На этот раз Пашка не стал последним, за ним оказались еще двое – Бабай с Греггом, почему-то отстали. Бывает...

Пашка тормознул у поворота в полк и, дыша вздохом, оперся руками о колени, нагнувшись и сплевывая тягучую, с привкусом холодного воздуха и задубевшего горла слюну. Рядом в той же позе стоял Андрияха, пытаясь отдышаться. Хлопнул Пашку по сфере.

– Нормально, – только и смог сказать товарищу.

У поворота уже ждал Замок, угрюмо глядя из-под бровей, презрительно раздувая ноздри и раскачиваясь на худых, крепких ногах.

– Медленно бегаешь, щенки, – сказал он.

У всех бойцов учебного взвода похолодело внутри.

– Заебетесь у меня, – пообещал Замок и направился к Бабаю, которого уже пробивал прямыми ударами ногой в живот Инструктор.

Остальные выстроились по направлению к плацу и молча смотрели на обещанные «пробивания», в глубине души радуясь, что на этот раз удалось избежать участи Бабая. Самому же Бабаю посочувствовали лишь мельком, зная, что в течение дня каждый из них и весь взвод будет еще пробит далеко не единожды. Такова уж служба, таковы сержанты. Каждый день – на выживание.

– Учебный взвод, отжимаемся! Нечего батоны расслаблять, – через секунду после инструкторской команды весь десяток уже стоит на кулаках на асфальте, отсчитывая повторения.

Крепыш Бабай изо всех сил пытается держаться, резко выдыхая на удар и стараясь устоять, но после раза пятого скуксил лицо и все-таки осел на мокрый асфальт, хватая ртом воздух.

– Ты чего, щенок? Все, что ли?

– Встать, ушлепок, – произнес подошедший Замок, – дай-ка я его разбучу...

Инструктор согласно кинул и отошел в сторону.

Бабай, опираясь руками о землю, вставал, выгадывая каждую секунду для отдыха.

– В кибу! – команда Замка была выполнена безупречно, – руки за спину.

Замок пробивал один из самых жестоких ударов, пришедший в русский спецназ из тайского бокса и прижившийся, как родной – лоукик. Кость бывшей поверхности голени обрушилась на бедро полусогнутой ноги Бабая, прямо в «девятчку» – Бабай выкатил глаза от боли. Рука, спрятанная за спиной, самопроизвольно потянулась к отбитому месту.

– Сломаю же, придурок, – дружелюбно предупредил Замок и врезал второе лоу в ту же точку на ноге.

Бабай только ахнул от боли и грохнулся подвернувшейся ногой на асфальт. Пашка поморщился – недавно от такого же удара, правда, от Старшины, он чуть не потерял сознание от боли, левая нога до сих пор желто-черная, смотреть страшно. А Старшина, в просторечии Буйвол, Кузнецову вообще ее сломал. Сам удивился потом, но поздно уже было. Фельдшера до сих пор не поверили. Говорят, что берцовая кость после лобовой самая крепкая в теле. Объясните это Буйволу... А по полку пошел слух, что духов в группе ломами калечат за какие-то неслыханные косяки.

Замок равнодушно отвернулся. Приблизился Инструктор.

– Встать! – на этот раз команда была произнесена для всех, – расслабились, и будет. Через плац бежим стройненько, в ногу, не надо делать измученных лиц, а не то я вам точно устрою адские муки. Сразу в спортзал, и чтобы через пять минут я вас ощущал переодетыми и спортивными, – сострил Инструктор, – бегом... Марш!

Ковыляющего Бабая подняли, всунули в середину строя и, поддерживая за локти, побежали в ногу через большой плац полка, расположенный посреди кирпичных зданий казарм и штаба. Дробно ухали берцы о мокрый асфальт, эхом отражаясь от камня армейских стен.

– Четче... Шаг! – подал команду Замок.

Уханье спецназовских ботинок превратилось в грохот. В некоторых окнах показались солдатские лица, мотая головами и радуясь, что не им пришла самоубийственная мысль попросить послужить в этой безумной группе. Впрочем, далеко не каждого брали. Спецназовцев в полку боялись, ненавидели и... гордились ими.

Когда пробежали штабные окна, Инструктор заорал на подопечных, пнув последних:

– Бегом в зал, сынки! Вам две минуты осталось, чтобы переодеться и построиться.

Взмыленные бойцы ломанулись в раздевалку. Быстро скидывая камуфляжи и бронежилеты, искали в шкафчиках спортивную одежду и обувь поцелее. Комплекты были общими, поэтому – кому что достанется.

Пашка улучил несколько секунд и забежал в туалет, глотнуть холодной воды из-под крана. Сзади хрястнул по шее неслышно подошедший Первый сержант. Пашка поперхнулся.

– Сколько раз, Пашков, вам говорить, чтобы не пили воды на занятиях? – спросил он у вытянувшегося в струнку солдата. Пашка моргнул, на душе стало тоскливо. А когда ее пить, если занятия продолжаются круглые сутки? Будто сам не знаешь, сержант.

– Давай в зал, строиться, – махнул рукой Первый и вышел.

В раздевалке Андрюха быстро и зло завязывал шнурки на стоптанных кедах.

– Хана опять нам всем, – сообщил мрачно Пашке, – Летеха здесь...

Стало еще тоскливее. Летеха, как звали между собой бойцы старшего лейтенанта, командира учебного взвода, слыл натуральным зверем как в обращении, так и в обучении. Всегда баловал своих бойцов всякими примочками в плане тренировок, физухи и рукопашного боя.

Сейчас он проводил тренировку с дедами во второй половине зала. Несколько пар вели жесткий спарринг на татами, некоторые колотили многочисленные груши и макивары, а кто отрабатывал боевые связки и комбинации на лапах с партнером или вели воображаемый бой с тенью.

Учебный взвод выстроился в первой половине зала, напряженно глядя во вторую. Если Летеха не дает покоя дедам, то что же говорить о них, смертных.

Лейтенант огромными, бесшумными шагами подошел к строю, оглядел цепкими черными глазами замерших солдат.

– Учебный взвод специального назначения с тактических занятий прибыл, построен на занятия по рукопашному бою в количестве девяти человек. Замоквзвода старший сержант Соловьев, – отпартовал Замок.

– Вольно, – сказал Летеха и поморщился, – слушай, Соловей, какие-то они у тебя еще не уставшие, а?

– Виноват, – еще больше насупился Замок.

– И где еще люди? – продолжал Летеха, – если мне не изменяет память, то их должно быть тринадцать.

– Двое в наряде по группе, один с черепной травмой в медчасти, еще один – там же, со сломанной ногой.

– Буйвол постарался, – заметил Летеха, – так и говори.

Замок усмехнулся уголком рта и пожал плечами.

Командир взвода вцепился глазами в строй.

– Бабаев!

– Я!!! – Бабай пытался придать голосу нужную твердость, получилось плохо.

– За что Старшина сломал ногу твоему товарищу? – вкрадчиво спросил у солдата.

Бабай замешкался на секунду. Строй замер. Замок тяжело посмотрел на молодого, ноздри начали раздуваться.

– А... Это... А разве он не сам ее себе сломал? – вперил хитрые азиатские глаза в своего командира.

– Я не знаю, я у тебя спрашиваю, солдат. И как самому себе ногу можно сломать, а?

– Шел по взлетке, нога подвернулась, вот и сломал. Я его уже лежащим видел, товарищ старший лейтенант.

– Ясно, – Летеха отвернулся от него и посмотрел на Замка.

– Да, Буйвол лоу не рассчитал. Но за дело... А череп второму на спарринге вчера расшибли, костные швы разошлись. Врачи говорят, не раньше месяца-двух.

– Долго, – недовольно произнес Летеха, – самое сладкое пропустит. Всех бойцов мне покалечите, – при этом грозно сверкнул глазами, – а остальных я докалечу.

– Что, сынки! – зычно огласил зал двухметровый лейтенант, – думаете, прошла пара месяцев и вы уже законно в группе? Как бы не так! Чем вас меньше, тем мне приятней. Будь моя воля, я бы вообще никого из вас не оставил, ну, может, человека-двух, – при этом он не посмотрел ни на кого конкретно, – а пока, дрищи, разминка и занятия. Как всегда – четыре часа, – взглянул на часы, – не уложимся, готовьтесь. Ужин можно и отложить на часок, повара подождут. Будем дотягивать вас до уровня... Вокруг зала бегом... марш!

Так называемая разминка длилась около получаса. Движение на бегу с ударами, мгновенные перемещения по команде голосом или хлопку, отходы и движения вперед с круговыми махами ногами, кувырки с принятием стойки во всех направлениях по неожиданной команде и многое, многое другое, идущее без перерыва – офицер группы спецназа был неистощим на новые техники тренировок, ни разу не повторяясь и ни секунды отдышки не давая своим бойцам.

Затем около часа длилась одна только ненавистная всем «коробка». Всех бойцов выстраивают в стройные ряды на некотором расстоянии друг от друга, и в такой квадратной конфигурации они отрабатывают удары и связки, по много раз повторяя одно и то же движение. Отработка нудная, под каждый счет. Первый в первом же ряду считает до десяти, на каждый раз – удар или связка, затем счет переходит к другому, третьему, и так раз за разом. Это могло тянуться часами, пока Инструктор не задавал новый удар-связку.

На коробке Летеха ушел на вторую половину, предоставив Замку с Инструктором волю действий.

– Мае, два ски! – шла команда, – стойка – левая боевая!

Счет начинался снова, и прямой удар ногой с последующими двумя прямыми руками делался сотни раз. Ноги нещадно жгло, руки отсыхали, но сержанты требовали все большей четкости, быстроты и лучшей техники ударов.

Пашка, как не вышедший ростом, стоял в последнем ряду. Рядом пыхтел Бабай, за ним худой Грег и Сеня – серьезный светловолосый пацан с Алтая. Раньше этот самый удар мае-гери у Пашки совершенно не получался. Вот намучился он – перед ним ставили высокую табуретку, и он был вынужден задирать колено высоко, как только мог, для того, чтобы ударить. Когда задетый табурет с грохотом падал, Пашка был нещадно бит сержантами. С тех пор Пашке уже довольно неплохо поставили ноги, и уже не придирались попусту на занятиях.

Спереди всаживал удары в воздух Андрюха, старающийся каждый раз, как только Инструктор не видит, закосить и ударить не в полную силу. Да, конечно, все старались беречь силы тем или иным образом. Иначе никаких сил не хватит выдержать все это. В первом ряду размеренно месил пространство Сашка Головастик. Вот, видимо, у него свело судорогой бедро, и он остановился, принявшись лихорадочно тереть ногу.

– Взвод, с тыла, – заметив заминку, рывкает Инструктор, – из-за Головастика отжимаемся. Тридцать раз на скорость!

Взвод рывками отжимается от пола, стоя на кулаках.

– Встать, – вновь подает голос, – левая боевая! Маваша с ближней ноги, левый боковой, правой снизу и маваша с дальней! Счет пошел!

Размеренное, изнуряющее месиловое продолжается.

И продолжается.

И продолжается...

И продолжается...

Разнообразие вносит Летеха, вернувшись от дедов. Пашка замечает, как во второй половине зала облегченно мотают головами, блестя торсами, мокрыми от пота.

– Ну-ка, – поблескивает он глазами, – тесты рейнджеров!

Взвод снова бухается на пол и принимает упор лежа, на кулаках, поставленных рядом. Инструктор достает секундомер. Засекается время.

Первые две минуты проходят достаточно быстро и легко.

– Правую руку поднять!

Все поднимают и отводят в сторону правую руку. Стоять сразу становится ощутимо тяжелей. Проходит еще две минуты. Кулак нестерпимо ломит. Все тело начинает дрожать от напряжения, усиливающегося с каждой секундой.

– Правую ногу в сторону!

С этого момента и начинаются те самые так называемые «тесты рейнджеров». Пашка шатается, с трудом удерживая равновесие и стараясь не обращать внимания на нарастающую дикую боль во всем теле. Кулак, кажется, сейчас расплющится от веса, а мышцы так и останутся в таком затвердевшем виде навсегда.

Как же больно, блин. Какой садист все это придумал?..

– Перед собой смотрим, сынки! – повышает голос Летеха, поглядывая на секундомер, который он забрал у Инструктора.

Пашка пытается приподнять голову. Но оторваться от пола, от вида того, как капают на крашенные доски с кончика носа капли пота, невозможно.

Кто-то кричит, кто-то уже стонет. Лейтенант со своими сержантами ходят между рядов, следя за чистотой исполнения. Кто-то не выдерживает, рука подламывается, и он падает, громко стукнувшись скулой об пол. Пашка кидает косой взгляд. Сеня...

Инструктор бьет тому сверху кулаком в голову.

– Пока он встает, счет морозится, – Летеха нажимает на секундомер.

Учебный взвод это и так знает. На Сеню шипят, прекрасно понимая, что это бесполезно. Крикание и стоны становятся все сильнее. Сеня старается как можно быстрее встать в прежнее положение, чтобы из-за него не страдал весь взвод.

Пашка чувствует невыносимую боль и слегка опускает таз, надеясь, что никто этого не заметит.

Неизвестно как оказавшийся рядом Летеха со всей дури бьет ногой в напряженный живот. Пашка переворачивается в воздухе и падает на Бабая.

– Пашков, скотина, тебе что, не стоит? – участливо спрашивает у бойца – все стоят, а ты – нет? Ждем все, пока Пашков встанет.

Кто-то тоже не выдерживает и падает на пол.

– Я подожду, – говорит Летеха и садится на скатанный у стены спортивный мат.

Сержанты быстрее заходили по рядам, рыча и раздавая тумаки. Только так, через страх можно заставить бойцов пересилить свою боль, выстоять через мучение. Кто-то стоит все это время, а кто-то падает и встает, падает и встает. А секунды с каждой заминкой останавливаются... Никого не волнует одиночный результат – коллектив должен составлять одно целое.

Наконец проходят эти растянутые две минуты, и положение фигур наконец меняется. Теперь уже левая рука отводится в сторону, стоят на правом кулаке и обеих ногах. Через две минуты поднимается левая нога. Все уже с криками боли пытаются выстоять, и кое-как, с грехом пополам, выстаивают и эти две минуты, растянутые, наверное, на все пять.

– Встать! – долгожданная команда.

– На татами бегом все!

– Быстрее, сынки!!! А то в быстроте сейчас тренироваться будем!

– Дедам – занятия по собственному плану, – Летехино разрешение встречается старослужащими довольными ухмылками набитых за время службы лиц. Расходятся кто куда – кто к железу, штанги- гантели тягать, кто груши молотить в свое удовольствие, кто-то занялся растяжкой. Лютый и Толян – два мастера спорта по борьбе – начали растирать себе уши, готовясь повозиться друг с другом. Пашка завистливо смотрит на них, думая о том, когда еще доведется ему услышать такую команду – по собственному плану... Вот ведь лафа!

А пока счастье не прет, все отрабатывают акробатику. Сальто с мостиком, без мостика, подъем с пола разгибом, фляки вперед и назад, через высокого коня и стоящего на «мостике» выгнувшегося товарища. Все идет без перерыва, и Пашка чувствует, как забиваются ноги, становятся после каждого раза все неповоротливее.

Сегодня Летеха, конечно, приготовил молодежи новое испытание. Что-то новенькое – несет АКМ с пристегнутым к нему устрашающего вида штык-ножом. Садится на татами, расслабленно вытягивает ноги и упирает автомат прикладом в пол.

– Прыжок через своего командира и штык-нож с приземлением на руки и кувырком. В конце – стойка, не забываем. Первый поше-ол!

Бойцы отчаянно прыгают с короткого разбега через сверкающий сталью острый нож. Прыгнув, кувырнувшись, принимают на мгновение боевую стойку и бегут назад, опять становятся в быстро движущуюся очередь и прыгают снова.

Время от времени Летеха меняет положение, все больше усложняя задачу. То ставит АКМ вперед на вытянутых руках, то позади себя. Наконец, ложится своим громадным телом на спину, а приклад упирает в живот.

К этому моменту Пашка чувствует, что ноги непоправимо забились. Несмотря на весь свой страх перед Летехой и нежелание напороться на нож эту длину и высоту ему просто физически не взять. Там высота одна чуть ли с Пашкин рост, виданное ли дело. Но Летехе и сержантам этого не скажешь. Лучше уж на сталь напороться, честное слово.

Так и получается. С отчаянием оттолкнувшись обеими ногами и вытянув руки вперед щучкой, с ужасом ощущает, что не вытягивает и вот-вот, уже падает на острие прямо животом.

Холодная сталь уже коснулась тела, когда внешне расслабленный лежащий лейтенант резко бьет по низу приклада, отчего автомат моментально падает вбок, уходя от кожи в каком-то микроне, наверное. При этом сам Летеха резко поднимает ноги, бьет ими на лету Пашку в брюхо, отчего тот летит еще несколько долгих метров. Перекувыркивается несколько раз. Останавливает его только стена, украшенная в спецовском духе – под летнюю расцветку камуфляжа «тростник».

Офицер, сделав кувырок назад, легко оказывается на ногах, с АКМом в руках. Мрачно заявляет Пашке:

– Мудак! – и отправляет его крутить сальто на месте в дальнем углу татами.

Обидно, но ладно, хоть пробивать не стал. Остальные еще какое-то время прыгают, и занятия после этого плавно переходят непосредственно к спаррингам. Пашке становится страшновато. Обычно спарринги в самом конце. Сегодня начали слишком рано. Дожить бы до конца сегодняшней тренировки...

Деды подтягиваются поближе.

Всем одевают боксерские маски и перчатки, Летеха сам расставляет бойцов по парам. На татами пока только один учебный взвод, хотя деды уже начинают натягивать перчатки на руки. Не очень хороший знак. Резкая команда:

– Покажите мне драку! Бой!!!

Начинается молотилово. Солдаты нещадно лупят друг друга руками и ногами, зная, что если ослабят напор, то их будут бить другие. И еще – это тот самый миг, когда можно попытаться сорвать свою накапливающуюся злобу, сорвать на таком же, как ты, бесправном «духе».

И на татами ты на равных с любым из дедов, даже с самим Летехой... но об этом думать не хочется.

Здесь, в этом зале, свои правила. Никаких правил. Кроме одного, конечно, чисто мужского – запрещены удары в пах и укусы. А жаль, что зубами рвать не дают, мелькает дурацкая мысль, кажущаяся сейчас оправданной. Как шансы повысились бы.

Деды подбадривают молодежь в свойственной им манере:

– Грег, лоу, лоу бей, суши Васильеву ногу! Вперед иди, Бабай, не бойся ударов, бей прямыми, сам бей, не останавливайся!.. Головастик, щенок, куда отходишь? Че, косишь!?

Летеха внимательно следит за ходом поединков и тоже подает голос:

– Пашков, салага, хорош боксировать. Ноги, ноги ставь!

Пашке достался напористый, крепкий Бабай. Напирая своим квадратным телом, хочет задавить Пашку пусть ненамного, но все же большим, нежели у Пашки, весом. Приходиться уходить с линии атаки. Бьет кулаками в перчатках в голову сбоку, справа. Бабай наклоняет голову, тут же ему – снизу, сразу же – в открытый бок.

Бабай резко провоцирует уширу, попадает. Пашка чувствует, как внутри екает, и отходит, несильно отвечая руками, восстанавливая дыхание.

– Пашков, хорош гладить, бей! Ногами работай, – не выдерживает Летеха.

Тем временем сержанты, затянув шнуры боксерских перчаток, подходят к краю бойцовского татами и ждут команды.

Летеха глядит на часы и машет дедам рукой:

– Смена!

Деды срываются с места, каждый к тому молодому, на которого указал командир. Пашка только и успел увидеть, как Бабая разворачивает к себе Пасечников. Его лицо насколько красиво, настолько и беспощадно. Лупит Бабая в голову, в корпус. Тот только закрывается, не в силах ответить.

Откуда-то сбоку выныривает Морозов, «дедушка» с лицом явного убийцы и расплюснутым, как у профессионального боксера, носом. В лицо уже летит маваши. Пашка успевает лишь слегка отвернуть лицо и дернуть перчатку вверх для защиты. Но хорошо поставленный удар ногой все равно сносит руку и гулко бьет по голове, обтянутой в защитную маску. В мозгах мигом все путается, а вслед за первым ударом следует град из серий мощных ударов.

Пашку просто избивают, а он даже не может улучшить момент, чтобы отойти в сторону или хотя бы посмотреть вперед, чтобы поймать глаза противника. Ушел в глухую защиту. За шею тотчас же ухватили. Жесткий удар коленом в лоб. Колено страшное – оно ищет нос, без компромиссов; пробивается напролом к хрящу – раздавить с одного удара, убить. Морозов действует жестко и целенаправленно – не останавливая серии ударов, варьирует – удар правой сбоку, снизу в голову, левая все так же на шее, не давая уйти или выпрямиться, и следующий удар – с колена. Успевая как-то выставлять перчатки и локти перед лицом, Пашка осознает, что это уже конец. Ноги запутались, никакая защита, никакие локти не помогали от сокрушительных ударов. Во рту все наполнилось вкусом крови. Сзади почувствовал стену, к которой Морозов прижал его боком. Насадив незадачливого бойца еще разок на колено, дед хрястнул сверху кулаком и отпустил шею. Пашка рухнул на колени, закрывая голову руками.

– На центр! – послышался голос Летехи.

Встал, пошатываясь. Морозов уже ждал его в центре бойцовского ковра, нетерпеливо постукивая перчатками друг о дружку и злобно раздувая ноздри. Как баран на заклание, Пашка с трудом пошел к нему. Вокруг шло битие учебного взвода. Парни падали, их поднимали и били снова. Все то же повторилось с Пашкой. Опять не в силах не то, чтобы ударить, но хотя бы толком защититься, в считанные секунды он был выбит с татами и повалился с грохотом на деревянный пол, подкошенный убийственными ударами. Сколько там еще осталось?..

– Стоп! – нажав на секундомер, крикнул Летеха.

Экзекуция тут же прекратилась. Деды, довольно посмеиваясь, стягивали перчатки. Конечно, никакой защиты никто из них на себя не одевал. Все эти щиты и маски – пока только для детей из учебного взвода, который остался на татами. Не всем повезло выстоять на ногах, как и Пашке.

Летеха быстрым внимательным взглядом окинул всех:

– Встать! Строиться! Нормально все?

– Так точно! – недружно раздался общий выкрик.

– Не понял... – повел головой офицер.

– Так точно!!! – грохнул учебный взвод.

Пашка сплюнул кровь на пол.

Летеха кивнул с удовлетворением.

– Нормально, – констатировал он, – тогда чуть позже продолжим, а пока будем устранять ошибки и дорабатывать слабые места. Слабых мест у бойца спецназа не должно быть. Ясно?!

– Так точно!!!

Пошли указания, кому что делать. Андрюху Васильева с Сашкой Головастиковым поставили на колени лицом друг к другу. Заставили продолжить спарринг. За плохую работу руками, объяснил Летеха. Два больших парня стучали размахисто и гулко друг другу по головам. Отойти назад или в сторону в таком положении очень неудобно, и они, неловко переставляя колени по татами, осыпали близкого противника сериями ударов.

Бабая лейтенант улучил за неправильными, медленными и нечетким ударами мае-гери. Теперь Бабай стоял на одном колене перед положенной набок большой грушей и выбрасывал через нее вторую ногу, при этом корча от боли уморительные гримасы. Упражнение называлось «Железное Мае». Летеха утверждал, что после его полного освоения удар становится поистине железным и пробивающим любую защиту. Вспоминая мае-гери самого Летехи, в этом не было никаких сомнений.

Пашку с Грегом пока заставили делать пресс. Своим бойцовским чутьем Летеха как-то заметил, что Пашка попался на удар в живот. Хотя вроде Пашка и не подал вида тогда. Возможно, Грег попался на том же.

Мышцы живота тренировали по особой методике. Грег сидел на ногах у Пашки, оба в перчатках, Пашка делал простые подъемы туловища из положения лежа по направлению к Грегу. При этом тот бил его при каждом подъеме. Удавалось наносить удара три-четыре. Пашка защищался, и тоже наносил удары, не переставая ритмично качать пресс. Когда окончательно выдыхался, происходила замена, и все начиналось сначала.

Их подняли, только когда оба бойца вконец выдохлись и не могли сделать и раза, несмотря на все окрики и понукания. Грег лейтенант отослал к стене, обитой дерматином. На коричневой искусственной коже красовались силуэты людей, изображенных с помощью мела в натуральную величину. По приказу Грег начал бить уширу с разворота в 180 градусов, с каждой ноги попеременно. Удар сложный, и рядом с солдатом находился один из дедов,правляя и координируя Грега.

Пашку Летеха отправил к самой большой груше, отрабатывать удары ногами. Впрочем, Пашка уже догадывался о таком развитии событий. Ноги – это его не самое сильное место. Это вообще не его.

За ним Летеха присматривал лично.

– Пашков, бьешь только ногами, – предупредил он, – все удары – мае, маваша, лоу, ушира, больше тебе пока и не надо, все остальные по большому счету нахрен не нужны. Руки у тебя поставлены, сами доработаются, а вот ножки никакие.

И под его присмотром Пашка хлопал ногами по кожаной тяжелой груше. Ноги жгло, они отказывались подниматься, а Летеха требовал все большей точности и силы удара. Иногда

отстранял бойца и показывал правильное исполнение на груше либо на самом Пашке, попутно разъясняя нюансы.

– Маваши с ближней хорошо идет носком ноги, только когда ты в берцах или в жесткой обуви. В противном случае ты рискуешь поломать себе пальцы. В группе, кстати, это не такая уж редкость, так что береги себя, – Пашка не может понять, шутит офицер или говорит это серьезно. Прикалывается, наверное, – корпус в таком случае сильно не отклоняй, он сам отойдет немного, это нормально. Пока бей подъемом, колено старайся поднять выше и хлестко бьешь по перпендикуляру в голову или в открытый бок противника. Если расстояние малое и вы с ним практически в клинче, то и тогда можно ударить маваши. Вот предоставляется момент, и нога пошла... Здесь бьешь голенью в голову, как будто лоу, просто выше, высоко, – показал Летеха, продолжил, – и давишь массой всего тела, это «тяжелый» удар. С дальней лучше бить с проносом, нога летит по дуге вверх, бедро при ударе подается вперед. Нога идет подъемом сверху вниз, так больше вероятность попадания, если противник успевает пригнуться или закрыться, – Летеха выбрасывает свою длинную ногу в воздух и сверху на Пашкино темя обрушивается удар, – понял?

– Так точно, – тряся загудевшей головой, отвечает Пашка. Наверное, Летеха и в самом деле считает, что бьет несильно при демонстрации...

– Как сам? – задает солдату провокационный вопрос.

– Просто счастлив! – кричит Пашка.

– Мужчина! – одобрительно кивает офицер. Смотрит на часы, – продолжаем. Еще час в запасе.

Пашка стонет про себя. Кажется, эти занятия никогда не кончатся.

И он снова и снова молотит грушу измученными ногами, а Летеха продолжает свои бесконечные объяснения:

– Удар с дальней ноги, как правило, является завершающим, поэтому бьется с проносом только наверняка. В ином случае – классическая маваши с резким отдергиванием бьющей поверхности и возвращением ноги обратно в стойку.

Пашка бьет и бьет, постепенно свирепея.

Подходит Инструктор, наблюдает за бойцом некоторое время. Затем замечает:

– У Пашкова неплохо получается. Даже где-то получше, чем у этих... – небрежно кивает в сторону больших парней – Андриюхи и Сашки, все так же ожесточенно отбивающих друг другу головы.

– Возможно, – сдержанно отзывается Летеха, – росточком не вышел, но так, бойцовская вроде натура. Ты у нас КМС по боксу, Пашков?

– Так точно – КМС! – орет Пашка, с ненавистью колотя грушу.

– Это уже кое-что, – вздыхает офицер, – ладно, закончил, сейчас проверим на практике.

Пашку ставят в пару с Грегом.

– Короче, Грег, – раздает Летеха указания, – бьешь Пашкова как угодно, как хочешь. А ты, Пашков, защищаешься. Бить можешь только ногами. Сорвешься на удары руками – буду пробивать, долго и нудно. Бой!

Стройный и худой Грег двигается легко, как змея, вытянутая в струнку. Жаляще наносит удары и мигом отскакивает. Пашке хочется пустить в ход обе привычные руки, он злиться, не доставая чернявого паренька ногами.

– Давай, давай! Хорошо, бей его, Грег наваливай товарищу! – кричат Инструктор с сержантами.

Грег входит в раж. Смелеет, видя Пашкину сравнительную неповоротливость. Подскакивает чаще, наносит серию за серией, легко уходя от не быстрых ударов уставшими ногами.

В один из моментов Пашка не выдерживает и вмазывает все-таки боковой с левой руки в открытую голову почувствовавшего полную безнаказанность Грега. Мигом закрывшись, тот отходит далеко назад.

– Стоп! – командует лейтенант, – Пашков, в кибу!

Болезненно пробивает Пашку раз десять.

– Еще не все, – радуется он Пашку, – теперь – бой с двумя противниками. Головастики, ко мне!

Сашка подбегает, трясая красной бритой головой.

– С Грегом мочите Пашкова. Никаких поблажек. Задача ясна?

– Так точно, – преданно вытягивается Головастик. Пашка пытается восстановить дыхание. Ну ты сука, Андрюша.

– Бой!

С первых же секунд Пашку оттесняют к стене. Чудом вырвавшись оттуда, пытается быстро заходить с фронта одному противнику таким образом, чтобы второй оставался всегда за ним, чтобы они мешали друг другу. Но беда в том, что парни прекрасно знали об этой уловке. Они разом отходили на несколько метров от напарника, держа Пашку между собой и не давая уйти. Побегав несколько секунд, Пашка понял, что стратегия в «троечках» сегодня ему мало поможет. Товарищи щедро молотили его в четыре руки, и очень скоро он был схвачен за шею Сашкой. Пыхтя, тот прижимал его голову к себе, пытаясь перчаткой закрыть рот, а Грег с наслаждением отсаживал почки незадачливому одиночке. Задышавшись, Пашка рухнул на колени.

– Встать! Бой!!!

Вскочил, бросился к Грегу. Тух-тух-тух – перчатки молотнули серию. Ушел вбок – там Головастик. Тух-тух-тух – ему серию. Быстро отскочил, уходя за его же спину. В бою с двумя противниками и двигаться надо вдвое быстрее. Правда, если противники опытные, это помогает ненадолго.

Головастик успел развернуться, в бок уже успел всадить пятку Грег и пошел бить дальше, догоняя уходящего к центру Пашку. Головастик одним огромным прыжком заскочил за спину, и Грег начал теснить Пашку прямо на него. Попытался вырваться в сторону, опять зайти за Грега, но Сашка уже успел встретить его добрым лоу, от которого подкосились ноги. Насадил на колено, два раза хрястнул кулачищем по голове. Пашка ушел в глухую защиту и понял, что на этом бой окончен. Следующим ударом его сбили с ног, а раздухарившийся Головастик добил сверху в голову. Масок на этот раз не одевали и голова громко стукнулась о доски уже за пределами татами.

– Ой! – только и сказал Головастик, горя широким простым лицом.

– Головастики, да ты охренел! – расхохотался лейтенант, – так, Грег и Пашков, бьем Головастика. Бой!

Не имея возможности отдышаться, но горя желанием отыграться, Пашка бросился на приятеля прямо с пола. Головастик рубил справа и слева, крутил немыслимые вертухи, но смог продержаться немногим дольше Пашки и тоже оказался на полу, осыпанный точными непрекращающимися ударами.

Затем уже они на пару с Пашкой теснили Грега. И под конец почему-то опять Пашку.

Что я здесь, самый здоровый, что ли, со злобой подумал Пашка, в очередной раз поднимаясь с пола, уже заметно с трудом и потряхивая онемевшей головой.

Наконец молотилово закончилось и начались более спокойные учебные бои на технику с дедами и сержантами.

В самом конце занятий лейтенант строит избитый и измочаленный учебный взвод, рассматривает всех, заглядывает каждому в глаза. Взгляд холодный, но в глубине его переставший уже за сегодняшний день бояться Пашка читает некоторый интерес.

Вслед за ним идет по пятам Замок, ловя каждое слово командира.

– Вечером устрой им хороший кач после ужина, как обычно.

– Так точно, сам проведу, – отвечает он и обращается к бойцам, – учебный взвод, что вы хотите сказать своему командиру?

– Разрешите отжаться за спецназ на пальцах тридцать раз! – девять человек немилосердно рвут глотки, зная, что это завершающий штрих сегодняшних занятий по рукопашному бою, и этот штрих во всем должен быть выполнен безупречно.

– Разрешаю, – милостиво соглашается Летеха, и объявляет отжимающимся бойцам, – завтра, помимо боев, рассмотрим нападение и оборону с ножом и от ножа. Правда, – замечает он, – если вас захочет зарезать профессионал, он все равно вас зарежет, спасет только чудо. Но дело в том, что вы должны приблизиться к этому профессиональному уровню как можно ближе. Тогда быть зарезанным будет не так обидно. Да, еще виды активных удушений и снятие часовых, Соловей, напомни мне завтра. И штык-ножи пусть свои принесут.

На этом Летеха четко разворачивается на месте и уходит широким размашистым шагом. Когда большая фигура исчезает в проеме выхода спортивного зала, сержанты облегченно вздыхают. Наступает другая фаза жизни, но от нее учебному взводу легче не будет. Впереди вечерний кач, и никуда от этого не деться. Это неизбежное событие. Оно также неизбежно и масштабно, как наступление дня или ночи, как прилив и отлив на море. Правда, моря Пашка никогда не видел. И хочется заплакать от этого чувства безысходности. То же, наверное, читается и на других лицах, потому что Замок морщит лоб, оглядывая своих бойцов:

– Э-э, учебный взвод! Вы чего это, сынки, заскучали? С тыла! Варанчиком до раздевалки, две минуты переодеться и построение в казарме на ужин! Шире шаг!!!

Девять человек, проклиная Замка и все на свете, передвигаются на вытянутых прямых руках и ногах, дробно стуча по доскам разбитыми кулаками. Тело при этом вынуждено извиваться. Это очень смешное упражнение – «Варанчик».

– Последнего пробиваю!..

По расчетам Пашки, шли уже несколько часов. День постепенно сдавал свои права, превращаясь в вечер. Едва заметная тропка вела все время вверх, изредка огибая скалистые мрачные уступы. Зеленка стала ниже, не утратив при этом своей густоты. Здесь она доходила людям едва ли до пояса. Изредка попадались пустые прогалины, поросшие серенькой невысокой травой.

Отдельные облака казались нависшими над самой головой, вызывая внутри все то же ощущение некоторой нереальности происходящего. Пашка обернулся назад. Разгромленная низина осталась далеко позади, ее отсюда не было видно. Виден был лишь перевал над дорогой, где они переходили хребет, и тоненькой белой ниточкой далеко-далеко внизу вился серпантин дороги.

В воздухе стало заметно прохладнее. Разреженный воздух не давал уже столько кислорода, как внизу, и дышать стало более трудно. Пашка в свое время полагал уже по горам, но в этих местах бывать ему еще не приходилось. Военная машина до этих высот еще не добралась, располагаясь западнее этих гор.

Через некоторое время зеленка стала более редкой, прогалины пустых мест попадались все чаще, а через пяток километров кончилась совсем. Тропка вовсе исчезла, и отряд шагал по траве, нагретой за долгий день близким солнцем. Перед кручей, резко забирающей вверх, свернули направо. На соседнем хребте Пашка увидел сверкающий белизной снег. Где-то выше, на самой круче, виднелись такие же нашлапки ничем не тронутого чистейшего снега.

Но банда вверх уже не стремилась. Поднявшись и спустившись с пары горных холмов, наткнулись на ручеек, узенькой лентой неспешно бегущий вниз. Бандиты обрадовались ему, как старому доброму знакомому. Заголосили во все голоса, не опасаясь того, что их могут здесь услышать чужие.

Уже смеркалось, когда Султан, бросив взгляд на часы, довольно кивнул и махнул рукой. Боевики заголосили во все голоса, вознося славу Аллаху. Резво достали из мешков молитвенные коврики, выстроились в некоторое подобие стройных рядов, предварительно ополоснув в воде руки и бороды.

Пашку с Виталей уже никто и не охранял. Даже два свирепых чеченца, всю дорогу подгонявшие пленников, и те застыли в общем намазе с блаженными улыбками на заросших лицах. Молился Ахмет, не глядя в их сторону.

На время отошедший в сторону от всех Усман вернулся, ступая так, будто у него под ногами не мягкая земля, а корабельная палуба. Повернулся щетиной к пленным, блеснув рыжиной, пожевал губами и уселся на коврик, поджав под себя колени.

Правда, Пашка очень сомневался в том, что тот молился. Полуприкрытые, ушедшие под верхние веки глаза, отсутствующая улыбка и немного прижатый к телу согнутый локоть выдавали причину странного поведения.

Кроме Усмана, Пашка заподозрил в употреблении наркоты еще несколько бандитов. Чего только стоили бессмысленные улыбки вон той вот сладкой парочки афганцев. А тот, лет тридцати пяти чеченец, чего это его так подергивает в молитве, не давая толком сосредоточиться, что он нащупывает озабоченно в кармане, забыв не только об Аллахе, но и о собственной снайперской винтовке?..

Пашка внимательно оглядел весь отряд, окинул взглядом каждого. Лица уже стали более знакомы, примелькались не только два командира с Ахметом. За ними действительно не следили. А зачем, если ты прикован к другому, а вокруг на расстоянии нескольких километров все редкие кустики ниже колена. Далеко не убежишь, да и ловить никто не станет. Лишь на забаву проверяют свою меткость.

Можно, конечно, попытаться выхватить у ближайшего исламиста автомат, а лучше подползти к тому жирному пулеметчику, и раскидать всю ленту по этим бородатым харям... Пашкины ноздри на мгновение дрогнули с наслаждением. Но нет... Затея маловероятная, да и умирать именно сейчас уже почему-то не хотелось. После целого дня ходьбы сидеть на теплой земле было таким наслаждением. И вообще, если что-то серьезное делаешь, то делать нужно наверняка. Сейчас же нет никаких шансов.

В наступившей тишине мягко обвевал разгоряченное лицо горный свежайший ветерок, от земли шло сухое тепло и добрый аромат травы, а где-то подальше, за журчащим ручейком весело застрекотала цикада, или просто кузнечик, может, пришел поприветствовать нечестных в этих краях двуногих. Совсем как в детстве, когда, бывало, набегаешься, до шума в ушах, а потом упадешь в траву в изнеможении, и слушаешь все эти звуки, дышишь этой открывающей себя природой. И вроде как нет тебя, хотя ты точно есть. Незабываемое чувство...

Нет, умереть можно и подождать, надо же в конце концов выяснить, чем закончится этот фильм. Должен же быть хоть какой-то интересный конец. Пашка подивился своему расслабленному состоянию. Взглянул на Виталию – тот устало сидел, прикрыв глаза. Их посадили прямо у ручья, чему Пашка несказанно порадовался. Потянулся вперед. Цепочка на руке натянулась. Поводил свободной ладонью в ледяной, несмотря на теплую погоду, воде. Ополоснул закопченное и покрытое пылью и грязью за целый день лицо. Сразу стало легче, будто смыл что-то черное с души. Вдохнул с наслаждением чистейший горный воздух.

Насколько он понимал в марш-походах, на сегодня приключения закончились. Хорошо, если это действительно так. Вылил из фляжки теплую воду, ополоснул и набрал полнехонькую этой. Напился с наслаждением, чувствуя, как сводит холодом зубы, остатки вылил себе

на голову. Опять набрал полную, погрузив руку в студеной ручей и сунул Витале в ладонь. Тот вздрогнул:

– Дай попить.

– Так бери...

Пашка спокойно смотрел, как жадно тот пьет, стучая жестяным горлышком о зубы. Выдул всю воду до дна и, оттерев губы, вздохнул тяжело:

– Уф-ф... Еще...

Боевики тем временем уже закончили намаз. Застыли в последнем земном поклоне, отключив зады, посидели и, умиротворенно покачавшись из стороны в сторону, начали подниматься. По приготовлениям Пашка убедился, что поход отложен до завтра. Заурчало в животе, когда узрел, что боевики снова достают свои сохранившиеся остатки провизии и принимают за трапезу. Голод Пашка на этот раз ощущал невероятный. На этот раз им перепало пол-лепешки, и он посчитал это за счастье, хотя брать и не хотелось. Султан сам подозвал Ахмета, отломил от лепешки, лежащей рядом, половину и небрежно указал в их сторону. Несмотря на всколыхнувшийся в груди протест, Пашка взял принесенное. Разделив аккуратно, принялся жевать на пару с Виталей, не глядя в сторону презрительно скорченных лиц.

Четверть лепешки ухнула куда-то в живот и пропала. Есть захотелось еще больше, но никто не выказывал большого желания кормить пленников. Пришлось безразлично отвернуться и глядеть на соседний заснеженный хребет, словно тот занимал его сейчас больше всего на свете.

Вспомнился дом, мама у плиты на кухне, чем-то вкусно скворчащая сковорода в ее руках. Вспомнилась трехлитровая банка свежего молока, каждое утро появляющаяся у их порога. Там было видно, что на треть она состоит из жирных, густых сливок. Сейчас бы он ее опустошил парой глотков, больше не понадобилось бы, точно. Ну, может, три глотка. Мысли вернулись к матери. И что это она сейчас делает, мамуля, в это время?.. Внутри заныло, начало сжимать горло. Блин, лучше бы шли себе, это не так больно...

Что делает, что делает. Наверняка сходит с ума по укатившему во вторую командировку сыну. И ведь обещал, что больше не поедет. А как не поехать, если в один прекрасный день просто называют списки отбывающих? Можно отказаться, но ты ведь этого не сделаешь. Не сделаешь по очень многим причинам, главная из которых находится в тебе самом. Так что нечего душу рвать, солдат. Молчи себе...

В первый свой раз Пашка пробыл в Чечне полгода, в основном проводя их в столице. Занимал Грозный в тот дикий январь, зачищал с группой станицы, шерстил предгорья. Не вылезал из бронжилета круглые сутки, только успевая заполнять опустевшие магазины своего АКСа. Группа спецназа – в каждой бочке затычка, всюду сунут, где надо и не надо. В общем, все было не так уж плохо. Да, их было всего несколько «душар» в подразделении, и конечно, им приходилось тяжелее всего. Но это было в СВОЕЙ группе, это было привычно, нормально. Если это все вообще можно было назвать нормальным...

Во второй раз, какой-то месяц назад, его отправили сюда, но он уже был переведенным. Пятая мотострелковая рота, свирепые, налитые кровью глаза Прапора. Пашку передернуло при одном только воспоминании. Может, и грех это, но он никогда не будет горевать о том, что они все-таки пристрелили эту гниду. Теперь уже на веки вечные прекратит калечить пацанов и глумиться над доверенными ему людьми. Андрюха все-таки прав был тогда...

Бандиты тем временем укладывались спать прямо на земле. Усман прошелся по периметру, выставил посты. Улыбнулся доброжелательно, глядя на пленных, мурлыкнул по-своему, после чего их быстро скрутили, помимо наручников, еще и веревками. Привязали спиной друг к другу и в таком положении кинули на землю. Да, действительно уж лучше идти всю ночь, чем спать в таком положении.

Темнота окутала вершину, и Пашку просто вырубило от усталости и пережитых за этот длинный день впечатлений.

Из забытья его выдернул чей-то добрый пинок. Вокруг было еще совсем темно, но боевики поднимались, собираясь продолжить путь. Тело все затекло, и после того, как их развязали, пришлось еще какое-то время растирать конечности и пережить, когда прекратят щекочущие иголки терзать кожу по всему телу.

Султан глянул на свои «Ролекс». Поднялся неторопливо с земли, уже полностью экипированный. Застыл на мгновение, вознося молитву Всевышнему, огладил бороду и махнул рукой. Так же неторопливо и расслабленно за командиром потянулись бойцы. У Султана люди прекрасно знали, когда необходимо торопиться. Потрусили две навьюченные лошадки, сонно потряхивая лохматыми гривами и пытаясь на ходу урвать еще клочок сочной зеленой травки.

Не оставив за собой ни соринки, отряд двинулся вдоль ручья, вверх по течению. Шли спокойно, ровным шагом, больше прогуливаясь, нежели стремясь к своей конечной цели. Поднялся день, вынырнуло из-за соседнего перевала солнце и сразу потеплело. Отряд шел и шел, никуда не отходя от журчащего жидким зеркалом ручья.

Водный поток весело нес свои прозрачные струи, изредка играя с одинокими камнями и разбрызгивая хрустальные капли, рассыпающиеся в пыль высоко в прогреваемом воздухе. Ручей словно здоровался с идущими вдоль его русла, стараясь не пропустить ни одного. Пашке показалось, что даже лица бандитов посветлели. Не забыл ручеек и его, плеснув маленькую серебряную волну на запыленный ботинок, а водная изморось покрыла ласковым холодом изодранную, разбитую руку. Пашка так и нес пулеметную коробку с лентами, хотя свою Ахмет уже давно отдал рябому.

Путь, по которому шел отряд, больше не забирался вверх, лишь изредка попадались небольшие подъемы. Все чаще Пашка обнаруживал, что идет по заросшему мхом и травой камню. Ширина и без того неширокого ручья становилась чем дальше, тем уже, и все тише текли его воды. Казалось, вот еще десяток-другой шагов, и ты увидишь его исток, начало его рождения.

Но вместо этого камень под ногами стал еще более различим, а ручей резко уходил вправо, теряясь в нагромождении огромных острых валунов и шумя по скальной породе. Какое-то время пришлось перебираться по осклизлым, мокрым камням. Тропка, если ее можно еще было так называть, пошла впритык к потрепанной вековыми ветрами скале. Идти пришлось по самой воде, что растекалась здесь более широко, обнимая ледяными водами огромные булыжники и подмывая скалу.

Боевики шагали осторожно, стараясь не оступиться. Напряженно шел Виталя, слегка отставая и натягивая цепочку. Пашку же мало заботила дорога, он просто бездумно переставлял ноги, глядя на завораживающую, величественную королеву-природу. Сразу за неожиданно окончившейся скалой оказался просвет, проходя который явно не в первый раз, боевики замедляли шаги, восторженно вахая и цокая языками. Остановился и Пашка.

Вид отсюда открывался поистине волшебный – впереди, на сколько хватало глаз, простирались одни только горы. Горы, горы, вершины, окутанные сизовой дымкой, снежные остроконечные пики, высоты поменьше, зеленые высоты, высоты коричневые и смешанных оттенков. Здесь нигде не было ни одного ровного места. Сердце замирало от древнего величия и непреходящей веками красоты. К этому примешивалось чувство собственной человеческой незначимости, слабости перед таким огромным, бескрайним миром, что уходил далеко-далеко вдаль, не исчезая, а только прикрываясь сероватым туманом, словно подброшенным вверх и медленно опускающимся пуховым одеялом. Отсюда смешно наблюдать свои переживания и страхи. Здесь, в этом месте, осознаешь как никогда то, что ты был и уйдешь, а мир скорее всего и не заметит этого. Он стоял всегда и будет стоять еще сотни и сотни долгих веков, тогда как твои личные переживания не будут иметь никакого значения уже через каких-

то тридцать-сорок лет для тебя самого. Если удастся еще прожить такой феноменальный срок, конечно.

Кто-то из молодых наемников не удержался на скользких, коварных камнях и рухнул прямо в воду, забрызгав всех вокруг. Засмеялся сам от собственной неуклюжести, быстро поднялся под общий смех и подначки, осмотрел оружие – не попала ли вода.

Рыжебородый, к которому вернулась его обычная упругая жесткая походка, прикрикнул на них недовольно. Замешкавшиеся двинулись вперед, шлепая по воде и поправляя оружие.

За разлитым протоком оказалось, что отряд идет по хребту горы. Не по самой его вершине, что тонула своей короной в набрякших сизых тучах, но очень близко к ней. И теперь по обе стороны можно было наблюдать бескрайние горные просторы.

Дальше ручей делился надвое, уходя своим началом в вершину. Отряд отошел от радостного узенького пасынка горной реки направился по диагонали вбок, периодически спускаясь.

Воздух здесь имел явный недостаток кислорода. Пашка хорошо прочувствовал это, когда банда слегка ускорила шаги на спуске. Дышать стало невероятно тяжело, а Виталя, так тот и вовсе задышался, жадно ловя ртом высокогорное разреженное пространство.

Перешли на другую высоту по мыску, поросшему высокой, по щиколотку, травой. Вниз уходила маленькая пологая низинка, а соседний склон был густо поросшим ярко-зеленой порослью. При виде ее бандиты радостно загукали, и Пашка решил, что они, в общем-то, уже пришли. Но расчеты не оправдались, они шагали еще весь день по всем этим высотам, периодически то поднимаясь, то уходя вниз.

И только к концу дня Султан растянул толстые губы в улыбке и обернулся к Усману, сказав только:

– Наконец-то, слава Аллаху...

Рыжебородый ничего не ответил, лишь скучно кивнув.

Кто-то из старых боевиков восхищенно выдохнул:

– Алеллайя...

При виде конечной цели путешествия все ускорили шаг и через каких-нибудь полчаса вошли в высокую густую зеленку. В воздухе потемнело, смеркаясь на глазах. Султан заторопился, на ходу отдавая распоряжения. Усман тоже оживился от своей наркотической спячки, что-то объясняя рядовым наемникам. Крикнул что-то Ахмету, указав рукой в сторону идущих позади Пашки с Виталями.

Жирный пулеметчик забрал у Пашки свою коробку, в благодарность сплюнув на землю, презрительно что-то сказал.

– Пожалуйста, конечно, ублюдок, – вполголоса произнес Пашка в жирную спину.

Чеченцы – конвоиры, почти не обращавшие на пленников внимания всю вторую половину пути, потянули их в сгущающейся темноте к краю от лагеря, шипя для остротки. Хотя границ этого стана вечером не представлялось возможным определить более-менее точно.

Пашка резко остановился. Зашедший вперед чеченец откинул с земли замаскированные кусками дерна широкие доски. Перед пленными открылось зияющее чернотой круглое отверстие около двух метров в диаметре.

Охранник что-то сказал, второй сзади болезненно ткнул в спину стволом. Пашка понял, что ему предлагают лезть вниз, про себя удивившись только тому, что чеченцы так и не сказали за весь путь им ни слова по-русски, хотя матерились отменно. Принципы, что ли, у них... Вот и сейчас послышалось уже знакомое:

– Билядь! – и похожая на змеиное шипение тирада дальше.

– Полезли, – хмуро произнес Виталя, – а то ведь скинут сейчас.

Чеченцы и правда решили не церемониться с пленными, грубо схватили за одежду и потащили к яме.

– Эй, эй, лезу я, лезу, – предостерегающе крикнул Пашка.

Сел на краю, пытаюсь хоть что-то разглядеть внизу. Кашлянул, упираясь ладонями о земляной край. Темнота не отозвалась ни единым звуком, лишь сухо осыпались крошки под руками.

– Наручники-то снимать будем? – спросил он на всякий случай, и тут же получил прикладом по голове.

Избегая второго удара, наклонился вперед и оттолкнулся руками. Постарался съехать вниз, упираясь пятками в стенку. Не получилось. Яма расширялась книзу, и Пашка просто рухнул на дно, причем оказалось, что ее глубина даже больше, чем он представлял. Браслет на руке больно впился в изуродованное запястье, цепочка натянулась и, глухо вскрикнув, на голову Пашке свалился Виталя.

Стоящие наверху чеченцы весело заржали. Их силуэты с трудом можно было разглядеть на фоне темно-синего неба. Крикнув что-то оскорбительное и плюнув вниз, они снова закрыли проем досками, щелкнули замком и, по всей видимости, ушли, о чем-то договариваясь между собой.

В яме наступила тишина. Издалека слышались голоса боевиков, располагающихся на ночлег и радующихся своему становищу, как родному дому. Раздалось тархтение заводящегося движка. Равномерно гудя, он напомнил Пашке армейские стоянки. Ого, удивился он, у них тут даже электричество есть.

Впрочем, в яме от этого светлее не стало. Виталя рядом лежал без движения. Пашка первым делом ощупал себя, убедился в целостности костей, потрогал сочащееся кровью запястье, сдвинул браслет ближе к кисти, чтобы лишний раз не бередить рану. Хорошо хоть, наручники не самозатягивающиеся, а то всю руку пережало бы, нашел он для себя утешение.

Потрогал Виталя, тот дышал. Пашка, вздохнув, растолкал его. Виталя вздрогнул и застонал от боли. Произнес гнусаво:

– Значит, правда... А мне сон приснился, я и не понял... – и, кажется, тихо заплакал.

Пашка ровным голосом спросил:

– Ты как, не поломал ничего?

– Да вроде нет, – Виталя с трудом задвигался, проверяя члены не прочность, – с носа только вот, течет немного опять.

– Это ерунда, – сказал Пашка.

– Угу, – печально согласился Виталя и сообщил, – чуть руку не сломал. Я думал – хана, сейчас хрустнет.

– Не сломал же, – резонно заметил Пашка.

– Да-а, чего говорить, – прозвучал в темноте грустный голос, – и так все поломано. Я не думал вообще, что дойду.

Пашка решил промолчать. Какое-то время сидели в тишине, которую нельзя было назвать полной лишь из-за тархтения движка где-то наверху. Виталя слабо зашевелился:

– Надо бы поспать нормально, – голос заплетался, – может, сейчас уже расстреляют... Может, с утра. Черти поганые... – и послышалось неровное дыхание. Кажется, Виталя уснул еще до того, как произнес последние слова.

Пашка тоже устроился поудобнее, привалившись спиной к сухой земле. Удалось даже вытянуть измученные ноги, которые разом заныли, почувствовав долгожданный отдых. Заломило кости, и боль пошла по всему организму, пронизывая каждую клеточку. Боль навалилась со всех сторон, впилась в тело, словно только и ждала момента расслабления.

Пашка застонал сквозь зубы, через боль пошевелился, подтянув тело повыше. И боль расплзлась по телу, въелась незаметно в кровь, через какое-то время стала привычной. Но спать не хотелось. Вспоминались прошедшие трое суток. Перед глазами встал обреченный горящий танк, в агонии пытающийся нанести последний удар. Ползущий солдат с полуоторванной

ногой. Зверский оскал Султана с РПГ в руках. Афганцы, режущие теплое еще человеческое тело.

Картина сменилась огромными, в дымке, горами – заснеженные хребты, уходящие в неизмеримую даль. Веселый ручей под ногами. Откуда-то послышалась тягучая горская песня. Древняя-древняя, как сами эти горы. Она усиливалась эхом, отражающимся от огромных каменных стен, и подплывала, казалось, все ближе. И вдруг Пашка увидел перед собой седого старика-аксакала, внимательно смотрящего на него добрыми умными глазами. Пашка почему-то сразу проникся к нему огромным доверием. Хотел высказаться, пожаловаться старику на его сыновей, что так немилосердно поступают с ним, с Пашкой. Старик печально кивнул Пашке и неожиданно перевоплотился в стройную маленькую девушку. Она махнула Пашке прозрачной рукой и произнесла тихо:

– Спи!..

И он почувствовал, как сон засосал его в себя, что он давно уже спит. Ощутил себя в этом сне и провалился в темноту, где царил Сон без границ, без сновидений, безмолвный и неподвижный.

ПИСЬМО №2

Я люблю тебя, очень-очень!

Самые счастливые дни моей жизни были проведены рядом с тобой. Целый год вместе... Как много он для меня значил, как много для меня значишь ты, твоя любовь. Извини, я забыла с тобой поздороваться, но ведь это не главное, самое главное я уже написала. И для меня главное, чтобы ты меня любил и не забывал, слышишь? Береги себя, ты обязательно должен вернуться назад невредимым. Ты должен, мы ВСЕ ждем тебя. Передо мною твоя фотография, и я уже не представляю, как я жила без нее. Мне не отвести от нее взгляда. Какой же ты красивый. Просто не верится, что тебе уже совсем скоро будет двадцать лет. Ты для меня совсем уже взрослый, да? Ужасно, но я ревную тебя ко всем на свете. Наверное, я страшная эгоистка и так нельзя, но я не могу по-другому. Любимый, я хочу, чтобы ты был только со мной, чтобы только я целовала тебя, обнимала твои крепкие плечи. Милый, мы ведь еще встретимся, ведь я не могу долго без тебя. Не слышать твоего голоса, не смотреть в твои улыбающиеся глаза – Боже, за что нам все это?! Я так люблю тебя, так хочу быть с тобой. Никто не заменит мне тебя. Ты единственный для меня человек, знай же это наконец, по-другому не будет. На улице дождь, и, может, поэтому у меня такое плаксивое настроение.

Я целую тебя так долго, как только могу.

Твоя

Из глубокого сна его вывел шум и голоса наверху. Не успев толком проснуться, тело напряглось в ожидании худшего. Рядом сидел Виталья, напряженно глядя на доски, сквозь которые режущими полосками пробивался утренний свет.

К яме подбежали, шурша травой и первыми осыпающимися листьями с зеленки. Доски откинули в сторону и пленных озаорила светлая синева нового дня, беспардонно ворвавшаяся в глубокую яму. На фоне яркого после сна и серой темноты неба появились бородастые фигуры. Испуганно зашуршала по стенам потревоженная ботинками пришедших земля.

Султан был легко узнаваем хотя бы по одним только «Ролексам» и своему перстню на мясистой руке, золотом сверкнувшие на солнце. Рядом, зевая и почесывая рыжую щетину,

стоял Усман, равнодушно глядя вниз. Чуть позади Ахмет, это точно, за ним один из конвоиров и вроде Жук, тот, которого все зовут, кажется, Абу. Телохранитель... Денщик хренов...

Остальных не было видно, хотя наверху слышались еще голоса.

Глаза резало после сна и Пашка опустил голову, жмурясь и смаргивая выступившие слезы.

Султан довольно рассмеялся. Щенок не выдерживает его взгляда. Еще никто не мог выдержать этого взгляда. Боится... Как славно чувствовать себя наверху, главным вершителем судеб. Жизнь хороша, и только ради одного этого поистине мужского чувства можно жить. Вчерашняя победа и быстрый, без задержек и погодных неурядиц переход на зимнюю стоянку окрыляли Султана, его просто распирало изнутри. И еще он придумал новую забаву для пленников, попавших в эту маленькую ямку. Да, никто не даст умереть им так легко, так просто. Не зря же их тащили сюда за собой такую дорогу.

Пнул землю у края зиндана, отчего пленных внизу осыпало крошками. Издевательски засмеялся и отошел. Глянул на молча ждущего распоряжений Ахмета:

– Русских кормить два раза в день. Не мало, но и не много. Не много, понял? Мне нужно, чтобы они оклемались немного, но сытыми я их видеть не хочу. Ты понял?

Ахмет мрачно кивнул.

– Пусть сидят пока, – Султан хохотнул и пошел дальше, проверяя состояние своего лагеря и занятых подготовкой к холодам людей. Настроение было превосходным, давно уже за последнее время он не чувствовал себя так хорошо. Внизу очередное перемирие, сюда русские никак не полезут, сами готовятся к зиме, можно успокоиться и может, часть людей даже отпустить домой. Пока...

За главарем потянулись все остальные. Удаляющиеся шаги и смех. Движок, генерирующий электроэнергию, днем не работал, и в воздухе можно было расслышать чвирканье какой-то птицы, а если прислушаться, то и шелест листвы, по которой пробегал легкий осенний ветерок. Сюда он не проникал, тут была только запах затхлости и достаточно сильно воняло.

– Умер здесь кто, что ли? – проворчал он и замолк, увидев, как съежился при этих словах сидящий в той же позе Виталья.

Страхнул земляные крошки с головы. Пару недель назад обритая голова уже подзаросла жесткими антеннками волос. Волосы у Пашки всегда быстро отрастали. Провел ладонью по шее, убирая грязь, и снова глянул вверх. За ночь он все-таки замерз. Это сейчас сверху немного стекает солнечного тепла, а ночи становятся все холоднее. Об этом напоминают и несколько желтых листьев на дне ямы. Пашка подобрал их и принялся бездумно крутить в пальцах. Вспомнил, какие ужасно холодные здесь ночи, если это не лето. А тут, в горах, наверное, и подавно дубак полнейший.

Потопал по земле каблуком. Утоптанно до них. Рыли зиндан с явным знанием дела. Книзу яма расширялась, принимая форму раструба. Стенки были ровно обтесаны, не зацепишься. До верха было даже дальше, чем он предполагал ночью. На глаз около пяти метров, хорошая глубина для тюрьмы на природе. Если Пашка со своими метр с кепкой залезет на плечи более высокому Витале, до края останется еще о-очень далеко. Учитываем так и не снятые наручники, форму зиндана, и наверняка следившего хотя бы краем глаза какого-нибудь охранника поблизости, и идея выбраться отсюда была совсем нереальной. Это сейчас им оставили свет, не закрыв проем досками, а на ночь и они застегиваются на замочек. А днем и не полезешь.

Пашка вздохнул и встал в полный рост, преодолевая ломоту в ногах и костях. Руки мелко тряслись. Это от этих мешков, блин, многотонных.

Звякнув цепью, перевернулся набок Виталья, очень аккуратно, чтобы не потревожить свои болевые места.

– Да, вонища тут...

– Кто-то до нас сидел, – пожал плечами Пашка, – а как ты учуял, у тебя же нос сломан?

– Не знаю, пробило немного, – Виталя осторожно потрогал распухшую переносицу. Под глазами ярко выделялись черно-синие пятна, а сквозь загар пробивалась нездоровая белизна.

Постояв, Пашка снова сел. Усталость давала о себе знать. Интересно, что там этот черт говорил про них? Догадывайся теперь, что к чему и когда. Некоторое время прислушивался к голосам в отдалении. Поймал себя на том, что глаза снова закрываются. Есть ведь что-то хорошее и в тюрьме, усмехнулся он, можно спать сколько влезет, вроде никто пока не трогает. И чутко уснул.

Из легкого забытья его снова вывели шаги наверху. От неожиданности Пашка вскочил на ноги. Сердце бешено колотилось, застилая противным страхом голову.

Наверху, нависая крупной фигурой, стоял Ахмет. Коротко сказал Пашке:

– Держи.

На веревке вниз поехало маленькое пластиковое ведро, доверху наполненное водой.

– Это на весь день, – Пашка дал знак, что понял. Ладно хоть, не на неделю. С этих становится. Отвязал ведро, осторожно поставил к стенке, чтобы не пролить ни капли. Веревка змеей взвилась наверх.

– Держи.

И вниз полетел завернутый в тряпку небольшой сверток. В животе сразу дико заурчало.

В свертке лежало целое богатство: две лепешки, горсть грецких орехов вперемешку с сушеными финиками и тушенка, высыпанная из банки прямо на лепешки. Предусмотрительные, черти.

Виталя, почуяв запах, подполз ближе, жадно раздувая ноздри.

Подняв голову, чтобы поблагодарить Ахмета и попробовать порасспросить его, Пашка увидел чистое синее небо над головой. Чеченец как-то незаметно ушел. Ладно, может, появится еще. Устроив сверток поудобнее на коленях, принялся за дележку. Сразу решил, что половину нужно оставить на вечер. А то вдруг и это тоже на весь день. Отложил одну лепешку и несколько орехов в сторону, а вторую лепешку поделил надвое. Тушенку не удержались и съели всю. Невозможно целый день смотреть на нее и глотать слюни. Ею здесь все пропахнет. Воды напились вволю до и после еды. Пашка на всякий случай набрал еще и свою фляжку, которая до сих пор висела у него на поясе.

Изголодавшийся организм принял проглоченное с благодарностью, заставив на время забыть все невзгоды и страх будущего. Оба пленника растянулись на земляном полу и с наслаждением прислушивались к движению внутри себя. Пашка отполз к противоположной стене, положил голову на вытянутую руку с пристегнутым браслетом. Солнце поднялось, проходило прямо над ямой, касаясь их теплыми лучами и нагревая земляное дно.

У Пашки эта яма не была первой. В местах дислокации полка тоже всегда была вырыта подобная ямка, пусть и не такая обширная, как эта. В свое время его и Андрюху посадил в нее командир полка на двое суток. Дело выеденного яйца не стоило. Дедам понадобилась сгущенка, сладенького захотелось. Во всем полку ее нет. Что может быть проще, чем сказать своим «душарам»: искать, сынки! Если нет, то где найти? Не бежать же в Москву за ней. Впрочем, сгущенка была в складе, в палатке, оборудованной под склад. Несколько маленьких «но» – она была обнесена колючей проволокой в несколько рядов, у входа всегда стоял один часовой, и в самой палатке обитал «зампотылу» – майор с колючими глазками и очень невоздержанным языком. Он был жадный и худой. Это очень осложняло задачу. Жадный – сгущенки не допросишься, не вытянешь никакими доводами. Был бы не жадный, возможно, что в полку хоть где-нибудь у кого-нибудь была бы заветная баночка. А худой, значит – внимательный, нервный и спит вполглаза.

Старшие товарищи Пашке с Андрюхой дали время до утра.

Утром товарищ майор обнаружил пропажу ящика сгущенки, связанного часового у входа, взрезанную колючку и небольшой подкоп под палатку. Более того, на что он и налегал при объяснении с командиром полка – суровым высоким полковником – то, что ворюгам надо было пролезть до этого ящика и вытащить его же под самой майоровой койкой, так как именно это отделяло злоумышленников от объекта их вождения. Как они умудрились проделать все это абсолютно бесшумно, он не представляет, он спит очень чутко и бережет вверенное ему хозяйство.

КэП знал, что «зампотылу» убежденный трезвенник и очень ответственный человек. Поэтому по окончании рапорта он сказал:

– Искать у разведчиков либо у спецов. Только не сразу, а ближе к вечеру, когда появятся пустые банки.

Расчет был верен. Днем весь полк ел привычную пшенку, которую повара наконец-таки научились готовить более-менее съедобно за четыре месяца командировки, без этого отвратительного вкуса и пригорелой корки в пару сантиметров. А к темноте, сделав боевой рейд по мусорным ямам всех подразделений, зампотылу обнаружил в одной из них сразу аж три пустых жестяных банки, взрезанных несколькими движениями солдатского штык-ножа. Поразительно, но на самом деле мусорки принадлежали элитной и во всех отношениях образцовой группе специального назначения.

Виноватых долго не искали. Благо, что весь полк знал, кого именно из своих молодых деды ГСН отправляют на поиски дефицита. Тех, кто достаточно ушлый для подобного рода операций. Старшина молча показал сержантам пудовый кулак, рявкнул, чтобы Пашков и Васильев появились через минуту с ящиком под мышкой. По истечении минуты приказ был выполнен. Только ящик был уже не полон. Конечно, Пашка с Андрюхой были не настолько простаками, чтобы отдавать дедам все принесенное. Одну баночку они оприходовали сами, тремя поделились по-братски с бойцами своего призыва, а остальное запрятали до лучших времен. Общеизвестно, что если деды захотели «сгухи» один раз, то они захотят ее и во второй. Так что в следующий раз усиленные поиски можно имитировать, на самом деле «загасившись» куда-нибудь от повседневных обязанностей. Туговато приходится тем солдатам, кто не умеет вертеться во всякой обстановке и обращать любую ситуацию себе на пользу.

Тогда в полковой яме протусовались почти двое суток. Но то было не сидение, а сплошное удовольствие. Пацаны таскали пожрать, шугая часовых-комендантов, и тоже можно было отоспаться. Только холодно было тогда по ночам, весна только-только вступала в свои права. Яма была выкопана неподалеку от командирской штабной машины. К середине второго дня КэП не выдержал раздававшейся из-под земли распевки «Интернационала» и распорядился выпустить преступников на волю. Пашку с Андрюхой это все равно мало порадовало, потому что они прекрасно знали, что сержанты еще спросят у них за то, что не сумели вовремя запрятать следы этого криминала, то бишь пустые банки. Как ни крути, пока ты молодой, ты всегда будешь во всем виноват.

Кстати сказать, по прямому приказу КэПа весь полк на ужин к своей порции пшенки получил по полбанки на брата восхитительной, сладкой до одури, ароматной сгущенки.

Никогда Пашка не представлял себе, что доведется сидеть не где-то, а у самых натуральных боевиков в такой вот, самой натуральной яме. Довелось... Впрочем, опыт подсказывал, что эта жизнь абсолютно непредсказуема, и порой просто неуправляема. Последний год был именно таким. Реальная армия оказалась слишком беспощадна и жестока, а эта война... войну он видел раньше только в кино. Сравнить было не с чем. Невозможно сравнивать с придуманными историями реальную жизнь на этой земле.

Рация в кармане разгрузочного жилета на плече зашипела и сквозь треск слабо выдала:
– Тайга-2, Тайга-2, я – Роцца-5... прием.

– На приеме Тайга, – отозвалось с небольшими помехами.

Армейская железяка вновь протрещала издали:

– Вижу «поляков»... Группа, штук тридцать. Засели под заводом... Мне накрыть ее?.. Это северо-западная стена.

Ротный лихорадочно выдернул из внутреннего кармана карту местности.

– Это же где-то здесь... – заводил он пальцем по глянцевої поверхности, – гляньте за угол!

Один из дедов высунул ствол за угол.

– Чисто!

Тем временем рация после минутного молчания поинтересовалась:

– А кто там, что за группа? Точно «поляки»? Прием, Роцца!

– А хрен его знает, – плюнула рация, – наших там не должно быть, это слишком далеко. Тайга?..

Ротный матерно выругался. Рация снова заработала на прием. Оттуда для начала послышалось несколько выстрелов, и после снова голос:

– Роцца, выждите еще немного, немного выждите, и если это точно «поляки» – тогда накрывайте. Как понял, Роцца?

Ротный выхватил рацию из кармана, словно это был штык-нож.

Не успела Роцца прошелестеть свое «понятно» и отбиться, как Ротный уже орал:

– Тайга-2, это Бурый, ответь Бурому!!!

Спустя долгие мгновения послышалось:

– Объявился, Бурый! Ты где был, прием?

– Я пробивался сквозь численный перевес, дошел до нужного квадрата через канализацию, подземным ходом! – Ротный не скрывал своего бешенства, – вы чего там, командиры хреновы, у меня двое «трехсотых», а вы рассуждаете, как нас тут прихлопнуть?!! Для этого сюда зазывали?..

– Соблюдайте субординацию, Бурый, – неуверенно ответила Тайга.

– Тайга-2, ты скажи этому дебилу, Роцце, чтобы пушку свою себе в жопу засунул! – Ротный свирепо вращал глазами, выдвинув вперед нижнюю челюсть, – это я, я – Бурый, подошел к заводу вплотную! Где обещанные «огурцы»?..

Первой отозвалась почему-то Роцца:

– Бурый, я тебя понял, не кричи...

– Пошел на... й, Роцца! – рявкнул Ротный.

Рация жалобно пискнула. Кто-то из бойцов тихонько рассмеялся. Летеха цыкнул:

– За обстановкой следим!

Пашка вытер ладонью потное лицо, не переставая нервно вертеть головой. Местечко было то еще – территория завода, перекошенная разбомбленными зданиями, руины, стены, много огромных окон. Быстрее бы свалить отсюда.

Динамик вновь задрожал:

– Бурый, прием!

– На приеме, – Ротный уже более спокойно обвел свою группу взглядом, заглянул вверх, на зияющие дыры в высоченной стене завода. Одной рукой сложил карту и сунул ее обратно.

– Бурый, дождитесь... может, еще кто подойдет, и начните штурм. Эта точка нам необходима.

Где-то невдалеке грохнуло.

– Ждать не могу, – Ротный был предельно лаконичен, – нам его или брать, или уходить. Слева от нас «поляков» штук пятьдесят, идут по пятам, мы только оторвались. Сейчас здесь

будут, они город лучше нашего знают. На верхних этажах здесь тоже «поляки», сколько – неизвестно. Есть снайпера, это точно. У меня уже двоих задело. Пока без потерь.

– Бурый, тогда начинайте после артподготовки. Через десять минут... Десять минут. Как понял?..

Опять грохнуло. В соседних кварталах ожесточенно шла перестрелка.

– Я плохо понял, Тайга! А где обещанные «огурцы»?!!

– Их не будет, Бурый... Произошли изменения... Вы слишком далеко ушли. Это не сегодняшней рубеж, как понял?

– С утра был сегодняшним! Я тебя понял, Тайга-2, – мрачно произнес командир в рацию и отключился от эфира.

– Помощи не будет, – снова обвел взглядом закопченные лица своих солдат, – парни, мы между двух огней. Полезем в завод, там еще что-нибудь сможем предпринять.

Добавил, обращаясь к Летехе, что с невозмутимым видом заполнял оприходованные магазины:

– Вот что значит хорошая работа. Пока мы сюда прорывались, эти уроды тихонько за нашими спинами окопались и дальше не идут. А нас обложили...

– Охренительно, – заявил Летеха, – здорово!

Где-то ближе к центру снова пошло все взрывать. Круглые сутки город бомбили.

Группа спецназа сидела в круговой обороне под стеной завода, тридцатью парами глаз отслеживая обстановку. По всему городу стреляли, и неизвестно, в какой из моментов и этот проулок снова затрещит перекрестным огнем. Здесь был заводской тупичок, и только пара закрытых дверей, ведущих в завод, но неизвестно, куда именно. По стене сползали перевиленные сухие лианы, виноградник, наверное. Весной расцветет... Пашка ощупал две оставшиеся гранаты в карманах разгрузочника на груди. В который раз лихорадочно пробежался глазами по коварным проемам окон. Недалекая стрельба вроде поутихла. Решил заправить выбившуюся из-под бронежилета тельняшку с камуфляжем. Неловко придерживая автомат и озираясь, наскоро запихал одежду в штаны. Так-то получше.

Рядом, задрав «комок», шипел от боли Пасечников, растягивая уголки губ в злой гримасе. Бронежилет с расстегнутыми лямками на «липах» валялся здесь же. Один из сержантов перебинтовывал ему задетые осколком ребра. Бинт сразу пропитывался кровью, и приходилось распаковывать в срочном порядке еще медицинский пакет, чтобы унять этот поток.

– Ту же тяни, – поглядев на них, заметил Второй Лейтенант, командир второго взвода, жилистый парень лет двадцати трех. Он у них в группе недавно, к приходу младшего призыва принял обязанности комвзвода.

Головастику чуть поодаль заливали йодом разодранное то ли пулей, то ли осколком ухо. Кровь хлестала еще пуще, нежели из ребер Пасечникова. Фельдшер из дедов зажимал ему ухо куском бинта и выливал сверху очередной флакончик йода, приговаривая:

– Вот это ухо, я понимаю! Легче было отрезать, чтоб не мучился. Забинтовывать не будем, держи бинт, как хочешь. Времени нет, и мешать будет, хлопнут – и не услышишь. Держи, братан, скоро остановится.

– Блин, это снайпер, стопудово! – бегал глазами Головастик, потряхивая большой головой.

– Возможно, – резонно замечал Фельдшер, и крепче зажимал рану. Головастик лишь ошалело крутил головой от жгучей йодной боли да испуга. Шутка ли – второй день на боевой операции, а пули так и норовят залететь в башню. В крови перемазались оба.

Остальные молча сидели впритык к стене, ожидая новых команд. Вчера еще затемно на трех БТРах группа подошла ближе к окраине и высадилась у кладбища на северной стороне. В город вошли своим ходом. Это было несложно. Все перипетии начались чуть позже. Запланированная операция почти сразу дала сбой, и спецназовцы оказались одни в чужом враждеб-

ном городе, кишашем боевиками и повстанцами, которые еще несколько дней тому назад считались мирными горожанами. О Чечне Пашка до этих пор, наверное, и не слышал, читал что-то там, у Рыбкина, вроде. И сейчас еще не понял, что же собственно творилось в мятежном городе, и почему его так яростно защищают с оружием в руках. И откуда здесь столько этого оружия? Такая прорва у мирных горожан? Непонятно...

Метрах в пяти начинался высокий бетонный забор, наполовину уже разрушенный начавшейся войной. За забором шла проселочная дорога. Вдоль нее сюда группа и дошла, отстреливаясь на ходу от увязавшихся за ними наемников. По всей длине этой улочки стояла подорванная русская бронетехника – танки, БТРы, БМП и БРДМ. Раскорюченное неведомой силой, обугленное железо устало поникло по обочинам дороги, найдя здесь свое последнее пристанище.

Пашка поежился, вспомнив об этой картине. Не хотелось бы быть там в тот момент, когда всех их накрыли. Это слишком... Прямо на дороге, в канавах и поодаль, везде, буквально везде валялись никому не нужные трупы. Изувеченные, разорванные, обгоревшие, окровавленные. Почерневшее мясо, вывернутые в момент смерти конечности, переломленные тела и торчащие обломки костей – большого оптимизма это все пока не вызывало. Ведь там не было ни одного боевика среди них, все сплошь наши пацаны, солдаты, офицеры, да кто их там уже разберет. Может, чечены и были, но те своих унесли.

Да, не очень удачно заходил два дня тому назад в город танковый батальон...

Вокруг все пропиталось смертью, воняло кровью, жженым мясом, фекалиями, и Пашке уже казалось, что его утепленный осенний «Склон» насквозь пропитался этим тошнотворным ароматом. До этого момента удавалось не заикливаться на этом, а сейчас взгляд то и дело останавливался на разбомбленном проеме в стене рядом. На разбитых камнях там лежали двое – точнее, то, что от них осталось. Первому, наверное, было лет сорок, во всяком случае, это удавалось определить только по покрытой проседью голове, все остальное было просто смятым бесформенным месивом. У второго, совсем молодого парнишки, напрочь отсутствовала середина туловища. Ноги валялись в стороне, а синие глаза с последней мукой глядели в чужое беспощадное небо.

– Эй-ей, Пашков, душара! – постучал по сфере костяшками пальцев Эдик Костюхин, дед со второго взвода, – очнись, ты чего? По сторонам смотри... Вас же в морг водили, не насмотрелся еще?..

Пашка оторвал взгляд от развороченного нутра солдата. Глубоко вздохнул, ощупал привычно карманы разгрузочника и ремни застегнутого ранца, в котором сейчас лежало все его богатство – запасные полные магазины и патроны россыпью. Больше с собой ничего не брали, даже фляжек с водой. Шли на кратковременную операцию, а зависли на двое суток. Никто не знал, что все это так затянется. Жажда была такой, что было ощущение слипающегося пищевода.

– Пасечников, ты двигаться можешь? – обернулся Ротный к раненому.

Тот осторожно подвигал рукой. «Броник» одевать не стал.

– Конечно, товарищ капитан, – только и ответил он.

Пашка отметил, что дед все-таки был бледнее, чем обычно.

– Хорошо, – Ротный глянул на Головастика и махнул рукой, – этого не спрашиваю. Только кровью по дороге не истеки.

Он встал.

– Короче, парни, – передернул он затвор, – почему мы еще не сдохли – это вопрос. Хочется верить, что нам повезет и дальше. Только постараться придется. Все, что мы сегодня делали – это не совсем по нашему профилю, но мы делаем то, что нам было сказано. А сейчас профиль наш, это вы все умеете. После артподготовки делаем штурм здания, захватываем спокойно, вдумчиво, без суеты. Как на учениях. Не как на показухе – на скорость, учебный

взвод... а как на занятиях. Мочите всех, кого увидите, кто попадется на пути. Не останавливайтесь, если увидите женщин или детей. Их здесь не может быть, если они здесь есть – значит, они не те, за кого себя выдают. Это все мишени, и эти мишени стреляют, если вы не успеваете сделать это первыми. Не мялить. Первый взвод идет со мной налево через тот вход, что за углом. Второй и учебный с командирами взводов пробует пройти через парадный. Там главное – не торопиться, и потом, уже при встрече внутри не перестрелять друг друга.

– Внимательнее, – Ротный глянул вверх, – кого зацепят, ложитесь, заползайте в угол и ждите, потом мы вас вытащим. Если будете в состоянии, помогайте – отстреливайте противника. Смотрите только, чтобы свои не пришили. Первогодков прикрывайте, дедсостав, – повернулся он к старшим бойцам.

Старшина при этом молча показал учебному взводу кулак. Наверное, кого ранят не смертельно, потом будет пробивать, съехидничал про себя Пашка. Повода радоваться не было, его потряхивало от предстоящего штурма и вообще от всего этого.

Ротный осмотрел нависшее свинцовой тучей небо, прислушался к канонаде в городе. Нервно постукивая пальцами по автомату, произнес негромко:

– Где же эти долбаные вертолетчики?

В закопченном небе никто не появлялся. Зато прикрывающие левый фланг два бойца в один голос крикнули, вскидывая автоматы к плечу:

– Противник слева!.. За забором! Много!!!

И в этот же момент затрещали автоматные очереди. Ухнул гранатомет, и сразу вслед за яркой вспышкой хрястнул разрыв почти над головами засевших спецназовцев. Пашку осыпало множеством крошек. Заводской тупик заволкло гарью и белой промышленной пылью.

Противно треснула граната, взорвавшаяся метрах в двадцати от группы. Бойцы залегли, стараясь задавить боевиков своим огнем. Ротный, стреляя одиночными один за другим, словно автоматической стрельбой, орал, мотая головой за спину:

– Начинаем штурм! Все, все через левый вход! Пошли!..

Бойцы по одному срывались и, стреляя на ходу, исчезали за углом. Оттуда также послышалась стрельба и яростные вопли.

Пашка, приняв изготовку с колена, палил наугад в пыль, по смутным очертаниям изломанного забора. Позади, гулко паля из ПКМСа, протопал Жеха Сидоркин, весь обмотанный пулеметными лентами, словно матрос из Севастополя образца 42-го. У самого угла остановился, прикрывая бегущего за ним солдата учебного взвода. Пулеметные очереди превращали бетон в крошево, кося поторопившихся выскочить под огонь боевиков.

– Паха! Пошли давай!.. – крикнул Андрюха, крупной тенью проскользнув за Пашкиной спиной.

Да, пора... Он последний с этого края.

Стрельба из-за забора на время поутихла. Но через несколько секунд сверху над ним перевесилось сразу несколько черных голов, стреляя по спецназовцам практически в упор, только что не целясь. Пашка лихорадочно выпустил в их сторону всю обойму. Рядом с ним простучала по стене такая же. Времени переставлять рожки катастрофически не хватало. Подобрал с земли оброненную кем-то гранату, рванул одним движением чеку и швырнул ее за забор, срываясь с места. От стены, где он только что стоял, тут же пошли откалываться куски, выворачиваемые пулями противника.

Пулемет в здоровых Жехиных руках мощно звякнул, в последний раз отдав пустую ленту. Он сгреб поскользнувшегося Пашку за воротник, кинул себе за спину и только тогда ушел сам.

На простреливаемом пространстве сейчас остались только Старшина Буйвол, Ротный и два деда. Они находились не у самой стены, откуда только что ушел Пашка, а чуть поодаль, укрываясь за развалинами бывшей котельной. Расчетливо паля одиночными и короткими очередями, с каждым разом сбивали очередную темную тень, поспешившую выскочить из белого

тумана. Оттуда, в свою очередь, все чаще начали потрескивать встречные выстрелы, возле офицеров задребезжали по старым изъеденным котлам пули, высекая искры, взрывая землю рядом.

– Все, уходим, – Ротный привстал и, не прекращая стрельбу, начал пятиться. Рядом спина к спине с ним пошел один из дедов. На углу остановились, плотной стрельбой прикрывая остальных.

Последними ушли Летеха с Буйволом. Зашли за угол, Ротный снова возглавил группу, остальные остались в группе прикрытия, не давая напирающим боевикам подойти ближе.

И тут же вся группа попала в новую переделку. У бывшей проходной уже шла ожесточенная перестрелка с боевиками, что затеяли атаку со стороны центрального входа. Уже здесь, под стеной, лежало около десятка наемников, одетых в основном в русские камуфляжи. Среди них и притаились спецназовцы, постреливающие в сторону центрального входа и по окнам вдоль всей стены, откуда то и дело выныривали руки с автоматами, беспорядочно стреляя вниз, по солдатам.

Не всем удалось на этот раз встретить врага безболезненно. В стороне, раскинув руки, лежал сержант первого взвода, шедший в авангарде группы. На его лице явственно темнели две дырочки – под глазом и на скуле. Под головой растекалась плотная красная лужа, смешиваясь с грязью.

Отбросив ручной пулемет, скорчился на коленях Шерстяной, один из дембелей. Широко открытыми глазами наблюдал, как неудержимо растекается горяче-красное под простреленным бронежилетом. Ни слова не говоря, посмотрел Пашке прямо в глаза и упал лицом в чеченскую жижу, дрогнув телом несколько раз.

– К стене, Пашков! – бесцеремонный удар отбросил Пашку к стенке, – вверх смотри.

Замок, прижавший к укрытию, подобрал РПК с убитого и быстро вернулся. На свирепом всегда лице Пашка увидел доселе невиданное – слезы в глазах Замка. Тот смахнул их рукой, заметив взгляд своего солдата.

– Надо же, бля... – в его горле что-то глухо хлопотнуло. Махнув рукой, двинулся к тому месту, где парни уже подошли к самому входу, тесня бандитов внутрь. Пашка побежал за ним, кинув последний взгляд на Шерстяного. Эмоций не было. Не до того... Вспомнил только, что Шерстяной пробивал с кулака очень сильно. Очень сильный удар был у деда. Даже сейчас проломленная грудина болит...

У входа несколько спецназовцев отстреливали верхние этажи, откуда велась по группе интенсивная стрельба. Один из сержантов лег на спину, сосредоточившись только на этих окнах.

– В соседнем здании снайпер! – крикнул он Ротному, – и сверху нормально палят, аккуратнее... Это третий, пятый и два верхних этажа! Снайпер – четвертый и пятый этажи, гуляет по окнам, не очень прячется. Никакой... Можно потом будет поохотиться...

Ротный быстро осмотрелся, мгновенно оценив обстановку.

– «Шмель» давай, – потребовал у Андрюхи, тащившего за спиной сдвоенный огнемет. Тот быстро скинул с плеч тяжелый груз. Несколькими движениями Ротный разъединил трубы и приготовил один «Шмель» для стрельбы, второй кинул Замку.

У входа продолжалась ожесточенная перестрелка, усиливающаяся то с одной, то с другой стороны. Бойцы не могли зайти внутрь, боевики не собирались их туда пускать, простреливая широкий проход. Закинутые внутрь гранаты не решали проблемы – видимо, укрытия обороняющихся были достаточно надежными.

А за стеной, откуда только что ушли, огонь напирал, превращаясь в сплошную оглушающую трескотню. По всей видимости, к боевикам подошла еще подмога. Угол, за которым залегли Летеха со Старшиной, на глазах превращался в изрубленный хлам. Словно выедался огромной и к тому же невидимой страшной крысой – уже проглядывались сквозь пустую чер-

ноту внутренности завода, торчали в разные стороны куски отстреленной арматуры. Не выдерживая такого напора, небольшая группа прикрытия отползала все дальше и дальше. Земля перед ними и дальше по открытому пространству была просто изрыта тысячами пуль, чудом не нашедшими живую цель.

– Не удержим, – услышал Пашка крик Летехи позади, – надо заходить! У нас половина уже пошла в обход, ждите их со своей стороны, с того угла. Заходим, заходим, а то все!..

После известий о том, что боевики вот-вот стянут кольцо вокруг группы, бойцы лихо радочно усилили огонь, подойдя вплотную к входу. Обороняющимся пришлось уйти вглубь завода, кто не успел этого сделать сразу, остался лежать у входа.

Ротный перекрывал своим командирским голосом всю эту адскую какофонию. «Шмель» уже покоился на его плече, готовый к своему единственному выстрелу.

– Соловей, на секунду выходим, делаем выстрел! Восемь гранат в разные углы!.. Все остальные разом на штурм, внутрь! Все! Задние остаются прикрывать вход, другие чистят первый этаж и занимают все проходы ко второму! Соловей, пошли!!!

Слез на лице Замка уже не было. Может, и показалось тогда... Он кивнул Ротному со своим неизменно мрачным видом.

И тут Пашка уловил вспышку огонька со здания напротив, стоящего уже в другом квартале, и сразу над головой чавкнула пуля, хлопнув в стену и осыпав его белым крошевом.

Пашку от неожиданности упал на землю. Сзади его подпер Жеха, держа пулемет одной рукой по-боевому, словно это был облегченный автомат. С левой стороны пулемета свешивался остаток пустой ленты, с правой полная лента уходила в пристегнутую коробку.

– Снайпер, сука! – крикнул он Пашке. Обернулся к одному из «ворон» – бойцов призывом помладше его, но старше Пашкиного, – Петруха, попробуй удержать его, пока не зайдем.

Петруха весело и отчаянно оскалил зубы. Вскинул СВД, выискивая в прицел затаившегося врага. Хлопнул выстрел, еще...

– Удержу! – радостно заорал он, – вижу, гниду...

Еще пара спецназовцев-снайперов постреливала на ходу по соседнему зданию, пробираясь ближе к головной группе.

Сидоркин рывкнул поднимающемуся с земли Пашке:

– Пашков, идешь со мной в завод, спину прикрывай, понял!? Чтобы ни шагу от меня... Коробки неси, – и сунул Пашке две большие пулеметные коробки с лентами, – расторопнее будь.

– Хорошо, – кивнул Пашка, не очень-то хорошо соображая в этом оркестре пальбы. Тем временем у центрального началось наконец основное действие.

Два бойца подползли к самому порогу, закинули внутрь сразу несколько гранат, одну за другой. В темноте первого этажа начало рваться. Пашка ощутил, как дрожит стена, к которой он прижался вместе со всей цепочкой боевой группы. С каждым взрывом из темноты вырывались огненно-дымные тучи.

Один из дедов считал:

– ... Четыре, пять, шесть, семь. Восемь! – рывкнул, как скомандовал и, всунув руку с автоматом внутрь, принялся беспорядочно палить, нажимая на спусковой крючок.

Из темноты валил едкий черный дым, вызывая слезы, и стелился по обожженной земле, обнимая ноги в грязных, запыленных берцах.

Одновременно с этим Ротный в два длинных прыжка оказался на открытом месте, как раз напротив затихшего на мгновение проема. Свирепо рывкнул РПО у него на плече, и вокруг содрогнулось, спрессовав воздух вокруг. С обоих концов трубы рвануло пламя и выстрел в долю секунды исчез внутри завода.

Вслед за Ротным, опоздав на какое-то мгновение, выскочил на это же место Замок и второй огнемет, оглушительно взревев, сделал свое дело. Внутренности дрогнули. Всю группу обдало горячим, а Ротный уже орал, не дожидаясь, пока стихнет звон в ушах:

– Пошли!.. ...шли... вашу мать!!!

Неудержимо клонило в сон. Пашка досадливо цокнул языком сам на себя из-за того, что не может с этим совладать, и снова заснул. Сон получился чутким и беспокойным. Часто к яме подходили боевики, смеялись, тыкали в пленных пальцами. Тело непроизвольно напрягалось, каждый раз ожидая развязки, но, приоткрывая глаза, убеждался, что и сейчас пришли не по их душу, а так, поглазеть, и снова забывался. К этому моменту он уже зарекся от походов в зоопарк на гражданке, если еще удастся оказаться там. Бедные звери... Им, вольным душам, наверное, еще тяжелее от того, что никуда не скрыться от назойливых взглядов пялящихся на тебя людей.

И кто-то неподалеку кашлял все время.

Между тем хоть в таком, но все же живительном сне он ощущал, как жадно берет свое дошедшее до крайней точки тело, восстанавливает себя.

Из сна вывел его уже под вечер опять же Ахмет. В нагретом воздухе уже посерело, когда он подошел к яме. Бросил веревку вниз, сказал коротко:

– Ведро давай.

Пашка привязал веревку к пластиковой ручке опустевшего за целый день ведра. На дне плескалось немного намокшей жижицы. Наверное, земля сверху попала. Покачал головой. Ну и горазд пить, однако, Виталя. Сушняк у него, что ли?

Ведерко дернулось из рук и ушло вверх. Вместо него Ахмет скинул еще сверток, правда, по весу чуть меньший, нежели тот, что был утром. На этот раз Пашка успел крикнуть отвернувшегося чеченцу:

– Спасибо, Ахмет.

Сверху послышалось лишь одно недовольное удаляющееся бурчание. Пашка уже отметил, что словоохотливый в первые дни Ахмет все последнее время мрачно отмалчивается, даже избегает своих пленников.

Неподалеку хриловатый голос позвал Ахмета. Это он кашлял, обладатель этого голоса. Значит, наверняка поблизости есть пост. Либо сделали его на то время, пока кто-то сидит в зиндане. Чтобы глупые русские свиньи не вздумали выкарабкаться оттуда. Пашка сноваглянул наверх, на сужающиеся кверху отвесные стены и хмыкнул.

Тем временем Виталя уже развернул тряпку. Там оказались две лепешки и две средних размеров луковицы.

– Ух, блин! – Виталя и не скрывал своей радости, – живем, блин...

Быстро очистив от верхних шелушек одну из них, тут же съел целую, кусая, как яблоко.

– Как ты думаешь, это теперь всегда так будет? – спросил он у Пашки, сочно хрустя луковицей и прищмыгивая при этом разбитым носом.

– Что будет? – не понял сразу Пашка.

– Ну, кормить вот. И не делать ничего...

– Вряд ли, – Пашка пожал плечами, – мне вообще все это дико не нравится, если честно. Вместо того, чтобы нас просто грохнуть, они нас откармливают. Подозрительно это.

Виталя заметно погрузнел, даже жевать стал чуть медленнее.

– Жаль. Хотя, конечно, хрен его знает, что там дальше... Ты как думаешь?

– Наверное, все-таки подкормят для товарного вида и продадут в рабство. Чего им деньги терять, – Пашку даже передернуло от такой перспективы, – дикость какая-то. Лучше бы сразу пристрелили. А может, еще чего придумали...

Тут он угрюмо замолчал, отламывая от своей лепешки маленькие кусочки. Отправляя их в рот, медленно-медленно жевал, наслаждаясь вкусом живого хлеба.

– А что... придумали? – испуганно насторожился Виталя.

– Да я волоку, что ли? – огрызнулся Пашка, – откуда я знаю, что у этих чертей на уме. Дают вон жрать, вот и жри.

– Не хочу в рабство, – заявил Виталя, грызя свой лаваш.

– А куда ты хочешь – домой? – язвительно поинтересовался у него Пашка.

– Домой точно нельзя, там за Прапора как пить дать расстреляют, и фиг ты докажешь, что он пидар был конченный, – начал рассуждать, не забывая о лепешке, – вот и получается, что к своим нельзя, домой нельзя, в рабство закабалиться неохота... Что остается?.. Или сдохнуть, или здесь остаться. Сдохнуть тоже неохота.

Пашка поперхнулся очередным куском.

– То есть как это – остаться? – промямлил он, переваливая во рту непрожеванную лепешку.

– Ну, значит, здесь остаться, с этими уродами, попроситься к ним в отряд, – начал объяснять Виталя, умяв ужин и оглаживая себя по ставшему теплым втянутому животу, – а потом видно будет.

Резиновая лепешка все никак не хотела прожевываться. По частям немало ходило историй от перешедших на сторону боевиков солдат, попавших в плен. Правда, достоверного факта Пашка ни одного не знал. Одного бывшего пленного даже видел, его домой отправляли. Нормальный пацан, его обменяли вроде на кого-то из «чехов». Говорил, что в плену хорошо обращались, потом отпустили легко, не били, ничего. Смутная история. Пашка тогда при разговоре не вдавался в подробности, но все это показалось ему странным, что ли. О боевиках он знал немного, но ничего хорошего – это точно. Хотел промолчать, но не удержался:

– А ты в курсе, что для этого надо будет делать?

Виталя нетерпеливо махнул рукой. Цепь тонко звякнула.

– Да какая разница, Паха? Что этих стреляли, что тех будем стрелять – мало, что ли, у тебя на руках этих убитых? Я слышал, вы в Грозном херачили по своим по ошибке вместо чеченов, и не один раз, наверное. Не прикидывайся, у тебя мертвяков больше, чем у всех вместе взятых, кого эти черти видели за свою жизнь.

Виталя тихонечко засмеялся.

– Смотрите-ка, «не спецназ» он. А если узнают? – коварно спросил он у Пашки.

– Не узнают, если ты не скажешь, – отрезал тот.

– Я-то, может, и не скажу, – вздохнул Виталя, – да ладно, че ты, можно ведь не вразправду, можно в сторону стрелять, поверх голов. Думаешь, я хочу наших стрелять, что ли? Просто играть по этим правилам, чтобы своими посчитали. А тут у них свои каналы. Можно будет потом новые документы сделать, свалить за границу...

– Какую-токую «заграницу»?! – злобно осведомился Пашка, – в Афган, что ли? Или к арабам?

– Да хотя бы и туда, для начала, – размечтался Виталя, – потом уж ближе к цивилизации перебраться. Мне эта Родина уже в печенке сидит, если и ту не отбили, – он озабоченно пощупал бок, – за нее кровь проливай, вшей корми, плюхайся в говне да в грязи, пушечным мясом будь, а она тебя за это, падла, будет кормить ржаными сухарями и горелой пшенкой грамм на сто три раза в день. Хорошо еще, если и это дадут, спасибо, – Виталин голос начал подрагивать, – а из сигарет, бля, один лишь сырой «Дымок» и «Луч». Если «Астру» надыбашь – за счастье... Зарплата – семь рублей, это же обхототаться можно. Обещали командиро-

вочные, так ведь и здесь нагреют, не дадут, это у них здорово получается. Если сдохнешь, спишут на боевые потери, и родителям шиш покажут, похоронку пришлют издалека – мол, погиб геройски, ага, а где, хрен его знает, нам это похрену, если честно. Государство!.. – перешел уже на сдавленный крик Виталия, – офицерье пацанов ломает, деды воротят, что хотят, никто слова поперек не скажет, в скотов превращают. Ладно бы просто отнимали последнее да били время от времени – еще терпимо, нет, им ведь еще поглумиться надо, власть свою показать, себе доказать, что они чего-то стоят, что они крутые. Коз-злы гребаные! Ты две недели назад одного такого замочил, – Виталия подполз к Пашке, хватая его за рукав грязной рукой, – ничего, совесть не съела? Не жалеешь, нет?..

– Не все такие, – ответил Пашка, отворачиваясь, – и пацаны здесь ни при чем.

Виталию колотило, взгляд становился совершенно безумным. Он уже почти кричал:

– Какого... я должен по окопам лазить? Сначала выкопаешь, потом сидишь в нем. Оттуда норовят башку снести, и свои бьют по ней. Какие это «свои»? Эти свои пихают в самое говно, обращаются хуже, чем с собакой – какие «свои»? Боря одним своим приказом... Сука, ведь даже и не подумал, что люди живые, одним словом десятки тысяч под смерть подвел – и ничего, и все нормально, и пьет дальше, дирижирует... И все рады, все наживаются, всем выгодно. А я здесь сдохнуть должен, сдохнуть ни за что, ни за хрен собачий! Обязан!!! За Родину!!! – Виталия истерически захохотал, не отрывая глаз от хмуро молчащего Пашки, – да меня всю армию так не кормили, как в плену у чертей. Фиников не давали, лука не давали, о лавахах я молчу. Одну сечку на воде да рыбы кости... Не так, что ли, скажешь?.. Тебя финиками кормили?!!

Сверху послышались шаги. Видимо, охранник подошел проверить, чего это пленные разорались. Убьют друг друга, потом Султан три шкуры из-за этих ослиных отребьев спустит.

Виталия, завидев чеченца с автоматом, вскочил на ноги. Потрясая сложенными руками, одна из которых до сих пор так и была прикована к Пашкиной, закричал ему:

– Хочу сделать официальное заявление! Прошу политического убежища в вашей зеленке! Дайте мне АКС-74М, и я тоже буду стрелять неверных во славу Аллаха. Клянусь верно исполнять заповеди исламской религии и можете с этой минуты считать меня полностью своим с потрохами.

Виталия орал и хохотал при этом, вращая белками широко открытых глаз:

– Дяденьки, возьмите меня с собой! Я хоро-оший солдат! Дисциплинированный...

Пашка сидел, мрачно поглядывая на сошедшего с ума товарища. Ему уже доводилось наблюдать, как сходят с ума, и сидеть с еще одним таким в этой яме не прельщало. Пожилой чеченец с отвисшей нижней губой и придурковатым взглядом потребовал на корявом русском:

– Заткнись, – повел автоматом, – убью.

– Тебе нельзя, – заливался Виталия, – это только Султан может, а тебе, псу рядовому, нельзя. Зови Султана, гондон! – неожиданно рассвирепел он, – я с вами остаюсь, это дело решенное, и вообще – я с детства мусульманин. Да! Гони автомат...

Охранник наверху тоже порядком разозлился. Переложив автомат в левую руку, правой начал подбирать камни с земли и метать их вниз, целя в Виталию. Разошелся не на шутку. Пашке пришлось забиться к стене и закрыть голову руками. Хотя он и был тут совершенно ни при чем, но то и дело сверху больно щелкал пущенный охранником земляной ком или небольшой камень. Один черкнул обжигающе по разодранной при обстреле щеке, и снова он почувствовал стекающую по лицу струйку.

Виталия поначалу не обращал внимания на летящие в него камни, не переставая просить чеченца взять его к ним в отряд, умолял, угрожал. Уже несколько раз камни попадали в него, коротко и неровно остриженные волосы просочились кровью. Только тогда он начал уворачиваться, и через некоторое время наконец взмолился:

– Все, хватит. Не кидайся, – и замолчал.

Раскрасневшийся охранник метнул в него еще один земляной жесткий булыжник и на этом прекратил экзекуцию, тяжело переводя дыхание. Годы не те, язвительно заметил про себя Пашка, утираясь ладонью. Был бы этот солдатишка покрепче, ты бы первым пощады запросил, чурка стоеросовая.

Виталя, жалобно поскуливая, забился к стене, размазывая кровь по голове.

Чеченец хищно глянул вниз, сказал злобно:

– Ащендее тен дал!* – сплюнул, добавил по-русски, – убью, сука...

И отошел от зиндана, закинув автомат на ремень.

Некоторое время сидели молча. Пашка оттерся, стряхнул грязь и поднял с земли осыпанный крошками сверток. В него переложил свою луковицу и аккуратно завернул снова. Теперь еще запасец есть, не пропадем. Мало ли, утром забудут, так голодными не останемся. Поколебался немного, искоса глядя на плачущего Виталю.

– Мой лук хочешь съесть?

– Не, не хочу.

Виталя отвернулся. Спустя минуту ответил тихо:

– Спасибо...

– Ты это... завязывай нить, – Пашка положил сверток под стену, – дальше видно будет, что да как... Может, еще сбежать удастся.

– Ты что – заболел? – Виталя поднял грязное лицо от колен и взглянул на Пашку почти сочувственно. Глаза были уже нормальными, несмотря на размазанную по лицу кровь, – куда сбежать-то? И зачем? Кто нас ждет теперь, ты хоть думаешь об этом?..

Да, Пашка думал об этом. Знал, что если их отыщут, то так просто отвертеться не удастся. Пойдут оба выживших под трибунал, как миленькие. Наверное, засадят на много-много лет. А может, и расстреляют, что вполне вероятно, там же на месте, чтобы другим неповадно было. Чтобы все знали...

Бежать действительно было некуда. Домой ведь не пойдешь, это бессмысленно, захмут либо по дороге, не доедешь, либо уже дома, при матери. Причинять ей лишнюю боль он не хотел, не имел права. Уж лучше так, уехал – и все, с концами, нечего ей душу травить. Пашка-Пашка, что же ты сделал? Как так получилось?..

Он схватился мучительно за голову. Куда бежать-то?

Надолго задумался, сосредоточенно глядя в землю. Наверху только начало смеркаться, а в яме уже было не разглядеть черты лица сидящего напротив. Сколько Пашка не напрягал мозги, просвета не было. Яма она и есть яма.

Через какое-то время пришли два знакомых конвоира и, весело споря о чем-то между собой, закрыли вход досками. И опять вокруг воцарилась ночная горная тишина, в которой раздавались изредка лишь Виталины судорожные вздохи да мерное дыхание самого Пашки.

* – непереводимое грязное ругательство

Спецназовцы бросились на штурм. Первым нырнул в полыхающий огонь дед, что считал разрывы гранат, он был ближним в этой цепочке. За ним – его напарник.

Ротный с Замком быстро вернулись обратно, пропуская основную штурмовую группу, контролируя ее и прикрывая. Внутренности первого этажа огласились первыми гулками очередями. Работа закипела. Вот и они нырнули в черный жирный дым, клубами валивший из проема главного заводского входа.

– Давай! – теснил Жеха Пашкова. Бойцы в цепи перед Пашкой неумолимо исчезали один за другим в стреляющей темноте.

Летеха с Буйволом уже неслись от раскрошенного угла, зигзагами уворачиваясь от летящих пуль. Летеха орал на бегу, рвал связки:

– Все!.. Они здесь! Пошли внутрь, внутрь все давай!..

Пашка на секунду остановился перед тем, как следующим упасть в непроглядный черный дым, где уже исчезла большая часть группы. Откуда-то впереди показался чей-то силуэт, осторожно выскользнувший из-за угла. И за ним еще один. И еще... Увидев перед собой горящие глаза и черные бороды, Пашка обомлел на мгновение. Автоматически, по отработанной привычке, вскинул одной свободной рукой АКС, послал затяжную очередь по дрожащим в огненном мареве фигурам.

Жеха сзади закричал:

– Обошли!..

И в этот момент и позади, у того угла, откуда пришла группа, что-то мощно грохнуло и оттуда валом посыпались боевики. Неслись в открытую, толпой, из-за истерзанного угла. Сверху над головой на втором этаже полыхнуло окно, и на головы посыпался вывороченный оттуда взрывом хлам. Впереди маячили подбирающиеся фигуры. Пашка еще пальнул наугад и был брошен Жехиной ручищей внутрь.

Ушел влево, чтобы не стоять на опасном проходе, рванулся вперед на несколько шагов, споткнулся в темноте о чье-то тело. Отпрыгнул в сторону, оглянулся.

Жеха Сидоркин стоял на фоне светлого проема входа и палил с двух рук, поливая прилегающую к заводу местность. Спиной к нему стояли Леха Белый с РПКСом, и два пулемета косили все живое в округе, давая зайти беспрепятственно остальным. Последним в завод вошел Летеха, на ходу доставая полные магазины из разгрузочника. Неподалеку от входа расположилось отделение прикрытия второго взвода, слушая вместе со своим офицером распоряжения Ротного.

Пашка осмотрелся. К штурму он опоздал. Вошедшие перед ним уже закончили зачистку первого этажа. Повсюду валялись трупы боевиков, раскиданные импровизированные укрытия. В дальнем углу уже начинали перевязывать раненых.

– Давайте наверх, – Ротный обернулся к Летехе и группе последних, среди которых был и Пашка, – этих всех бери и начинаем занимать второй этаж. Не торопитесь, смотрите в окна, зря не рискуйте. Удержишь вход? – обратился он к командиру второго взвода.

– Обижаешь, капитан, – весело ответил лейтенант, сверкая белыми зубами на закопченном черном лице. Он укладывал бойцов прикрытия по местам, еще минуты назад принадлежавшим наемникам. Теперь простреленные, изорванные трупы бесцеремонно отпихивались в сторону. А кое-где ими укрепляли небольшие баррикады и укрытия, сделанные в основном из бетонных плит, камней и мешков с известью. Вот Леха Белый, ничуть не стесняясь раззявившего в немом крике мертвого наемника, перекинул через его труп сошки пулемета и преспокойно улегся, целясь в широкий проход.

Оттуда показались первые фигуры и раздались первые выстрелы. Укрывающееся отделение неторопливо ответило точным огнем, экономя тающие патроны. Ротный зычно командовал всей остальной группе:

– Штурм второго этажа! Пошли!!!

Голос гулко разнесся по искореженному огромному помещению. На первом этаже не было окон, если не считать два больших проема вверху, в дальней стене, еще держащей остатки цветного стекла. Затянутый в сажу и дым воздух в осажденном городе не давал много света и на улице, здесь же его практически не было. От всего этого картина в вестибюле первого этажа казалась фантасмагорической и странной. Стреляющие на полу люди посреди оча-

гов огня, разбитых стен и колонн, битых стекол и множества мертвецов вокруг в самых причудливых позах.

По двум лестницам, ведущим наверх, начали пробираться спецназовцы, непрерывно держа оружие наизготовку. Они, казалось, уже и не обращали внимания на усилившуюся стрельбу за их спинами. Второй лейтенант сказал, что удержит – значит – удержит. С улицы стреляли и время от времени закидывали внутрь гранаты. Ситуация повторялась, правда, с точностью до наоборот – боевики пытались войти в завод тем же путем, как минуты назад заходили их штурмовики. Главное – самим не попасться...

И зажатой со всех сторон в тиски группе приходилось занимать весь верх, чтобы хоть так освободить себе один из концов захвата.

Знак Ротного – и обе штурмовые группы двинулись вверх. Пашка двигался предпоследним в первой группе, за ним, напирая плечами, шел Жеха. Он только что заменил кончившуюся ленту на полную и освободил наконец Пашке руки. Лента глухо звякала о ступеньки, свисая с обмотанной ею руки Сидоркина. Он размеренно теснил Пашку наверх, и что-то считал про себя:

– Два плюс четыре, да тысяча заряжена, – разбирал Пашка шепот за спиной. Оставшиеся патроны считает. Жеха с досадой покачал головой и перевел регулятор стрельбы на нижний уровень, самую «неторопливую» скорость.

На второй, соседней лестнице уже слышались вопли и началась достаточно жесткая перестрелка. У них пока все было обманчиво тихо. Лишь нажимали изредка спусковые крючки идущие впереди два деда и страхующий их сержант, проверяя заводские щели на «вшивость». Основная часть неслышно пробиралась чуть поодаль во главе с Летехой, готовые в один миг сорваться с места.

Остановились на площадке между этажами. Отсюда было видно группу прикрытия – парни методично, словно в тире, отстреливались от назойливых воинов ислама, жаждущих пробраться внутрь.

Впереди на втором этаже светлел проход, одним концом уходящий в какой-то коридор и другим – еще куда-то сразу вправо.

Первый дед напряженно подобрался к проходу. Видны были капли пота на его висках и подрагивающий палец на полунажатом спусковом крючке. Показал знаком, что в коридоре чисто. Тут же бесшумно – Пашка знал, что бесшумно, хотя совсем рядом раздавалась оглушающая стрельба – мимо него проскочил второй и уселся на ступеньках, контролируя лестницу на третий этаж. Там он и оставался, непрерывно целясь вверх вздернутым стволом.

Летеха показал первому – иди! Вся группа приподнялась, изготовившись. Первый кивнул, облизнул пересохшие губы. Что-то шепнул самому себе и рванул в коридор.

Из правого ответвления немедленно понеслись несколько выстрелов один за другим. Их ждали.

Дед на лету успел дать короткую очередь, и тут же его что-то сильно толкнуло в воздухе. Удар был достаточно сильным – тяжелое тело отнесло к противоположной стене, и он неловко грохнулся на пол, брякнув автоматом о бетонный пол. Лихорадочно схватил оружие, прижался к спасительной стене, нервно пробегая пальцами по груди. Скривился то ли от боли, то ли еще от чего, найдя горячую, расплюснутую о бронежилет пулю. Обжегшись, откинул ее в сторону. Свел плечи вперед, проверяя грудь на целость. Зажмурился... Открыл глаза, успокаивающе кивнул – все нормально. Ковырнул пальцем вмятину на титане. И отсюда Пашка видел изумленное и почти счастливое выражение его лица – ну надо же, не пробила.

Больше ничего Пашке разглядеть не дали. С первыми же звуками выстрелов Летеха дернул висающую на разгрузочнике кольцом «Ф-1» и метнул в опасный проход. Там рвануло, один из осколков вернулся обратно, ввинтившись в бетонную стенку.

И сразу же за разрывом Летеха бросился в коридор первым. Перед ним на вытянутых руках очердил АКМ, словно отдельное живое существо, поливал узкое пространство.

– Давай! – заорал он оставшимся, – чисто!..

Весь десяток ломанулся мимо своего командира, прикрывающего их со стороны прохода. Еще дальше на этаже в конце коридора мелькали тени в пятнистых камуфляжах – соседняя штурмовая группа тоже пробилась вверх. Им пришлось тяжелее. Видимо, боевикам было не по силам уравновесить баланс сил. Здесь их было меньше.

Краем глаза Пашка увидел два сжавшихся тела в проходе.

Летеха, стоя в свой полный почти двухметровый рост, гордо поглядывал на дело рук своих. Потом подозвал сидящего на лестнице.

– Ты сиди здесь, – приказал, – у тебя три объекта: лестница на третий этаж, на первый и еще смотри проход не забывай, а то вдруг оживут, – кивнул офицер на трупы и хохотнул.

Пошли по широкому коридору, зачищая все кабинеты и помещения на этаже. Они располагались по левой стороне, по правой же шла сплошная стена и в самом конце двойные железные двери, видимо, вход в заводской цех.

Штурм шел по классической схеме. Дверь очередного помещения слегка приоткрывалась и туда летела сдернутая и отжатая с чеки граната. После взрыва внутрь врывались по два бойца, спина к спине, и поливали все оставшееся огнем из автоматов.

– Давай-давай, – подгонял прилипший, как банный лист, к Пашке Жеха Сидоркин. Он доставал у следующих дверей гранату, сдергивал чеку и выжидал пару секунд. Затем закидывал гранату внутрь и после разрыва сразу бросался туда, давя на спуск ПКМСа.

– Пашков, чего так медленно!?! – кричал он при этом Пашке.

Пашка молчал, стараясь успевать за широкой спиной деда. А как успеть, если почти квадратный Сидоркин не оставлял места в дверном проеме. Получалось так, что он всегда заходил первым и только уже за ним пытался втиснуть себя Пашка. Впрочем, и ПКМСа вполне хватало для того, чтобы раскрошить всю мебель в помещении. Боевиков на этаже не было.

Пашку начинало злить пренебрежительное к себе отношение. В конце концов, он так же, на равных, воюет вместе с дедами и офицерами, с матерыми спецназовцами, несмотря на свои несколько месяцев службы. Если он не нужен, могли бы и оставить. Где-нибудь...

К следующему кабинету подходили уже с некоторой ленцой. Жеха потребовал у Пашки гранат – свои закончились. Пашка нехотя подчинился. Дверь оказалась закрытой. Жеха с маху пнул ее берцем и ее перекосило, выбив с одной петли. Изнутри раздался громкий хлопок и в двери внезапно высветилась небольшая дырочка. Следующий хлопок расщепил дверной косяк.

Жеха судорожно присел, кинул приготовленную гранату в открывшийся проем. В кабинете что-то крикнули, послышались торопливые шаги. Парни вскинули оружие, но взрыв опередил всех. Изнутри хрястнуло, звякнуло жалобно, и Пашку обдало горячим воздухом. Дверь окончательно слетела с петель и упала рядом с Сидоркиным, перегородив ему на мгновение путь.

Вот он, шанс, возликовал Пашка, бросаясь внутрь. Не успев толком оглядеться, уже поливал комнату безудержной очередью. За перевернутым столом лежал убитый наемник. Пашка всадил в него последние пули и только тогда выдохнул, оглядывая помещение.

Секунду спустя вслед за «молодым» влетел Жеха, грозно водя стволом по сторонам.

– Куда прешь-то, а? – начал было отчитывать Пашку, но оборвал сам себя, махнув рукой, – ай...

В комнате оказался целый склад боеприпасов. Повсюду виднелись аккуратно сложенные зеленые ящики с гранатами, цинки с патронами, заряженные пулеметные ленты и машинка Ракова рядом.

Жеха присвистнул:

– Вот счастье-то! И не детонировало...

С возгласом удивления и радости бросился к лентам, отпихнув в сторону обожженный труп.

– Суй прямо в ранец, – потребовал он у Пашки.

Расстегнув центральный карман, принялись укладывать рядами приятно постукивающие тяжелые ленты, когда в воздухе за окном послышался нарастающий рев самолетов.

– Наши, что ли?.. – недоуменно спросил Жеха, перестав сортировать трассирующие пули от бронебойных.

Первый авиааракетный залп пришелся на верхние этажи.

– Что за?.. – начал было Жеха, но второй ракетный удар не дал ему договорить.

Буквально несколькими этажами сверху – а Пашке показалось, будто бы над самой головой – жажнуло так, что находящиеся в комнате еле устояли на ногах. Пол дернулся под ними, по заводу прошла судорога и бетонные стены заныли от боли, как живые.

Пашка вздернул голову кверху и заторможено наблюдал, как покрывается глубокими трещинами закопченный потолок. Сидоркин заорал:

– Уходим! – и первый выскочил в коридор. Пашка за ним, и тут же навалился третий залп. Прошелся он как раз по всему третьему и второму этажам. Бойцы бросились к входу в цех, что светлел вынесенной дверью в конце коридора. Укрыться там было сейчас самым реальным, все-таки это центр здания, а не опасная близость к окнам и стенам.

Не удержавшись, Пашка обернулся на бегу. Лестница позади быстро покрывалась языками огня. И с перекошенным лицом неся за ними дед, которого Летеха оставил на лестничной площадке. За ним гналось пламя, облизывая ноги и грозя сожрать бегущего человека. Дед схитрил. Обманув жаркую волну, свернул в узкий проход. Наверняка там есть какой-нибудь пожарный выход, на бегу успел подумать Пашка, надо было самому догадаться.

И ударило еще раз. В спину подтолкнуло горячее, придав ускорения. Какие же все-таки длинные они, эти коридоры советских заводов. Стена той комнаты, где они были полминуты тому назад, начала рушиться. Несколько соседних стен выбило страшнейшим ударом и они, искореженные, обрушились на коридорную стену.

Весь этаж окутало черным, потом багровым и опять черным. На верхних этажах ощутимо мощно рвались пущенные с самолетов ракеты. Это Пашка уже не видел и не слышал, но явственно ощущал всем телом, как содрогается бетонное заводское тело. В ушах стоял лишь один ровный постоянный звон.

С ужасом увидел, как медленно, неспешно падает на него стена, не выдержавшая ударного огневого пресса. Обреченно упал на пол.

Спасения не было.

– Вот блин!.. – только и успел сказать самому себе, выставя вперед руки, но и этого не услышал.

Стена, рухнув верхним выбитым концом на соседнюю стенку, угрожающе просела и остановилась в полуметре от Пашкиного тела. Следующей за ней взрывной волной его вынесло из-под нее и протащило в самый конец коридора, до которого он так и не успел добежать. Швырнуло о стену в тупике и обожгло лицо.

К нему подскочил Летеха, что-то крича. Пашка и не слышал, что он там кричит, но старательно пытался понять по губам, зачем-то торопливо кивая.

По затихшей стене, о которую оперся, поднимаясь, понял, что обстрел закончен. Рядом, надув щеки и тяжело дыша, Сидоркин пытался выпрямить согнутую сошку пулемета. Пашка провел рукой по лицу, снимая прошедший страх и капли пота. Ресниц и бровей не было. Вот повезло... Сожженная растительность давала знать о себе лишь колючими оплавленными точками.

Летеха смеялся, показывая белые зубы на уже почти черном лице. Помотал головой, легонько стукнул по Пашкиной сфере кулаком и отошел к остальным.

Обе штурмовые группы в полном составе уже собрались здесь, в цеху. Меняли обоймы, поправлялись, утирали грязный пот с лиц.

Звон в ушах поутих и сквозь него он уже начал различать внешние звуки. Ротный бушевал:

– Вот уроды! Чуть не положили нас тут вместе с чертями... Кто заказывал эту самолетную дивизию, хотел бы я знать?! Связь есть!? Связь давай! – грозно рявкнул он на ротного связиста. Тот помотал головой, пряча глаза и продолжая вертеть настройку на своей заплочной радиокоробке, скинутой сейчас на пол.

– Все живы? – обвел он недобрым взглядом группу, – теперь можете только надеяться, что ребятам не придет в голову повторить налет. Так, теперь идем на третий этаж. Очень аккуратно, мы не знаем, кто там еще остался. Помощнички хреновы... Гранаты-патроны без надобности не тратить. Сидоркин, возьми троих и посмотрите там, где вы этот склад нашли, осталось ли там еще что-нибудь. Все сюда тащите. Трупиков там оставьте... Да, Морозов, записывай убитых боевиков давай, чтобы мы точное количество знали. Документы их все мне тащите.

– А че я? – вскинул голову Мороз, отрываясь от поверхностной чистки своего АКСа.

– Поговори еще... Молодые, что ли, писать будут?

– Писарь есть, пусть он и пишет, – проворчал Морозов.

– Да ранили в руку его, писаря нашего, угомонись ты...

– А-а, точно, – виновато зачесался дед, – вот ведь повезло, закосил, блин...

– Пашков, ты как? – хлопнул Пашку по плечу подошедший снова Летеха. Тот только кивнул, заново оглядывая свое тело, – слух вернулся? Береги себя...

Опять прикалывается, долговязый...

Третий этаж взяли в считанные минуты. Там никого не было. Не оказалось никого и на четвертом-пятом-шестом этажах, если не считать нескольких трупов, изуродованных взрывами.

Седьмой встретил группу ожесточенным огнем. Не тратя долго время, бойцы закидали все проходы, подсобки и кабинеты на этаже гранатами, найденными в здании, выпустили несколько выстрелов из гранатометов и врывались, расстреливая уже в основном измочаленные трупы. Здесь жалеть припасы уже не приходилось, тем более что найденного пока хватало с избытком.

Пашка машинально бежал за всеми, время от времени потряхивая онемевшей головой. Ощущение такое, будто болят сами мозги, и не понимаешь толком ничего, все проносится мимо тебя, ты во всем этом, но участвовать не получается, хотя надо. Перед глазами вертелись оторванные конечности, куски рваного мяса, оскаленные предсмертные рты. Ноги разъезжались по залитому кровью полу, то и дело натыкаясь на мягкое. Окружающее в какой-то миг заставило почувствовать себя в реальном аду – затянутые в сажу цеха, коридоры, пробитые ракетами стены, обрушившееся бетонные плиты, искореженные камень и железо. И все это обрамлено в красное, в дикие крики и яростный рев на фоне нескончаемой, как сама вечность, стрельбы... Завод пропитался запахом гари и горелого мяса. В обугленных проемах окон не было света – все застилал жирный дым, окутавший несчастный город. Пашка приостановился. Задрожал против своей воли. Сейчас, сейчас само пройдет, просто странное что-то... но кто-то из старослужащих сильно толкнул его сзади в спину.

– Хули косишь, Пашков! Вперед, душара, зачищай тот отсек!..

На восьмом этаже в одной из комнат Пашка наткнулся на живого наемника. Тот сидел, отложив в сторону снайперскую винтовку. Вокруг валялись пустые магазины из-под СВД. Наемник, худой светловолосый парень, сидел под самым окном, лицом к дверям, и нервно

курил сигарету, поднося ее к губам дрожащими пальцами. Шурился от дыма и моргал красными веками. Рядом лежала смятая пачка «Мальборо».

Парень вскинул на ворвавшегося Пашку загнанные синие глаза и Пашка... выстрелил. И замер, прислушиваясь к бьющемуся пульсу в контуженой голове. Сигарета, выпавшая из нервных бледных пальцев, тлела на полу, источая приятный сладкий дымок красивой жизни. Пашка глянул отстраненным взглядом на подрагивающее тело, секунду назад мыслящее, боящееся, живое.... На пробитый его очередью череп, пропитанные темной густой кровью светлые волосы. Шагнул вперед, захотелось зачем-то взглянуть поближе, и тут его вырвало. Рвало долго и мучительно, выворачивая наизнанку, выбрызгивая слезы из глаз.

– Нормально, молодчага, – заметил вошедший Летеха. Достал из камуфляжа убитого какие-то бумажки, документы, деньги. Долго разглядывал, хмурясь.

– Хохол, что ли? – пожал плечами и вышел, бросив на ходу Пашке, – кончай уже, а то горло болеть будет. Давай дуй наверх, там наши все...

Пашка вышел на неверных ногах в горящий коридор, подавив желание оглянуться. Будто оставил что-то в этом забрызганном кабинете. Забыл, блин, что именно...

Поднялся на последний этаж. Выстрелов уже не было, лишь внизу все постреливали, да продолжалась канонада в городе. Убитых боевиков только на последних двух этажах насчитали восемнадцать человек. Живых после штурма не осталось. Их всех выпотрошили на предмет документов и бесцеремонно выпихнули в окна, на головы осаждающим.

Ротный раздавал указания, расставляя бойцов по периметру к окнам. Несколько снайперов уже пробрались на крышу и оттуда время от времени слышались сухие хлопки одиночных выстрелов. Из окон усилилась стрельба, и боевикам внизу наконец пришлось отойти, оставляя трупы убитых на территории завода.

– Уходят, черти! – радостно кричал Морозов, стреляя из автомата в кого-то внизу. Рядом с ним в окно прошла пуля со стороны улицы, ударилась в потолок и, противно взвизгнув, нырнула в мягкое велюровое кресло.

– Осторожней ты... – Ротный кинул на Мороза взгляд, далекий от любовного, – позицию смени, чего прилип?..

Дед сменил позицию, Ротный продолжил раздавать указания. В соседнем помещении, заставленном шкафами и мягкой мебелью, перевязывали простреленную руку одному из «черпаков» и бинтовали рассеченную осколком голову Второму сержанту.

Расставив людей и убедившись, что все штурмовики живы, Ротный захватил с собой нескольких человек и пошел вниз. На первом этаже еще продолжалась стрельба, несмотря на отступление исламистов.

Через несколько часов он вернулся с несколькими бойцами из группы прикрытия. Закопченные, угрюмые лица, у Лехи Белого на руке красовалась пропитанная кровью повязка.

– Алексея убили, – мрачно бросил на ходу ротный. Летеха поджал губы и опустил голову.

Пашка понял, что белозубого командира второго взвода нет в живых. Все бойцы группы хорошо относились к всегда веселому и справедливому лейтенанту, всего-то на несколько годочков старше самих солдат.

– И Петлякова тоже там оставили, – Ротный бухнулся на шикарный диван и откинул автомат, с наслаждением вытянув ноги, – оба внизу... Сейчас не думайте о них, незачем. Потом думать будем... Вернемся к себе, тогда вспоминать... Не надо пока, некогда.

И прикрикнул на оглядывающегося Пашку:

– Пашков, ну вот чего ты напротив окна вьешься, придурок!? Соловей, чего у тебя бойцы шастают, а?! Иди, посмотри, этажом ниже варенье хавают. Надыбали пожрать, потом дристать будут дальше, чем видят. Еще не хватало, чтобы этих придурков перестреляли. Организуй проверку здания, пусть при деле будут, на предмет растяжек, складов и прочего враждебного

элемента, вдруг чего надыбаετε. Все съестное сюда, посмотрим, если не отравлено, разделим между всеми, жрать все хотят. Самцы хреновы...

– Где связь? Связь давай! – Ротный уже рычал на несчастного связиста.

Связист Бочаров только разводил руками, поправляя наушники и автомат на коленях.

Прошло еще несколько часов. Боевики не делали новых попыток проникнуть в здание. Спецназовцы стреливали по мелькающим на улице бородатым теням. Основная работа сейчас досталась снайперам. Ротный приказал стрелять только наверняка, не привлекая особого внимания, но выстрелы хлопали регулярно, без перерывов. Время от времени с крыши спускался то один, то другой снайпер, чистили наскоро винтовки, пили воду, перекусывали, курили – и вновь уползали на продуваемую всеми зимними ветрами крышу. На верхнем этаже все-таки нашли запасы продовольствия и еще теплую пищу. Боевикам днем не дали пообедать.

Летеха, вытянув длинные ноги, развалился в кожаном начальничьем кресле и неторопливо прихлебывал кофе, держа автомат на коленях. Вид у него был чрезвычайно довольный.

– Мороз, завязывай палить бестолку! – покрикивал он на деда, – оглохнуть можно. Не видишь, что ли, у меня – ланч!

– Так точно, то-а-ищ старший лейтенант! – орал в ответ Морозов, стрелял еще разок и уходил вниз к своим корешам, Пасечникову, Замку, Старшине и другим, пообсуждать события дня, виды на ближайшее будущее да просто покурить.

Андрюха Васильев притащил откуда-то Пашке литровую банку яблочного компота. Какое блаженство, наконец-то! Он опрокинул ее в себя, давая иссушенным внутренностям напиться. Банка кончилась непозволительно быстро, а пить захотелось еще больше.

Начало быстро темнеть. Снайпера сменили оптику на ночную, сержанты достали свои «вороны» – бинокли ночного видения. Всем уже давно было ясно, что подмоги до утра ждать неоткуда и провести ночь без сна придется на этом заводе. И хорошо еще, если завтра эта помощь придет.

Старшина плюхнулся на диванчик в углу комнаты и расслабленно проговорил:

– Пашков, не стреляй впустую, не надо, – зевнул своей бегемотовой пастью и добавил, – а то я тебе тоже отстрелю чего-нибудь, – и прикрыл глаза.

Пашку разбирала злость, но он решил за лучшее промолчать. В соседней комнате установил свой ПКМС прямо на столе напротив окна стволом наружу Жеха Сидоркин, сам уселся в кресле напротив, подтащив его поближе.

– Один хрен не спится, – объяснил он кому-то, – а если чего, и так поспать можно.

Пашка снова подошел к своему окну. С этой стороны виднелась смутно светлеющая в темноте дорога, ведущая к центру, нефтяные вышки на недалеких холмах. За несколькими кварталами частного сектора уже шла загородная местность. Разбомбленный город окутывался ночным мраком. Обстрелы артиллерии прекратились, слышались только залиvistые очереди, во всех концах города весело вспыхивали ракеты освещения да небо прочерчивали трассирующие вперемешку с зажигательными очереди.

Красиво, блин... Пашка зевнул и поежился. Становилось холодно. Очень холодно. А днем уже солнышко выглядывало, такое... не совсем холодное. Одно слово – юг... А ведь еще только начало января, новогодние праздники. Обидно...

Вдали горел пробитый нефте- или газопровод, прорезая темноту ярким плотным костром. На вершине горы напротив – еще один такой же, но вроде размером поменьше. Вот куда деньги-то улетают. Пашка усмехнулся и тихонько, чтобы не потревожить ничей чуткий отдых, подтащил к окну кресло поцелее и уселся, накинув на ноги какую-то драную накидку от дивана, обмотав ею берцы и ноги до колен. Чего в окно пялиться, все равно ничего не видно. Небо усеяно звездами, сквозь тучи видны, а луны нету, разглядеть что бы то ни было не представляется возможным.

Несмотря на это, с окон здания регулярно постреливали. На крыше ничуть не реже, чем днем, хлопали выстрелы долговязых СВДешек. Правильно, им в ночную оптику видно, пусть и стреляют. Снаружи по заводу тоже стреляли. Одна из пуль влетела в Пашкино окно, чирнула красным по потолку и ушла гулять по коридору. Пашка даже не повернул головы.

Через пару часов его и еще несколько человек вызвали вниз сменить группу прикрытия. На первом этаже было ненамного теплее, зато стреляли здесь постоянно с обеих сторон. Борясь с наступающей сонливостью, Пашка постреливал на всполохи снаружи, иногда уже не слыша собственного автомата. Еще часа через три, уже ночью, их наконец сменили. Пашка добрал до своего угла, тихонько уселся в скрипучее кресло на слабых кривых ножках, укрылся, как получилось, той потасканной по полу диванной накидкой. Убедился по могучему храпу, что Буйвол спит, Летехи из-за дверей не слышно. Ротный вообще остался внизу. И заснул под звуковой фон своего старшины и ровно шипящей уродливой рации, с виду очень напоминающей гражданский чемодан.

ПИСЬМО №3

Здравствуй, мой хороший!

Сейчас глубокая ночь. Я лежала и думала о нас, как делаю это каждую ночь... Когда темно, так хорошо мечтать... Днем суета вокруг оттесняет тебя на задний план, не то чтобы оттесняет, ты просто становишься фоном этого дня, а вечером ты заполняешь меня всю... несколько минут назад я то ли заснула, то ли выпала куда-то, сама не поняла, и – вот...

Сказка о нас.

Моя грудь дышит под твоими пальцами так свободно, ну как мне усомниться в твоем присутствии? Твоя тяжесть для меня легка, можно подумать, ты качаешься на одном-единственном лунном луче. Словно корни двух красивых елей, сплелись наши ноги, запотели каплями золотистой смолы. Наши тела не расплести. Твои руки плавают по моему телу двумя белыми лебедиными шеями, и не остановить мне падающего в бездну сердца. Слушаю твой голос, но не слышу, только чувствую твой шепот. И ты дышишь рядом все горячее, в этой окружающей нас горячей пустоте.

Поцелуй – огонь, в котором я горю. Вспыхни сам, нам лунного света хватит, хватит этого огня на двоих с избытком, я знаю. Ночь коротка, но эти мгновения – бесконечны. Руки не успевают рассказать, как я люблю тебя, и губы мои твоими насытятся не могут, и глаза мои не могут досыта в тебя взглянуться...

Конец.

Целую,

Твоя...

Холод стоял дикий. Поминутно Пашка просыпался, открывал глаза, смотрел в черное непроглядное небо из окна, дрожа от мороза. Кутался плотнее в драную тряпочку и вновь забывался.

Разбудил его тычок ногой. Рядом стоял Летеха, приложив наушники к уху и вслушиваясь в эфир.

– Хорош спать, – на секунду оторвавшись от шипящей какофонии, сказал Летеха, – одних нельзя ни на минуту оставить. Чего ты, Пашков? Пуля сразила?..

Пашка вскочил, дрожа от холода. Испугаться еще не успел, слишком холодно, слишком спать хочется. Зубы выбивали трескучую дробь, а изо рта индевеющим облаком вырывались облачка пара. За окном уже прокрадывался серый рассвет. Вышки вдали так и горели.

Лейтенант отвернулся от Пашки, виновато моргающего слипающимися от наросшего инея клочками обгорелых ресниц. Из наушников, пробиваясь сквозь все помехи, слышалось мерное:

– Бурый, Бурый, я – Тайга-2. Прием...

Летеха резко нажал на тангенку:

– На приеме Бурый! Прием.

Рация удивленно помолчала, словно не ожидала ответа. Затем пискнула и спросила:

– Бурый, это ты?.. Прием.

– Ну да, это я – Бурый, бурее некуда, совсем забурел. А ты – Тайга-2, черт бы тебя драл, прием...

Через пару мгновений рация ожила другим голосом:

– Бурый, наконец-то!.. Где вы и что у вас?

– А что у нас? – переспросил он, – мы, тьфу, бля, в квадрате... Квадрат взят штурмом, потери «поляков» большие, штук так двадцать-тридцать, никак не меньше, это только здесь... Прием.

– Вы, вы сами-то как?..

– Мы – прекрасно! У нас четверо «двухсотых» и шесть – «трехсотые» легко. Держим оборону, ждем-с. Когда вы подойдете, Тайга? Прием, – почти ласково мурлыкнул в микрофон Летеха.

– Бурый, слушай меня, – прозвучало из динамика, – Бурый, я вас понял, молодцы, но квадрат не нужен, я повторяю, сейчас квадрат не нужен.

Летеха матюгнулся. Вслушиваясь в слабый сигнал, поглядел на Пашку, не шевелящегося, чтобы случайно не заглушить своим движением далекого голоса.

– Район, ваш район, вместе с квадратом, будут ласкать с подъемом! Уже все согласовано... У вас там большие скопления чужих «огурцов» с «поляками». Иначе никак, понял? Выбирайтесь самостоятельно и следуйте обратно на прежний квадрат, на прежний квадрат. Как понял меня, Бурый?.. «Коробочек» не будет.

– Да вы охренели! – еле сдерживаясь, проговорил командир, – мы нахрена это месилово устраивали, людей положили, а?..

– Бурый, соблюдай субординацию, – сурово молвила рация, – выводи «карандашей» и будь на связи. Прием...

– Да пошли вы там все!.. – уже спокойно выговорил Летеха и кинул микрофоны Пашке в руки.

Рация возмущенно потребовала Бурого еще пару раз, потом замолчала, временами пошипывая.

– Зови ротного, – бросил Пашке.

Ротный долго и задумчиво молчал, выслушав обстановку. За окном неумолимо рассветало, высвечивая серым разрушенный город. На подоконник, выщербленный пулями, начал тихонько, скромными редкими пушинками опускаться утренний снежок.

С крыши, молчавшей уже несколько последних часов, опять донеслись хлопки винтовок снайперов группы. Мощно застучал Жехин пулемет за стеной, оглушив всех даже в соседней комнате.

– Сидоркин, что там у вас!? – раздраженно вскинулся Ротный.

– Сюда едут, товарищ капитан, там большой отряд, за деревьями крадутся, но так... не особенно они бояться там. Дальше у них машина с зенитной установкой, и на параллельной улице эти... как их, блин... танки. Два... Чертей вижу на них, это точно не наши, половина без формы, номеров нет, знаков нет, белых повязок нет. По переулку слева черти вчерашние сидят, выжидают. И в доме напротив та же ситуация. Оттуда всю ночь по нам палили. По ходу, обкладывают нас, – скрывая кашлем легкий мандраж, доложил Сидоркин.

– Значит, верно, – шумно выдохнул воздух Ротный, – все, оставаться нет смысла.

Выглянул на секунду в окно, сверился с движением боевиков, полез за картой.

– Должны успеть... Старшина, снимай всех, уходим! Через задний вход, тот, что замурован, пошли вниз саперов, пускай взрывают. Пересчитай всех, по дороге только. Не дай Боже ты здесь кого-нибудь спящего оставишь, Буйвол!.. Внизу соберетесь, растяжек натяните, сколько успеете. Пацанов похороните... В углу сожгите... Соляра еще осталась? Соберите у них жетоны, военники, письма, вещи все, всё, что при них было. Ничего не подделаешь, так надо, мы не можем их с собой тащить, иначе сами все поляжем. И быстро, на все про все у нас десять минут!..

– Ну-ка, снайперов всех с крыши! – басом заревел Буйвол, – остальные вниз все, и по окнам смотрим, не забываем. Оружие не оставляем им, никакое, ясно? Бегом, сынки!!!

Снайпера спускались, на ходу переставляя прицелы с ночных на обычную оптику, потирая красные от недосыпа и напряжения глаза, с круглыми синяками на веках.

С верхних этажей спускались бойцы, с каждым нижним этажом группа разрасталась. Правда сейчас их было уже меньше... Брякали оружием, своим и трофейным, на бегу рассылая патроны по карманам. Один из дедов, Толян, сунул Пашке свой дополнительный карабин. Закинув табельный АКС за спину, в руки взял американскую М-16, позаимствованную у убитого боевика.

– Говно, – выразил свое отношение Летеха, – убедишься сам, выкинешь...

– Не знаю, не знаю, – довольно заурчал дед.

На первом этаже уже ждали верхних. Мерным тяжелым пламенем горели убитые вчера пацаны. Ротный взял протянутые ему личные вещи убитых, спрятал под бронежилетом. Постояли молча.

От входа стали почаще постреливать. Ротный резко развернулся.

– Все, хорош, – смурно сказал глядящим на него солдатам, – соляры плесните, чтоб до прихода этих сучар тут и следа не осталось. Начинаем отход.

Саперы прилепили тротила к вмурованным в стену железным дверям на задней стене завода, видно, давно находящимся без использования. Протянули огнепроводный шнур, застыли со спичками на концах шнура, ожидая команды.

Буйвол в десятый раз пересчитывал группу. Бойцы быстро и вдумчиво балансировали на себе оружие и боеприпасы, прыгали и встряхивались, проверяя целостность и надежность экипировки.

– В укрытие, – Ротный окинул всех взглядом, – с взрывом выходим из дыры, через десять метров там канава, по канаве уходим вправо. Все очень быстро. Кого по пути встречаем, размазываем по земле и не сворачиваем. Слушаем мои команды. Руслан, – добавил он, обращаясь к Летехе, – если чего, ты принимаешь командование.

Летеха кивнул.

– Зажигай...

Чирнул коробок о спичку. Через полминуты после того, как сапер тоже ушел за спасительное укрытие, бетонная стена страшно вздрогнула. Раздался мощнейший взрыв. На секунду Пашке показалось, что вот-вот сейчас весь завод рухнет. Но завод уже доказал свою крепость.

– Нахрен так много!? – Летеха на бегу стукнул сапера сверху кулаком и первым выскочил наружу через дымящийся проем.

За ним, ошетилившись во все стороны стволами, ломанулась вся группа. Пашка, как всегда, оказался ближе к концу. Прямо перед ним пыхтел Головастик со своим разодранным ухом, позади легко бежал Андрюха, зорко посматривая по сторонам и сжимая в руках свой АКС с подствольником. Еще вчера он тащил на себе два тяжелых «Шмеля», как один из самых здоровых бойцов, сейчас же неся практически налегке, его лишь туго обхватывал пояс с заполненными кармашками для гранат к подствольному гранатомету.

Стремительная цепь спецназовцев достигла забора и на мгновение притаилась под ним, оценивая обстановку. Первые оглядывали улицу сквозь проделанную бомбежкой дыру в бетонном заборе.

– Не заметили, – почему-то шепотом сказал Пашке Андрюха, приблизившись вплотную.

Словно в ответ на его слова из дома справа застучало и над головами прошла очередь, выбивая крошку из бетона.

За забором у парадного входа раздались крики. Боевики обнаружили, что обложенным в заводе удалось уйти.

– Быстрее! – резко скомандовал Ротный, – в канаву!

Времени раздумывать не было. Первые выскочили в пролом, на улицу. Один из бойцов тут же заорал:

– Растяжка! Граната в строю!!!

Группа бросилась обратно под стену. Первые несколько человек, проскочившие наружу, успели укрыться в канаве. Пашка замешкался на секунду, неловко развернулся. Висящий на плече карабин неловко мотнулся и больно ударил широким стволом по губам. Сзади кто-то толкнул его в спину и он грохнулся наземь. В этот момент раздался взрыв. Землю возле забора вздыбило и вверх ровно поднялся багрово-коричневый конус разрыва. Утренний серый воздух оплавился горячим и затем вокруг прошелестел дождь из осколков, обдав лежащих волной страха.

Позади раздался отчетливый стук, нервный выдох. Пашка обернулся.

Только не это, вот блин же...

Сзади стоял Андрюха, он так и не успел упасть сам, заставив лечь Пашку. Задумчиво разглядывал свой пояс, заполненный гранатами. В одном из брезентовых кармашков темнела образцово квадратная дыра. Андрюха двумя пальцами, словно гидру, вытащил болванку. В гранате для подствольника красовался осколок от Ф-1, войдя внутрь болванки наполовину.

– Выкидывай ты ее нахер! – крикнул кто-то из старших.

Андрюха осторожно поднял гранату вверх и кинул в сторону завода, откуда уже появились первые фигуры и замелькали огоньки выстрелов. Боевики закричали что-то и залегли, ожидая разрыва. Взрыва все же не последовало, но в эти секунды вся оставшаяся группа смогла проскользнуть в дыру и уйти с территории завода.

Бежали по дну глубокой канавы, по грязи. Под ногами плелся переливающийся нефтяным жидкий ручеек канализационной воды, и ноги в берцах то и дело соскальзывали в него. Парни падали на глиняный склон, поднимались, поднимали товарищей и бежали опять, стараясь уйти как можно дальше от опасной зоны.

И казалось несколько раз, что вроде бы ушли, но сидящие на хвосте боевики нет-нет да показывались снова позади, стреляя на бегу. Не оторваться, и не остановиться, чтобы разобраться с этой помехой.

В конце группы двигались стрелки с более легким вооружением, чем у остальных – часть основной штурмовой группы спецназа, среди них были Летеха, Морозов, Замок и Старшина-Буйвол. Отстреливались навскидку, оборачиваясь на бегу.

Когда завод остался позади, так, что видна была лишь разбомбленная верхняя часть здания, на соседней улице неожиданно для всех послышался рев бронетехники. Ротный, что был в самом авангарде, остановился и дал знак залечь и притаиться.

– Да ложись ты, – толкнул в вонючую жижу один из дедов зазевавшегося Пашку.

Рев становился слышнее, ближе. Уже можно было расслышать чужую резкую речь. Вроде бы мимо, улица шла все-таки вдоль канавы, за аллеей, скорбно покрытой редким запеленным снегом.

В этот момент позади вновь показались фигуры преследователей. Радостно заорав, они присели и принялись стрелять по канаве. Ближе не приближались, но расстояние для стрелко-

вого оружия не такое уж большое – сто-сто двадцать метров. Как в тире, прикинул расстояние Пашка. Несколько пуль шмякнулись в грязь поблизости. Пришлось вздрогнуть и отодвинуться.

Летеха нетерпеливо поглядывал вперед, на Ротного, ожидая отмены команды. Деда тоже держали чужих на прицеле, съезжившись, как только можно, чтобы не представлять собою удобную мишень. Видно было, чего стоит им сдерживаться и не нажимать спусковые крючки своего оружия.

Боевики, поняв для себя, что русские выжидают проезда, обрадовано загорланили и начали подбираться поближе. Несколько юрких фигур метнулись в сторону – то ли в обход на улицу, то ли за поддержкой на броне.

Догадка оказалась верна – рев техники, вроде бы уходящий уже в конец улицы, оставался и поутих. На фоне мерных холостых ходов можно было расслышать возбужденные голоса. К тому же пули боевиков позади стали ложиться ближе и кучнее. У кого-то расщепило приклад, кто-то застонал, зажимая рану на ноге.

Выжидать теперь не было смысла. Ротный знаком поднял группу.

Летеха обрадовано крякнул и начал отстреливать севших на хвост боевиков. Было отчетливо видно, как несколько темных фигур развернуло точными выстрелами. И огонь с той стороны тут же прекратился, теперь боевики залегли, спасаясь от убойного огня русского спецназа.

И начали стрелять сбоку слева, это уже те, новые. Блин, ехали бы себе, теперь с двух сторон накрывают. Еще и техника снова оживилась, разворачиваются там. По звуку – так наши Т-80. Откуда у чеченов танки и те, кто на них ездить и стрелять может, Пашка даже предположить не мог. И времени предполагать совсем не было. Он лихорадочно бежал вместе со всей группой, время от времени постреливая навскидку по теням в стороне на улице.

Вдобавок ко всем напастьям кончились деревья на алее, до той поры мало-мальски прикрывающие их. Теперь канава оказалась совершенно оголенной и если подобраться поближе, то все они представляли собой отличную мишень с двух сторон. К тому же с другой стороны, третьей, до того молчавшей, начали раздаваться редкие выстрелы.

– Снайпер, что ли, сука... Быстрее, быстрее, шире шаг!.. – подгоняли сами себя парни. Раненых поддерживали, не давая отставать.

С очередной вспышкой пуля рванула ранец впереди бегущего Головастика. Переворочила звонко все пули в ранце и вылетела, продрав плотный брезент. Сашка не удержался и, развернувшись, сел на грязную землю. Пашка бросился его поднимать.

Внезапно ощутил достаточно сильный и неприятный удар по сфере, который сорвал защитную каску с головы. Не поняв, в чем дело, обернулся, предположив с ходу, что ударил кто-то из дедов, подгоняя замешкавшийся молодняк. Но деды с Летехой двигались еще чуть дальше, держа наседающих наемников на расстоянии. Сфера, отброшенная мощным ударом, отлетела, хлюпнула в грязь и покатила вниз, в самую жижу. С ужасом Пашка увидел, что обтянутый камуфляжный кожан разодран надвое черной полосой, и сквозь него проглядывает прочерченный пулей лист титана.

Бросился прямо в грязь, увлекая за собой Головастика, заорал дурным голосом:

– Справа снайпер, пригнуться!!! – и с изумлением увидел, как Летеха с дедами послушно согнулись в три погибели, буквально на карачках проползая опасный участок.

Головастик, а за ним Пашка рванули вперед, не чуя ног под собой. Вперед, вперед, все равно куда, лишь бы не оставаться здесь, наедине с витающей смертью. Там дальше Ротный, целый и невредимый, значит, живем пока, выведет, старый волк матерый. Только быстрее бы...

Сашка оступися в очередной раз, испуганно заорал на ходу неизвестно к чему:

– Ну его нахрен! – словно это был для него сон, стоило только очнуться и ощутить, что ты в безопасности. Перевернуться на другой бок...

Пробуждение не приходило. Дальше все было только страшнее. Стреляли уже с трех сторон, стреляли постоянно, причем с двух из них практически в упор. Группа буквально продиралась сквозь свинцовый ливень.

Перед Пашкой оступился и упал в грязь дед с М-16, быстро вскочил, утопая разодранной рукой в жиже. Вскинул винтовку к плечу, чтобы ответить в сторону мерцающих в рассветном сумраке огоньков. Осечка... Еще одна.

– Бля, вот херня-то! – отшвырнул он М-16 в сторону и схватил висящий за спиной свой видывавший АКС-74М.

Впереди начались частные жилые дома. Канавы делала резкий поворот направо и на несколько минут боевики потеряли их из виду. Это дало шанс выскочить из спасительной канавы и быстро продвинуться внутрь частного сектора, где была возможность затеряться. Позади начали рваться гранаты и мощно застрекотал танковый «Утес», превращая канаву в ровное место.

– Боже правый, помоги нам, грешным, – вполголоса произнес кто-то рядом. С изумлением Пашка обнаружил, что молился Чернышев, большой добрый дед с ровным и спокойным характером и вечно угрюмым лицом. Сейчас его глаза были широко раскрыты, зрачки застыли, а бледные губы чуть подрагивали, неслышно читая молитву.

Рядом грохнуло. Еще... И еще... По каменистой мостовой дробно застучали очереди. Их обнаружили. Стрельба вновь стала такой плотной, что пришлось броситься на землю и ползти вперед, прижимаясь распластанным телом к земле. Пули высекали искры перед непокрытой головой, отскочивший от пули камень рассек Пашке кожу на бритой голове, но он даже не почувствовал стекающей крови. Вокруг царил Ужас, а светлеющее утреннее небо почернело от огня и взрывов. Пашка нашел в себе силы поднять голову от мостовой и взглянуть вперед.

Ротный был впереди, яростно что-то приказывая следующим за ним бойцам. Живем, значит...

Стреляют, стреляют отовсюду. Стреляют по нему, Пашке...

Рядом кто-то орал истошным голосом:

– Накрыли, накрыли, накрыли!..

Головастик, уже оказавшийся позади, втянул большую голову в бронежилет так, что стал похож на черепаху, пытающуюся уместиться в свой ставший маленьким панцирь, и только стонал, ползя куда-то, не видя куда:

– А-а-а...

Внезапно стена дома по правую руку, которую Пашку не сколько видел последние минуты, сколько ощущал, кончилась. Чьи-то железные руки-клещи схватили Пашку и дернули за угол. Краем ошеломленного сознания он увидел Ротного, сосредоточенно выглядывающего из-за угла и вытаскивающего своих бойцов одного за другим из этого шквала огня.

– Ты чего, Пашков? Жарко стало? Где сферу-то посеял? – осведомился он у Пашки. Не дожидаясь ответа, отпихнул его подальше и вытянул следующего за Пашкой Головастика.

Солдаты хрипели, прижавшись к стене.

– Чего расселись, уроды? – зарычал Ротный, – перезаряжаемся, оборону держим!.. Прикрывайте товарищей...

Пашка хватал ртом пороховой холодный воздух, не замечая, как тот обжигает натруженную глотку. Внутри все дрожало. За адреналиновым состоянием он только сейчас вспомнил, что патроны в рожке давно уже кончились, а указательный палец до сих пор судорожно давил на спусковой крючок. Разжал побелевший палец. Полных магазинов уже не было, а доставать из ранца и заполнять времени не оставалось. Снял с ремня карабин, а АКС закинул за спину, даже не осознавая смысла своих действий.

Из-за угла вырывались ползущие бойцы, прикрывающие отход. Последними сюда завернули Летеха с Замком. Они тащили за собой Морозова...

Мороз, сжав белые, бескровные губы, с ужасом смотрел на свои ноги. Там, где они должны были быть, виднелись две разорванные в кровавый хлам культяпки.

Пашка уставился на это месиво, не в силах отвести взгляд.

Ротный выдернул Морозова к себе, быстро осмотрел рану, не глядя солдату в глаза:

– Таз тоже разбит. Не дотянет...

Мороз расширенными глазами смотрел на своего командира. Много чего в этот момент отражалось на его лице. Сипло произнес, не веря тому, что говорит:

– Я останусь... Идите.

В конце переулка показались наемники, за ними танк, под его прикрытием шел еще отряд. Старшина крикнул, подползая поближе и давая очередь в ту сторону:

– На себе донесу, давай...

Летеха его оборвал:

– Бесполезно, – и отвернулся, переставляя магазин и утирая грязной рукой лицо.

Мороз слабо подал голос:

– Не, Буйвол, я все... Чувствую –дохну... Попробую, остановлю их, – он с трудом перевернулся на живот. Культяпки закрутились друг за друга. Пополз к воронке посреди улицы, оставляя за собой жирный красный след.

Останавливать его никто не стал.

– Держи их дольше, – Летеха с Ротным давали последние распоряжения, – стреляй, не высовывайся.

Летеха выхватил у Сидоркина ПКМС и установил перед Морозом, вывалил рядом ранец с лентами и несколько гранат.

– Если... когда кончатся, последнюю под бронежилет. Понял? – крикнул бойцу, уже отползая.

– Так точно, как учили, – не услышали, но прочитали по губам, искривленным болью и близкой смертью.

Ротный сглотнул и отвернулся.

– Пошли! – зычно скомандовал.

Стрельба с той стороны усиливалась. Группа встала и начала продвижение вглубь города, к своим. Последнее, что видел Пашка, на бегу оглянувшись – белое, улыбающееся лицо Морозова, от которого навсегда уходила его родная группа спецназа. И Летеху, раздувшего ноздри и крестящего в воздухе окровавленной рукой своего лучшего бойца...

Затем он развернулся и бросился вслед за всеми. Сзади дробно застучал ПКМС, расчетливо убирающий с дороги осмелевших наемников.

Мороз долго держал врагов. Группа успела беспрепятственно пересечь три темные улочки и зайти под сень деревьев одного из дворов, когда очереди оборвались и послышались несколько взрывов подряд.

Затем все стихло...

Никто не стрелял позади. Уже не в кого. Боевики наткнулись на одинокое, истерзанное тело русского солдата. Один Аллах ведает, о чем они думали и что там было дальше. Группа спецназа, ушедшая благодаря рядовому Морозову, уходила все дальше. А догнать людей, которые бегали целыми днями, было зряшной затеей. В тишине слышны были только дыхание пацанов и бряцанье оставшегося у них оружия.

Старшина бежал, хрипло рыча от бешенства и стряхивая слезы бессильной ярости крепкой ручищей. Жеха Сидоркин что-то сказал, Пашка не расслышал. Тогда тот сам снял с Пашки автомат и, доставая на ходу патроны, начал заряжать магазины на бегу.

В каком-то темном дворике навстречу им выскользнули с десятков теней. Со своими сложно спутать. У некоторых бороды, зеленые повязки на шапках. Буйвол, радостно взревев, бросился на них. Сбив первого мощным ударом ноги, ворвался в середину и прикладом раз-

можжил другому голову. Ротный, выхватив штык-нож, с ходу вонзил по рукоять в лицо еще одному, не успевшему вскинуть автомат. Один из бородачей ловко увернулся от тычка стволом Замковского автомата и, встав на одно колено, начал поднимать свой, прилаживая к бедру для выстрела.

Пашка вскинул карабин, передернул рубчатый затвор, забыв напрочь, что патрон в патронник уже дослан. Тот вылетел на снег, но Пашка уже выстрелил вторым в этот момент, и боевика откинуло назад, разворотив все внутренности.

На благодарности у Замка не оставалось времени – сзади на него напрыгнул еще один, худой и густо покрытый черной щетиной. Ткнул Замка кинжалом в живот, попал в бронежилет. Соловью ничего не оставалось, как схватить того за руку. Боевик начал подбираться к горлу, вырывая руку с кинжалом.

Быстрее Пашки подоспел Лютый, на ходу выхватив свой штык-нож и полоснувший боевика по горлу. Замка залило чужой кровью, он стряхнул с себя захрипевшее тело.

Рядом уже лежали два зарезанных трупа – спецназовцы работали точно и беспощадно, не давая противнику применить огнестрельное оружие. К ним присоединился третий – Буйвол, перехватив поудобнее скользкий в крови нож, ткнул боевика с такой силой в плечо над ключицей, что тот рухнул на колени и заорал от боли и страха. Старшина провернул нож в ране, выдернул, ударил острием в голову, еще... И с рыком:

– Ну че ты, падла! – пнул берцем в залитое кровью лицо. Боевик молча свалился назад, конвульсивно подергиваясь всем телом, – я за Мороза вас всех...

Несколько оставшихся в первые мгновения живыми боевиков бросились в сторону, прочь от смерти в серых пятнистых камуфляжах, но несколько спецназовцев молча догнали их и, распластав по земле, прикончили.

Грозное утро светлело. Пашка, судорожно вздохнув, огляделся. Грязный снег вокруг был густо пропитан кровью. Перед ним лежал убитый его выстрелом боевик. Тот, что с взрезанным горлом, до сих пор подергивал ногой. Но Пашку уже не тошнило, ему было уже все равно, лишь сильнее чувствовалась усталость и равнодушие к чужим смертям. И казалось, что другой жизни в мире не было, что так оно и было всегда...

В стороне зажимал проткнутую кавказским кинжалом ладонь один из солдат. Ротный оглядел всех и подал знак уходить.

– Все уже, скоро к своим выйдем. Тут город-то город... Держитесь, парни, – только и произнес он.

Группа вытянутой цепью двинулась дальше, уходя с чужой территории. Раненых поддерживали, не прекращая при этом постоянно осматриваться.

В одном из дворики их ожидала отвратительная картина. Несколько убитых солдат лежали в один ряд. Солдатские брюки были сдернуты, а на месте того, что гражданские именуют мужским достоинством, виднелись лишь окровавленные раны. Само же оно торчало из насильно открытых ртов.

– Уроды, бля! Животные... – не выдержал кто-то из бойцов.

– Смотрите, парни, смотрите, – сказал Ротный, – и не задавайтесь потом вопросом – «а за что мы здесь воюем?»...

Пробежали дальше. Начались центральные улицы. На них по понятным причинам не выходили, продвигаясь дворами. Здесь можно было встретить уже кого угодно, как своих, так и не совсем.

Вокруг по дорогам валялась искореженная, черная бронетехника. Вскрытые гигантским консервным ножом БТРы, БМПшки, БРДМ и танки. Множество трупов везде. Куда не кинь взгляд, всюду трупы, мертвые тела, изуродованные солдаты. И пока тишина... И в этой тишине только стаи бродячих собак пожирали мертвяков, злобно сверкая потерявшими свое осознание глазами на пробегающих мимо людей, еще почему-то живых.

Косматая зубастая тварь рванула зубами кусок мяса, колыхая непомерно раздутым брюхом.

Ротный показал – не торопиться, идти шагом.

Пошли вглубь жилых кварталов. Пашка вспомнил, что здесь они уже когда-то были. Здесь уже и до выхода из города недалеко.

Внезапно впереди послышались отчаянные крики и в лицо ударили автоматные очереди.

Опять... Пашка снова бросился на землю. Группа залегла, отстреливаясь. Засевший в переулке между жилыми домами противник не показывался, обозначая себя лишь точками выстрелов.

– Стой, стойте! Не стрелять!.. – неожиданно скомандовал Ротный. Включил свою висевшую до того без дела рацию. Солдаты прекратили огонь и залегли за укрытиями, выжидая, глядя на своего командира.

– Тайга-2, это Бурый, прием!..

После нескольких позывных Тайга отозвалась.

– Мы в квадрате... Вышли из окружения. Тут нас не пускают, это твои?..

– Квадрат... – рация помолчала, – сейчас, Бурый, я посмотрю.

Через минуту снова голос:

– Бурый, Бурый, кажется, мои. Поднимите белый флаг, махните два раза. Если там повторят, значит – мои.

Стрельба со стороны переулка прекратилась, как по команде.

– Какой нахрен флаг? – Ротный огляделся.

Кто-то протянул ему бывшим некогда белым кусок солдатской рубашки. Ротный подвязал его к СВД и поднял на вытянутой руке, качнул два раза из стороны в сторону.

Бойцы напряженно всматривались вперед. Спустя долгую минуту с той стороны показалось что-то белое и тоже качнулось. Показался человек...

– Есть, свои! – радостно загорланили парни.

– Так, пошли вперед, но аккуратно. Не доверяйте очень-то, вдруг замануха... – предупредил ротный командир и встал первым, держа оружие на руках.

Но там действительно оказались свои. Навстречу выбежали сразу несколько солдат с офицерами, помогая дойти раненым.

– Ни фига себе, мужики, вот вам досталось... – качал головой какой-то молодой лейтенант, оглядывая перепачканных в своей и чужой крови спецназовцев. Пашка поглядел на него отстраненным взглядом. По привычке оглянулся на пустынную улицу, прощупал взглядом проемы окон – не преследует ли их и здесь еще кто-нибудь. Кто знает? Жизнь, она ведь такая...

Придерживающий одной рукой задетые ребра Пасечников отмахивался от норовившего подсобить ему солдата с грязным широким лицом.

Ротный первым делом отчитал старшего офицера, вышедшего к ним навстречу:

– Вы что, своих уже от чеченов не отличаете? – уголок его верхней губы слегка дернулся кверху, – ведь могли бы и вас порюхать...

Худенький черноволосый мальчишка подбежал к самому краю ямы. На его подбородке едва-едва пробивался мягкий темный пушок. На вид можно было дать ему лет шестнадцать, да и то с большой натяжкой. Он с воодушевлением плюнул вниз, не зная даже, в кого из пленных интереснее попасть – Пашку или Виталию, поэтому плевок противно шлепнулся между ними, не задев ни того, ни другого.

Черноволосого отпихнул в сторону парнишка ненамногом старше. Волосы у него немного вились, а лицо, в общем-то достаточно симпатичное, покраснелось, словно от долгого

бега или игры. Радостно захохотал, будто пленные солдаты на дне ямы представляли собой такое уж уморительное зрелище. Нагнулся над проемом, прищурил глаза и произнес:

– Ца, ши копейк тен далита?* Э-э-э... Праститутк...

– Че?.. – Пашка непонимающе нахмурился, вырванный из своих воспоминаний.

В этот момент худенький черноволосый с каким-то привзвизгиванием засмеялся и ухватил друга за шею. Они завозились на краю ямы, пытаясь побороть один другого. Пашка наблюдал с минуту, как эти двое балансировали на самом краю. Не хватало еще, чтобы эти чертята сверзились к ним вниз. Чего доброго, еще скажут потом, что заманили, да и проводить время в обществе юных бестолковых дикарей не казалось такой уж замечательной идеей.

Вдоволь набалансировавшись на опасном краю, мальчишки убежали. Уже издали слышались их веселые крики и сытый смех.

В небе наверху набухало тучами темное небо, грозно надувая свое гигантское брюхо. Они с Виталей сидели в этой яме то ли пять, то ли шесть дней. Со счета Пашка сбился, да и считать эти дни, скорее всего последние, как он предполагал, не хотелось. Их все так же подкармливали, как с первого дня здесь. Каждое утро приходил Ахмет, спускал ведро с водой и кидал вниз бумажный сверток. Обычно там оказывалась пара лавашей и банка консервов. Вечером ведро забиралось, и пленникам доставался еще пакетик со съестным. Предугадать, что в нем, иногда не представлялось возможным. Вчера, например, там оказался один большой, на полкило, кусок вареного мяса, посыпанного черемшой и солью – настоящее счастье. В животе у Пашки заурчало при одном только воспоминании. А в иные дни там могла запросто оказаться горсть сырых бобов и кусок обгрызенной мышами лепешки. Не скупилась «диетологи» лишь на лук и чеснок, эти вещи почти всегда присутствовали в их рационе.

– Витаminy, – довольно урчал Виталя и вмиг сгрызал свою луковицу. Видя его страсть к луку, иногда Пашка отдавал ему свою.

За эти дни пленники вдоволь отоспались и немного отъелись. Во всяком случае, того дикого голода, который Пашка испытывал в начале этого пути, уже не было. Спать старались днем и вечером, пока было достаточно тепло и бандиты не так доставали своими посещениями. Впрочем, присутствие военнопленных в лагере стало привычным, и все реже боевики подходили к зиндану поглазеть на русских, кинуть вниз пару земляных камней и покрыть отборнейшим русским матом, перемежая его обещаниями сотворить с ними и со всеми русскими то, что возможно и невозможно сделать. Пашка делал вид, что не замечает присутствующих, чутко вслушиваясь в то же время в эти речи, пытаясь уловить смысл угроз. Возможно, удастся прояснить, какая же участь все-таки им уготована. Но, кроме новых описаний пыток, что достанутся на их долю, и всяческих подобных приятных пожеланий ничего нового не узнавал.

Ночью, конечно, тоже старались поспать, но из-за очень низкой температуры это не очень хорошо удавалось. Земля даже за день не прогревалась, а ночью высасывала тепло из одетых в одни лишь летние камуфляжи солдат. Как правило, ближе к утру спать уже просто было невозможно. Оба встречали рассвет на ногах, позвякивая от холода зубами и одной на двоих цепью.

Вот и сейчас, несмотря на полуденное тепло, Виталя стоял и зябко подрагивал плечами, не решаясь присесть на еще скованную ночным морозцем землю.

* грязное ругательство (чеченск.)

– Каждый день, каждое начавшееся утро мы ждем, когда за нами придут. Будут пытаться сразу убьют?.. – осипшим голосом проговорил Виталя, шмыгнув носом, – весь день боимся этого... И ты боишься, я же вижу, – Пашка отстраненно посмотрел на него, – с облегчением вздыхаем при наступлении вечера, потому что вероятность того, что за нами придут по темноте, не столь велика. И каждую ночь проклинаям этот холод и надеемся, что может, хоть завтра, с началом нового дня, что-то решат с нами. Может, и обойдется все... Хотя вряд ли...

Ждем утра, ждем тепла, еды ждем, конечно... и еще чего-то ждем... А когда уже утро, вот все заходили наверху, ожили, и хочется, чтобы оно пролетело, чтобы вновь наступила темнота. Ведь днем за нами могут придти, и придут ведь когда-то. И, может, уже сейчас идут... И мы сидим здесь, как две загнанные мыши, и боимся даже думать, чтобы, не дай Бог, не привлечь к себе лишнего внимания. И опять боимся... Я вот просто не понял еще, что страшнее – ждать утра, чтобы согреться, потому что мучительно высиживать всю ночь и мучиться холодом, либо страшнее сидеть весь день и прислушиваться ко всем этим шагам наверху? Что страшнее?.. И знаем ведь, что о нас никто не забыл, если их здесь не присутствует каждый час, это совсем не значит, что мы им не нужны. Просто они мучают нас этим страхом подольше, это тоже своего рода пытка, они знают об этом нашем страхе, питаются им, и выжидают наиболее подходящего момента, чтобы нас грохнуть. Наверное, хотят сделать это красиво.

– Это ты красиво говоришь, – беззлобно сказал Пашка, когда Виталя замолк. Поерзал по земле онемевшим задом, – рассказал бы чего повеселее.

– Что тебе повеселее? – скосил глаза на Пашку глаза Виталя, – что уж может быть веселее? Ты повеселиться хочешь?..

– Ну, – утвердительно кивнул Пашка и почесал щеку, – блин, побриться бы...

Поросль на его лице была немногим гуще, чему того чеченского пацана, что подбегал недавно, но доставляла неудобства – чесалась и вообще, непривычно. Пашка привык следить за собой даже в жестких условиях. Тут же условий просто не было.

– Ничего, – Виталя нервно хохотнул, – скоро тебе ее подпалят, бороденку твою, – и страдальчески сморщился от собственной шутки.

– Спасибо, – саркастически поблагодарил Пашка.

Тот только махнул рукой и поднял лицо к холодному осеннему небу. Помолчал с минуту. Потом заметил:

– Гляди, вот октябрь уже, наверное, а иногда даже солнце... И греет ведь даже. У нас на Алтае уже почти зима...

– Ничего, – пообещал Пашка, – со дня на день должен сезон дождей начаться, тогда и солнца не увидишь. Тут все затопит нахрен. Весной-то дождь сплошной, помню, грязища непролазная, а осенью, говорят, еще и похлеще...

– Сезон дождей, – задумчиво проговорил Виталя и взглянул на товарища, – ну да, ты же здесь во второй раз. Герой... – последнее слово было произнесено с нездоровым смешком.

– Пошел ты... – Пашка устало прикрыл глаза, – параноик.

– Лучше быть параноиком, – вдумчиво сказал Виталя, – это хоть в большинстве случаев нормальный человек. Не то что ты, Рембо хренов. Если эти уроды узнают, что ты здесь еще с зимы кукуешь, постреливают их братьев – точно сгноят, утыкают кинжалами, как ежика. И меня вместе с тобой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.